

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№7 ИЮЛЬ

2011

© издание ёфицировано

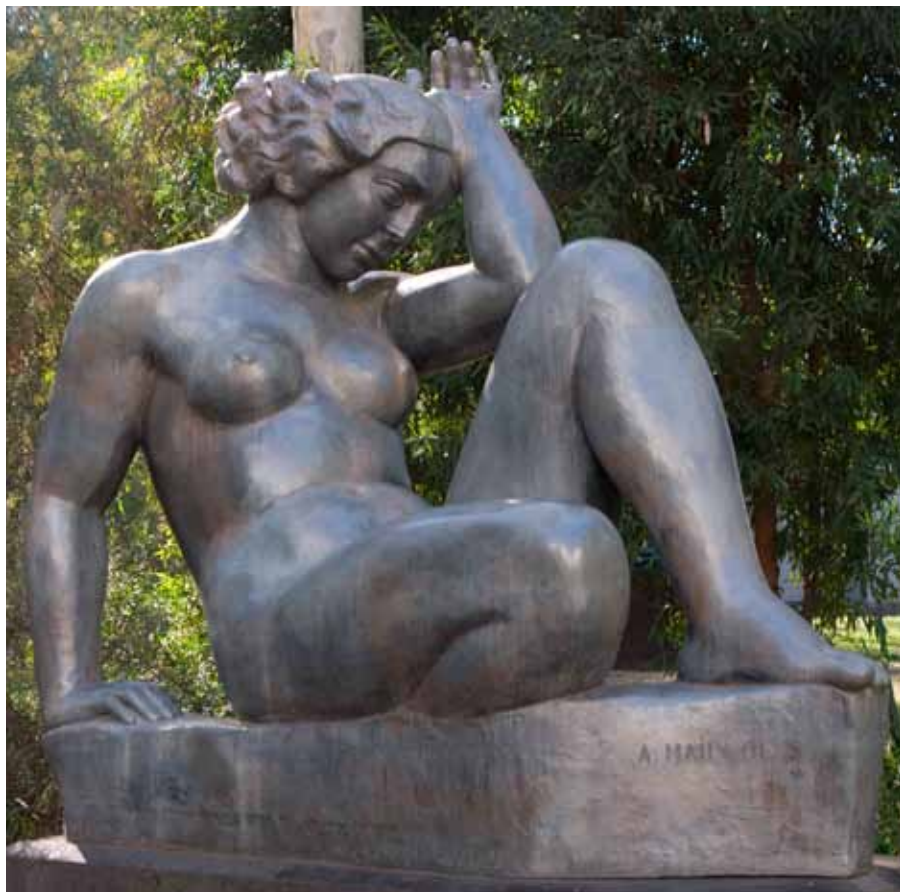

ФОТО: Bertie Mabootoo from Canberra, Australia

Аристид Майоль. Парковая скульптура в Национальной галерее Австралии.
О Майоле и его натурщице Дине Верни читайте на стр. 72

<i>МИНУВШЕЕ</i>	Женщина с мёртвым сердцем	4
	Светлана Бестужева-Лада	
	<i>КОНКУРС ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ</i>	17, 83
	Дина Сабынина, Александр Гребенев	
	<i>НАШИ ПУБЛИКАЦИИ</i>	Орёл
	Иван Шмелёв	18
<i>ЭТО ИНТЕРЕСНО</i>	Жизнь и судьба Алана Тьюринга	27
	Игорь Опарин	
	<i>НЕИЗВЕСТНОЕ ОБ ИЗВЕСТНОМ</i>	Кто убил человека с золотым носом?
	Денис Логинов	36
	<i>РАССКАЗ</i>	Бестолочь
	Варвара Клюева	48
<i>ТВОРЕЦ И ЖЕНЩИНА</i>	Муза Аристида Майоля	72
	Ирина Олимах	
<i>НЕФОРМАТ</i>	Братья наши... меньшие?	84
	Екатерина Пименова	
	Памятники животным	95
	Евгений Гик	
<i>РАССКАЗ</i>	Призрак маркизы Эплфордской	103
	Джером К. Джером	
	<i>РАССКАЗ</i>	Скелет
	Хелью Ребане	116
	<i>РАССКАЗ</i>	Убить друга
	Хелью Ребане	119
<i>ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ</i>	Счастливый и несчастный...	126
	Евгения Гордиенко	
<i>ДЕТЕКТИВ</i>	Коттедж с видом на убийство	134
	Александр Аннин	
	<i>КРОССВОРД, ЭРУДИТ</i>	188

СМЕНА

Главный редактор
Михаил Григорьевич Кизилов

Заместитель главного редактора
Тамара Васильевна Чичина

Вёрстка
Валерий Иванович Харламов

Корректор
Юлия Борисовна Воронова

Обложка и иллюстрации
Лев Рябинин

ООО «ЖУРНАЛ «СМЕНА»
Генеральный директор
Дмитрий Юрьевич Мережко

Главный бухгалтер
Любовь Александровна Бижко

Директор по распространению
Мария Александровна Яркина, e-mail: sales@smena-online.ru

Офис-менеджер
Людмила Николаевна Калинина

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом журнала
«Смена».

Адрес редакции и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д. 14
e-mail: jurnal@smena-online.ru
тел. (495) 612-15-07,
факс (499) 257-13-78

www.smena-online.ru

© ООО «Журнал «Смена»
Исключительные права на тек-
стовые и фотоматериалы, пу-
бликуемые в журнале «Смена»,
принадлежат ООО «Журнал
«Смена» и охраняются в соот-
ветствии с законодательством
РФ и международными согла-
шениями.

Шрифт: ParaType

Макет:
Екатерина Балеевская

Отпечатано ОАО ордена Трудового
Красного Знамени
«Чеховский полиграфический
комбинат»:
142300 МО г. Чехов,
ул. Полиграфистов д.1
Тираж – 14 000 экз.
Зак. №????
Цена свободная
Номер подписан в печать:
22.06.2011

Здравствуйтесь, уважаемая редакция журнала «Смена»!

Меня зовут Мария, мне 29 лет, и я мама двух детей, про профессии эконо-
мист, но нахожусь в отпуске по уходу за ребёнком. Проживаю в город-
ском округе Зеленоград. Ваш адрес я получила от сотрудника учебно-
го заведения, в котором проживает и обучается мой старший сын Евге-
ний. Он родился с мозаичным даун-синдромом и нуждается в особом ре-
жиме проживания. Я ваш читатель недавно и прочитала несколько но-
меров и самого журнала, и литературного приложения. Хочу сказать,
что журнал мне очень понравился. Особенно исторические статьи Светла-
ны Бестужевой-Лада, мне всегда нравилось читать материалы и произве-
дения по истории. Она хорошо пишет, очень спокойным тоном и чувству-
ется, что ничего не выдумывает от себя, а основывается на реальных фак-
тах. Очень приятный стиль написания. И спасибо за антикварные фото
в этих статьях, только жаль, что они не очень хорошего качества.
Но всё-таки я хочу сказать, что не мешало бы больше материалов по-
свящать детям. Это будет многим интересно, особенно мамам. И детям
с ограниченными возможностями, вопросам помощи им в обществе, со-
циальной поддержки. Многие важные вопросы сейчас совсем не освеща-
ются, хотя в скором времени ожидается введение ювенальной юстиции,
и адвокат Павел Астахов недавно говорил, что вопросы отношения к де-
тям в России будут коренным образом пересмотрены. Пока этого не за-
метно. Хотелось бы также почитать больше статей именно для женщин,
об устройстве дома, о семье. Хотя, конечно, я понимаю, что ваш журнал
не то же самое, что женские издания. И побольше статей об образовании,
воспитании и помощи детям, которым по разным причинам трудно адап-
тироваться в среде сверстников. Я уверена, что таких мам как я много,
и они с удовольствием стали бы покупать и читать ваш журнал.
Извините, пожалуйста, если я высказалась слишком категорично. Ваш
журнал действительно очень хороший, очень серьёзный и достойный
того, чтобы читателей у вас стало ещё больше.

С уважением, Мария Пригорова.

ЖЕНЩИНА С МЁРТВЫМ СЕРДЦЕМ

Светлана Бестужева-Лада

Лариса Рейснер

Она мечтала погибнуть под пулями или на виселице, а умерла от глотка сырого молока. Её любили, боготворили, ненавидели — женщину, олицетворявшую Революцию для аристократов, и для простолюдинов.

Но о себе она в один из редких моментов искренности скажет: «В сказке — каменное сердце. Каменное? Это ещё ничего. Но если мёртвое, мёртвое?..»

По-видимому, она знала себя лучше, чем окружающие. И была великолепной актрисой, коль скоро сыграла собственную жизнь, всегда чувствуя себя словно на сцене.

Единственная и неповторимая Лариса Рейснер...

Она родилась в семье профессора права Михаила Андреевича Рейснера, человека сильного характера и огромного ума, и Екатерины Александровны, урождённой Хитрово, представительницы старинного, знатного дворянского рода. Именно она распространила легенду о том, что предками Рейснеров были рейнские бароны-крестоносцы. Даже

хлопотала о прибавлении к фамилии заветной частицы «фон», да революция помешала.

Судя по воспоминаниям, женщиной она была очень тяжёлой, амбициозной, с неуравновешенным характером. И Ларисе, и младшему сыну Игорю, «баронесса Рейснер» с детства прививала сознание собственной необыкновенности, избранности.

Впрочем, и титул, и родовитость, и дворянство не помешали профессору права Рейснеру стать в 1905 году большевиком. Во время своего пребывания в Берлине он дружил с Карлом Либкнехтом (даже был его адвокатом), запросто заходил к Белью (Лариса запомнит сладкие пироги в их доме), пикировался на страницах газет со Столыпиным. А после первой революции, под чужим именем, участвовал в Таммерфорсской конференции РСДРП, где познакомился с Лениным, который впоследствии назначил его на важный пост в Наркомюсте. «Барон Рейснер» был одним из авторов первой Конституции.

Главным семейным качеством Рейснеров была гордость. Как вспоминал Вадим Андреев, сын писателя Леонида Андреева, прекрасно знавший эту семью, «гордость шла Рейснерам, как мушкетёрам Александра Дюма плащ и шпага... Всем Рейснерам была свойственна игра на публику, стремление выделиться, прославиться... И ещё — любовь ко всему человечеству при полном пренебрежении каждым человеком в отдельности. Все остальные — кроме немногих избранных — были призваны лишь быть зрителями тех спектаклей, которые Рейснеры ставили на сцене жизни...»

Примой, разумеется, была Лариса. Хотя бы потому, что обладала самой яркой внешностью. Вадим Андреев так описывал её:

«Тёмные волосы, закрученные раковинами на ушах, серозелёные огромные глаза, белые, прозрачные руки, особенно руки, лёгкие, белыми бабочками взлетающие к волосам... Когда она проходила по улицам, казалось, что она несёт свою красоту как факел... Не было ни одного мужчины, который прошёл бы мимо, не заметив её, и каждый третий — статистика, точно мной установленная, — врвался в землю столбом и смотрел вслед».

Ларисой восхищались Осип Манделштам и Николай Гумилёв. Первый посвятил ей «мадригал», где сравнивал с зеленоглазой русалкой. А второй... но об это чуть позже.

С детства усвоив, что она «лучше, умнее, талантливее и красивее всех остальных», Лариса комплименты в свой адрес воспринимала как должное. Но, справедливости ради, нужно сказать, что она никогда ими не хвасталась и не гордилась. Как не кичилась тем, что окончила гимназию с золотой медалью. И поступила... в Психоневрологический институт, причём, одновременно посещала цикл лекций по истории политических учений в университете. Всё — и сразу, в этом была вся Лариса.

И литературное имя она «сделала» себе собственными руками, в прямом и переносном смысле этого слова. Вместе с отцом начала издавать довольно претенциозный журнал «Рудин». Александр Блок называл его «грязным, но острым». Издание просуществовало всего лишь полтора года, после чего было запрещено цензурой. Но имя Ларисы Рейснер уже услышала вся литературная среда.

В поэтическом мире того времени Лариса занимала видное место, правда, чисто декоративное. Беспощадная и злая Зинаида Гиппиус приговорила, как отрезала: «с претензиями; слабо». Действительно, стихи были тяжёлыми и перегруженными «красивостями». Но красота самой поэтессы действовала сильнее, чем произносимые ею строки: аудитория рукоплескала.

В сентябре 1916 года в знаменитом артистическом кабаре «Привал комедиантов» Лариса встретила с Николаем Гумилёвым — уже признанным поэтом, героем войны и покорителем женских сердец. Увидев Рейснер на сцене, он, не понижая голоса, сказал своим спутникам:

— Очень красива! — А когда выступление закончилось, так же громко добавил: — Жаль, бездарна.

Лариса проплакала всю ночь, пожалуй, впервые в жизни. Ни один из её поклонников-поэтов даже намекнуть не решался на отсутствие у неё таланта (выпады Гиппиус она всерьёз не принимала, считая их «проявлением бабской ревности»). Возненавидела поэта-офицера до полубоморока, до темноты в глазах. И... сама не заметила, как эта ненависть переросла в столь же страстную любовь.

Ей повезло: Гумилёв ответил на её чувство. И не банальными домогательствами или предложением руки и сердца (этого-то в жизни Ларисы уже было предостаточно, она уже устала повторять поклонникам, что «ждёт Лоэнгрину»), а красивым, ис-

полненным поэзии, ухаживанием «по всем правилам».

Он называл её Лери, а она его — Гафизом. Он писал ей с фронта:

«Не забывайте меня... Я часто скачу по полям, крича навстречу ветру Ваше имя... Вы прекрасны... Вы принцесса, превращённая в статую... Я целые дни валялся в снегу, смотрел на звёзды и, мысленно проводя между ними линии, рисовал себя Ваше лицо, смотрящее на меня с небес...».

Она отвечала — в том же стиле:

«Мне трудно Вас забывать. Закопашь всё по порядку, так что станет ровное место, и вдруг какой-нибудь пустяк, ну, мои старые духи или что-нибудь Ваше, — и всё начинается сначала... Я помню все Ваши слова, все интонации, все движения, но мне мало, мне хочется ещё... Это оттого, что я Вас люблю».

Любил ли её Гумилёв? Да, наверное, но... одновременно у него были романы с Анной Энгельгардт, Ольгой Арбениной, Татьяной Адамович — дочерью Бенуа, с поэтессами Маргаритой Тумповской, Марией Левберг и Ольгой Мочаловой... И он ещё не отошёл от тягостного разрыва с женой Анной Ахматовой.

Знала ли всё это Лариса? Не могла не знать, богемный мирок был достаточно узким, но... пренебрегала. Она привыкла быть первой, лучшей, единственной и не сомневалась, что и здесь, в конце концов, будет то же самое. Её Гафиз поймёт, кто на самом деле достоин быть рядом с ним и... и она станет Ларисой Гумилёвой-Рейснер.

В феврале 1917 года Гумилёв вернулся с фронта в Санкт-Петербург. Начались свидания — настоящие. Окружающие заметили, как изменилась Лариса, точно ожила статуя, но понять причин этих перемен не могли. Открылось всё только два года

Николай Гумилёв

спустя, когда в 1919 году «товарищ Лариса» процедила сквозь зубы в разговоре с коллегой по политотделу:

— Гумилёв? Чёрный гусар, ярый монархист, который хочет всё взять, овладеть каждой вещью, изнасиловать каждую женщину...

А годом позже горько пожаловалась... бывшей жене Гумилёва Анне Ахматовой, что «была невинна, что любила его, но он очень нехорошо поступил — завёз в какую-то гостиницу и там сделал «всё»...

Разрыв между ними был неизбежен — и он произошёл. В одном из своих последних писем к Гумилёву Рейснер написала:

«...В случае моей смерти все письма вернутся к Вам, и с ними то странное чувство, которое нас связывало и такое похожее на любовь...Встречайте чудеса, творите их сами. Мой милый, мой возлюбленный... Ваша Лери».

Но рубец на «мёртвом сердце» так и не зажил: годы спустя Лариса признавалась:

«Никого не любила с такой болью, с таким желанием за него умереть, как его, поэта Гафиза, уroda и мерзавца».

Не потому ли и кинулась в политику — очертя голову? Поэзия была забыта: именно в огне и крови революции Лариса, наконец, нашла самое себя. Она хотела — убеждать, командовать, повелевать, рисковать жизнью, — всё это будоражило её кровь, и всё это было ей дано назначением комиссаром Балтийского флота. Богемный мир ахнул и затаился в ужасе.

А «товарищ Лариса» в чёрной морской шинели, элегантная и красивая, отдавала приказы революционным матросам, как королева — пажам.

«Мы строим новое государство. Мы нужны людям. Наша деятельность созидательная, а потому было бы лицемерием отказывать себе в том, что всегда достаётся людям, стоящим у власти».

Мы, Лариса Первая...

Образованные соратники прозвали её «Валькирией». В дословном переводе это означает «выбирающая убитых». Так в скандинавских мифах величали воинственных дев, решавших исход сражений, назначавших, кому жить, кому умирать, и кто, в конце концов, доставлял павших героев на небеса, в Валгаллу. В рай — если по-простому. Разница была в том, что Лариса

никого не определяла в рай, а просто решала: жить человеку или умереть. И не одному человеку — сотням...

Вадим Андреев утверждал, что Лариса была на «Авроре» в ночь большевистского переворота, и именно она приказала выстрелить прямой наводкой по Зимнему дворцу. Писатель Виктор Шкловский возражал: в тот момент она «наводила порядок» в Петропавловской крепости. Георгий Иванов, поэт, будучи уже в эмиграции, клялся, что Рейснер лично подписывала «растрельные списки». Другие с такой же убеждёностью писали, что Лариса спасала от расстрелов невинных...

Выяснить, что правда, а что — вымысел, уже невозможно.

Гумилёв, волшебный возлюбленный Гафиз, прямо обвинил Ларису в соучастии в убийстве Шингарёва и Кокошкина — бывших министров Временного правительства. Лидеры кадетов, депутаты Думы, в январе 18-го были зверски убиты (задушены и заколоты штыками) прямо на постелях в палате Мариинской больницы. Убили их 30 разъярённых «братишек» из Флотского экипажа.

Убийц осудил даже далёкий от сантиментов Ленин, но они остались безнаказанными: моряки своих не выдавали даже чекистам. Их имена вычислили, но суд, учреждённый советской властью, так и не наказал виновных.

По-видимому, Гумилёв был информирован лучше многих других. И перестал раскланиваться с бывшей возлюбленной — как отрезал. Может быть, ещё и потому, что она уже нашла себе другого «Лоэнгрина», более подходившего ей в то страшное время.

Лариса Рейснер была параллельно корреспондентом газеты «Известия» — отказаться от литературной деятельности вообще она не могла. Именно в этом качестве в ноябре 1917 года она отправилась в Москву, и познакомилась в поезде с Фёдором Раскольниковым, мичманом, «красным командующим» Балт-флота.

Фёдор Фёдорович Раскольников (настоящая фамилия Ильин) был одним из виднейших деятелей большевистской партии. Он возглавил отряд матросов, который был послан в Москву, где ещё продолжались бои. Однако, к моменту прибытия эшелона, бои уже прекратились, и через несколько дней Расколь-

Фёдор Раскольников (Ильин)

ников уехал. Вместе с ним уехала и Лариса, так что с поезда они сошли уже мужем и женой.

Их любовь была точной копией революции: безудержная, неуёмная, противоречивая, не знающая правил. Жили врозь, встречались урывками. Раскольников боготворил свою гражданскую жену, она казалась ему даже не королевой — богиней революции. Лариса снисходила — её привлекала незаурядная аура этого жёсткого и бесстрашного человека.

17 ноября 1917 года Раскольников был назначен комиссаром Морского генерального штаба и членом Совнаркома: новая власть проводила чистку старых кадров в органах управления. Такой муж соответствовал честолюбивым запросам Ларисы, зато она сама порой невероятно раздражала новую власть своими аристократическими замашками. Тем не менее, когда Раскольников был назначен командующим Волжской флотилией, а Лариса стала его флаг-секретарём.

Во всех боях она рядом с ним, впереди всех... Иногда — несмотря на строгий договор между ними — вмешивалась в распоряжения Раскольникова: ей казалось, что он недостаточно рискует. Однажды ему даже пришлось, взяв её в охапку, унести с мостика и запереть в каюте...

Матросы поначалу отнеслись к ней с недоверием: такая яркой, избалованной красавице не место в боях, не говоря уже о том, что издавна женщина на корабле считалась плохой приметой. В первые же дни ей устроили проверку: посадили вместе с собой на катер и на полной скорости направились под шквальный огонь, наблюдая за Ларисой — ждали, когда испугается. Наконец, не выдержав, сами повернули назад. А Лариса закричала:

— Почему поворачиваете? Надо идти вперёд!

И всё же она и на корабле оставалась женщиной. Когда флотилия проходила мимо брошенных имений, там часто «реквизировали» модные платья, шляпы, украшения, и Лариса с удовольствием всё это носила. Ей очень шли и крестьянские платья, и роскошные туалеты императрицы, оставшиеся на «Межени». Неудивительно, что все матросы поголовно были влюблены в неё.

Один из них — Всеволод Вишневский, автор знаменитой пьесы «Оптимистическая трагедия», где легко угадывается прототип главной героини.

Вернувшись в Петроград, «флаг-секретарь и комиссар» Рейснер снова окунулась в среду, где могла чувствовать себя примадонной на сцене.

Всеволод Рождественский, поэт, друг, её сокурсник, человек из «прошлой» ещё жизни, в 20-м вспоминал:

«Я спускался по Дворцовому мосту, когда за моей спиной мягко зашуршали автомобильные шины. Легковая машина, затормозив, остановилась несколько впереди меня. Из окна кабины выглянуло чьё-то смутно знакомое лицо — женское. Но странно — в морской форменной фуражке... Лариса! Да, это была она — в морской чёрной шинели, элегантная и красивая, как всегда... Позвала почитать стихи и выпить чашечку кофе меня, Мандельштама, Кузмина, Георгия Иванова...

Дежурный моряк повёл нас по тёмным, гулким и строгим коридорам Адмиралтейства, где в квартире царского морского министра Рейснер жила теперь с Раскольниковым...»

Об этой встрече рассказывал и Георгий Иванов:

«Гости неловко топчутся на сияющем паркете, неловко разбирают с разносимых щеголеватыми балтфлотцами подносов душистый чай и сэндвичи с икрой. Некоторых Лариса берёт под руку и ведёт в тёмно-красный салон, где пьют уже ликёры. Это для избранных. Удовольствие выпить рюмку бенедиктина несколько отравляется необходимостью делать это в обществе мамы Рейснер, папы Рейснер и красивого нагло-любезного молодого человека — «самого» Раскольникова...

Ведя меня через министерские покои, Лариса роняет тонким леди Асквит: «Какое безобразие эти позолота, лепка. Всё надо отделять заново, всё...».

Заново отделять не пришлось: Раскольникова назначили советским послом в Афганистане. 3 июля 1921 года из Кушки вышел караван — 10 вьючных и верховых афганских коней. Началось 30-дневное путешествие по пескам, горам и долинам Афганистана. Местные жители при виде путников буквально каменели: на лошади ехала с открытым лицом красавица в мужском костюме и вместе с матросами пела песню под гармошку. Бывшая салонная петербургская поэтесса. Бывший комиссар Балтфлота. Посольская жена Лариса Рейснер...

Раскольников, человек образованный, с двумя высшими образованиями, знающий иностранные языки, был ценнейшей находкой для правительства России, тем более, что работы в Афганистане оказалось — край непочатый.

Главной задачей миссии была борьба с британским влиянием: Англия надеялась если не включить Афганистан в состав своей империи, то хотя бы держать его под своим контролем. Английские дипломаты всячески препятствовали деятельности нового советского полпреда, но... они совершенно не учли его жены. И напрасно. Разумеется, Лариса не могла — в силу восточной специфики — принимать непосредственное участие в политической жизни, зато ей были доступны другие пути.

Она подружилась с любимой женой эмира Амануллы-хана и с его матерью, а поскольку они имели сильное влияние на эмира, то Лариса не только смогла получать всю информацию о происходящем при дворе, но и влиять на политическую обстановку. К тому же, ей удалось изучить Афганистан не из-за ограды посольства, а увидеть всё своими глазами: «закрытых» территорий для неё не существовало. Наверное, поэтому её книга «Афганистан» до сих пор считается одной из вершин советской журналистики.

В самом начале пребывания в Афганистане Лариса получила известие о гибели Гумилёва: он был расстрелян в августе 1921 года по обвинению в участии в монархическом заговоре. Лариса несколько дней рыдала. Она до конца жизни была уверена, что, будь она тогда в Петрограде, смогла бы спасти своего Гафиза от смерти... Кто знает, может быть, и могла бы, а может, как всегда, лукавила: ведь, будучи комиссаром флота, ещё при жизни Гумилёва, на вопрос, что сделала бы с ним, если ему грозил бы расстрел, бестрепетно бросила:

— Топить бы его не стала, но палец о палец не ударила бы для его освобождения.

Чему верить? Точнее, какой Ларисе верить? Той, которая ещё не остыла после разрыва с ней Гумилёва, или той, которая рыдала, получив известие о его гибели далеко-далеко от Петрограда?

Афганистан после голодной России казался райским местом. Сытно и красиво. Фонтаны, розы, знаки внимания к первой леди посольства и любимый муж. Чего желать ещё? Обычной женщине — нечего, но «комиссару Рейснер» слишком спокойное существование показалось тюрьмой. Ко всему прочему, у неё случился выкидыш. В итоге, весной 1923 года Лариса просто сорвалась с места и уехала в Россию — официально для того, чтобы похлопотать о переводе Раскольникова из Афганистана... На самом же деле — начать жизнь заново, без Раскольникова.

Он в письмах (да, наверное, не только в них) называл её «мышкой», «пушинкой», «цветочком маковым» и звал обратно в Кабул.

Она не приезжала, и тогда Раскольников отправил последнее, очень важное письмо:

«...Мне кажется, что мы оба совершаем непоправимую ошибку, что наш брак ещё далеко не исчерпал всех заложенных в нём богатых возможностей. Боюсь, что тебе в будущем ещё не раз придётся в этом раскаиваться. Но пусть будет так, как ты хочешь. Посылаю тебе роковую бумажку...»

Согласие на развод.

Этот период в жизни Ларисы был таким же ярким и противоречивым, как и предыдущие. Преклоняясь перед гениями, она могла собственноручно притащить Анне Ахматовой огромный мешок с продуктами: узнала, что бывшая жена её обожаемого и ненавистного Гафиза голодает. Но могла и опубликовать статью «Против литературного бандитизма», в которой назвала... Михаила Булгакова «врагом» СССР. Едва ли не первой заклеила. «Его книга — книга врага, и она не будет признана...».

Спасала Мандельштама, когда его хотел застрелить Блюмкин, эсер и чекист, пригнала для интеллигенции Петрограда вагон с продуктами, а в Москве «по секрету», чтобы не обидеть, доставала новые ботинки и одежду. Михаилу Светлову, например. Но в то же время говорили, что после изысканных вечеринок в доме Рейснер

большую часть гостей арестовывали. Многие отказывались в это верить, некоторые — верили.

Новым избранником блистательной Ларисы стал известный журналист Карл Радек, видный партиец, блестящий оратор, человек редкостного ума и таланта. Про Радека, отличавшегося редким остроумием с немалой дозой цинизма, ходили легенды, что именно он придумал большинство контрреволюционных анекдотов.

Внешне Радек был откровенно некрасив — лысый, очкастый, ниже Ларисы на голову. Кто-то даже переиначил цитату из «Руслана и Людмилы»: «Лариса Карлу чуть живого в котомку за седло кладёт»... Лариса смеялась вместе со всеми, но никогда не забывала тех, кто смеялся особенно громко.

Радек не потерял голову, влюбившись в знаменитую «Валькирию революции». Напротив, был первым, кто всерьёз занялся литературным воспитанием Ларисы — читал её рукописи, заставлял изучать философские книги, работать над стилем. Именно под влиянием своего нового «гражданского мужа» Лариса научилась чётко и последовательно излагать свои мысли, короче, стала настоящим журналистом.

Осенью 1923 года любовников-соавторов правительство отправило в Германию — разжигать вяло тлевший пожар мировой революции. Лариса — «крестonosец революции» — приняла активное участие в спровоцированном Россией восстании в Гамбурге под именем Магдалины Краевской (а также Изы, а также Риверы) и уже готовилась воспеть в своих очерках создание нового социалистического государства. Радек осуществлял идейное руководство, но... гамбургский мятеж с треском провалился, похоронив под своими обломками утопию мировой революции.

В Берлине Лариса встречалась с актрисой Ольгой Чеховой: по мнению некоторых исследователей, именно Рейснер завербовала красавицу для работы на советскую разведку.

А член ЦК РКП (б), секретарь Исполкома Коминтерна Радек «сдал» и Розу Люксембург, и Карла Либкнехта, которым клялся в дружбе и верности общим идеям. Просто назвал их адрес человеку из немецкой полиции. Именно по этому адресу они и были обнаружены и убиты...

Вернувшийся в Россию Раскольников был назначен редактором «Роман-газеты», журналов «Красная новь», «Молодая

гвардия», возглавил Главрепертком. С энтузиазмом участвовал, помимо всего прочего, в травле Михаила Булгакова, как, впрочем, и многие другие. Булгаков в своём письме к Сталину, перечисляя самых злых своих врагов, назвал Кольцова, Луначарского, Вишневского, Раскольникова, Радека и Рейснер.

Троих из них уничтожили позже по прямому приказу Сталина: Михаила Кольцова — зимой 1938 года после неудачной «командировки» в Испанию по обвинению в шпионаже. Фёдора Раскольникова — в следующем, 1939 году — в Ницце, куда он сбежал из России, написал убийственно откровенное «Открытое письмо Сталину» и погиб при очень подозрительных обстоятельствах через три недели после этого: выбросился из окна. В том же году Карл Радек был зверски убит в лагере переодетыми в уголовников работниками НКВД. Троцкий после многих лет скитаний и нескольких покушений погиб от удара ледоруба в Мексике. Умерли все, кого Лариса Рейснер дарила своей любовью, кто знал её.

А ведь эту череду смертей, этот «кровавый бал» готовила и она сама. И сама могла стать жертвой этого террора, подруга и возлюбленная сразу трёх «врагов народа». Но Судьба распорядилась иначе.

Евшая снег в горах, пившая воду из придорожных луж и купавшаяся в горных реках, она умерла от брюшного тифа в Москве, выпив сырого молока. 9 февраля 1926 года Лариса Рейснер, прожив всего лишь тридцать лет, скончалась.

Гроб стоял в Доме Печати на Никитском бульваре. Попрощаться с Ларисой пришли толпы — военные, дипломаты, писатели... Свои соболезнования выразили Троцкий, Бухарин

Карл Радек

и Киров. Скорбели Мандельштам и Ахматова. Михаил Кольцов патетически восклицал:

— Зачем было умирать Ларисе, великолепному, редкому, отборному человеческому экземпляру?

Радека вели под руки — он рыдал и еле понимал, куда шёл. У Раскольникова произошёл нервный срыв, он долго болел.

Борис Пастернак написал стихотворение «Памяти Ларисы Рейснер», а спустя много лет, он даст героине своего романа «Доктор Живаго» имя Лариса — в её честь.

Через два года на Ваганьковском кладбище могила «Мадонны революции», «Валькирии революции», «товарища Ларисы»... исчезла. Просто сравнялась с землёй. Эта удивительная женщина, казалось, самым временем была обречена на бессмертие. А могилы — нет.

Когда-то в институте у Бехтерева Лариса слышала его речь:

«Ни один вздох, ни одна улыбка не пропадают бесследно. Поэтому всё, что мы называем подвигом, и всё то, что мы называем преступлением, непременно оставляет по себе след...»

Или — не оставляет даже могилы. ■

Дина Сабынина

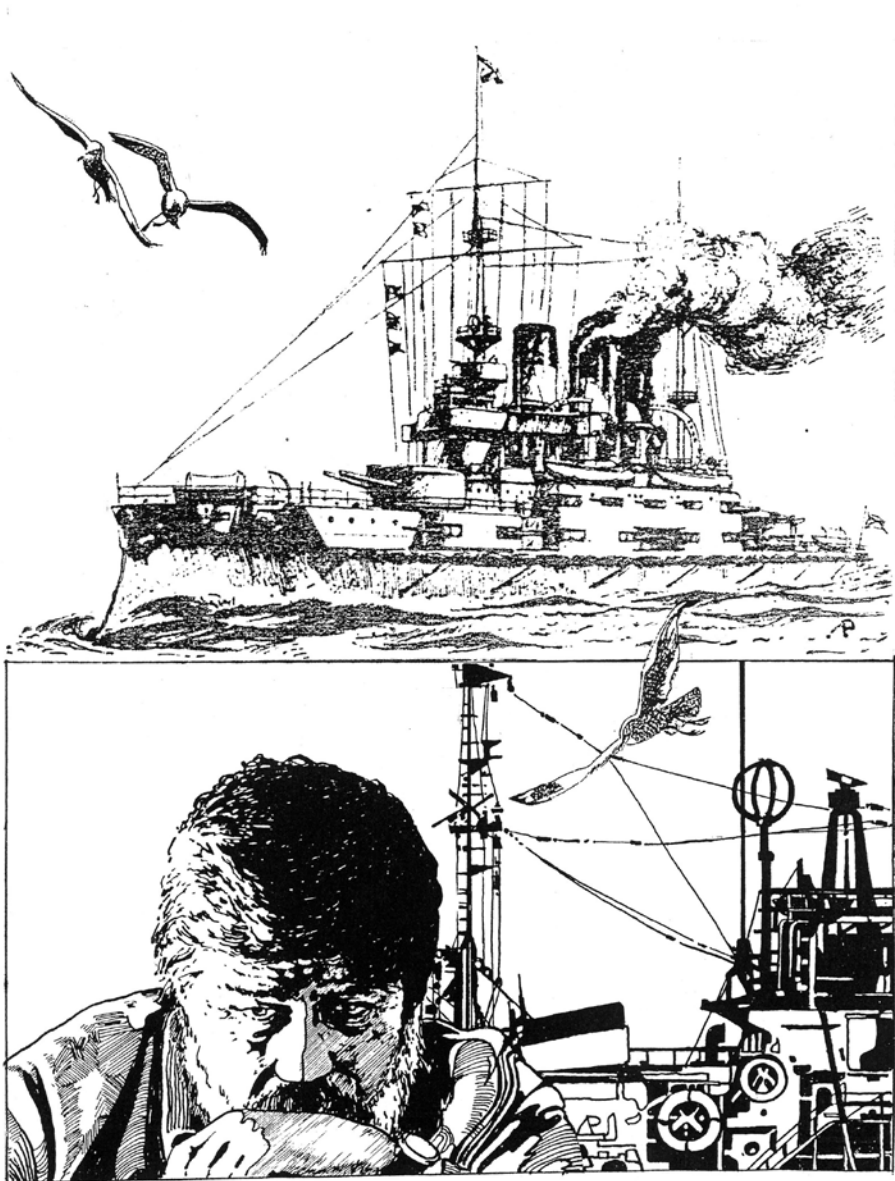
38 лет, заведующая «Домом детского творчества», г.Бийск

* * *

Я просто женщина. Такая же, как все,
С привычными проблемами земными.
По чёрной и по белой полосе
Петляет жизнь. И не взлететь над ними...
Простые и понятные мечты.
Да, можно осудить и посудачить...
Но приглядишь: возможно, это ты
В моих стихах грустишь, смеёшься, плачешь!

Галатея

Ты хочешь убежать от пустоты,
Касаясь робко клавишей рояля.
На окнах запоздалые цветы
Бутонами сочувственно кивают.
Но звуки, разрывая тишину,
Печально растворяются немея,
Оставив в комнате тебя одну –
Усталую, седую Галатею,
Чьё сердце кто-то оживить забыл.
А ты ждала, отчаянно надеясь.
Но твой Пигмалион других любил,
Твоим заботам нежным не доверяясь.
И эту боль разделят лишь цветы,
Что скоро облетят на подоконник.
Ты – стылый мрамор в храме пустоты,
В котором ни своих, ни посторонних.

Иван Сергеевич Шмелёв (1873-1950 гг.) родился в Москве, в Кадашевской слободе Замоскворечья. Его предки ещё с 1812 года осели в Москве по торговым делам: среди них были купцы, строители, держатели банных заведений. И семья Шмелёвых свято блюла патриархальный быт, воспитывая детей в любви и строгости.

Окончив в 1898 году юридический факультет Московского университета, Шмелёв поступил на службу поверенным присяжным, а в 1907 году, уйдя в отставку, осел в Москве и полностью посвятил себя литературе. Во время Первой мировой войны он уезжает в калужское имение, где продолжает писать рассказы о войне, вошедшие позже в сборник «Суровые дни».

После Октябрьской революции, которую писатель не принял и «не понял», семья Шмелёвых с единственным сыном Сергеем переехала в Крым, где Иван Сергеевич купил небольшой участок земли с домиком. В ноябре 1920 года, когда шла бурная эвакуация остатков врангелевской армии из Крыма, в Севастополь вошли отряды красных. От смерти Шмелёва спасла только его литературная известность, а вот сын Сергей не избежал трагической участи — его расстреляли как офицера Добровольческой армии. Шмелёвы решили

вернуться в Москву, где Иван Сергеевич сразу стал хлопотать о выезде за границу, куда его настойчиво звал Бунин. И в ноябре 1922 года Шмелёв с женой выехали в Берлин, а оттуда — в Париж. На юге Франции, в Грассе, и появилось его первое зарубежное произведение «Солнце мёртвых», в котором он описал все страхи и ужасы крымских событий. И хотя супруги решили больше никогда не возвращаться в Россию, именно ей, особенно дореволюционной, посвящено всё творчество Шмелёва до 30-х годов, и в частности романы, принёсшие писателю мировую известность: «Лето Господне» и «Богомолье».

Уже потом появились повести и рассказы о судьбах русской эмиграции. И. С. Шмелёв в эти годы приступил к работе над своим последним романом, романом-завещанием, «Пути небесные».

С началом Второй мировой войны «русский Париж» опустел, большинство писателей разъехались кто куда — на юг или в Америку, а больной, сильно ослабевший Шмелёв (ему было уже 67 лет) остался в Париже. В 1936 году скончалась любимая жена Ольга Александровна, и Шмелёв так и не смог до конца жизни оправиться от этого удара.

Умер он в обители Покрова Божьей Матери в Бюсан-От, в 150 километрах от Парижа, куда поехал в надежде поправить здоровье после тяжелой операции и завершить работу над романом «Пути небесные». Но... в день приезда в обитель он скончался от сердечного приступа. Это произошло 24 июня 1950 года.

Иван Сергеевич Шмелёв писал всегда только о России и для России и безмерно верил в духовную силу русского народа. Константин Бальмонт говорил о нем: «Среди зарубежных русских писателей Иван Сергеевич Шмелев — самый русский. Ни на минуту он не перестаёт думать о России и мучиться её несчастьями...»

Иван Шмелёв

Орёл

О б этом говорили во всех судовых командах Лондонской гавани, по всем кабакам и всяким местечкам, где гуляют спущенные на берег матросы. И ныне всякий моряк расскажет на все лады, как русский матрос Джон Бе... — прозвище его чёрт упомнит! — и, понятное дело, *bolchevik*, здорово распотешил всех.

Историйка любопытная, и о ней стоит рассказать как следует.

Случилось это в 192... году. В Лондон пришёл пароход «Россия» — табак и шерсть. Пароход шёл из Константинополя, с командой довольно пёстрой, и был как будто уже не русский, ибо Россия в то время устранилась, называясь мутно РСФСР, — без гласных, как бред немого. На «России» имелся фирменный русский флаг — бело-сине-красная полоса, — но его как будто и не было. По крайней мере, как заявлял у судьбы русский матрос Бебешин, 30 лет, — занесено в протокол лондонской морской стражи, «ни одна собака, как говорится... ни одно судно не отсалютовало флагу, будто его и не было. И это меня очень огорчило!».

В разношёрстной команде парохода большинство было русское, но настоящим матросом оказался только Иван Бебешин, названный в протоколе большевиком, что было отчасти верно.

Иван Бебешин, как он на суде признался, служил на том самом крейсере «Аврора», который в Октябрьскую революцию бил по самому Зимнему дворцу. Он вошел победителем во дворец, пил царское вино, плевал в зеркала, обдирал кресла и портьеры и всячески отводил душу. Был в Красной Армии и дрался на белом фронте. Потом — «Что-то не по себе стало. Объявили, что те-

перь Россия рабоче-крестьянской стала и советской, а русской власти и не видать, и никакого равенства, и против Бога. И даже не Россия, а какая-то РСФСР. Сукины дети, обманули. И это меня очень огорчило!» — рассказывал на суде Иван.

Под горячую руку он «ликвидировал» ихнего комиссара — «пхнул ему, чёрту, в глотку собственный мой партийный билет — лопаи!». Его повели расстреливать, но матросы выпустили дорогой, и он перебрался к белым. Служить не пошел: грудь у него была «в самой что ни есть татуировке, а посередке вытравлено «ком. до гроба», — не ототрешь.

«И стал я с Крыму как бы ни то ни се, ни на том, ни на этом свете, ни коммунист, ни русский. А попадись на глаза — капут!».

Прогуляв все победное, что было, он нанялся в матросы на торговый пароход «Россия», ходивший от Константинополя до Крыма, — возил баранов. Эвакуация Крыма захватила его в Константинополе.

«И тут пароход наш стал, — рассказывал на суде Иван, — как бы ни то ни се. И «Россия», а флага не принимают! И решил я с «России» не списываться покуда, а настанет опять Россия — ворочусь под своим флагом гордо, и всё будет по-хорошему».

И стала для Ивана Бебешина «Россия» последнею пядью родины.

«При флаге я строго состоял! — говорил на суде Иван, — И за нашим орлом следил. На груди «России» раскинут орёл наш гордый! Затем лаком подновлял, когда затусклится».

Проплавал Иван Бебешин по Средиземному морю с полгода, а дела всё не веселели. Жалованьишко затягивали, плавали без ремонта, без отдыха, без причала. За фрахт получали, что положат: поди судись, консула-то не сыщешь, без государства-то! Накопилось на «России» долгу за то, за се. Пароходного общества, а хозяев ищи по свету.

«И стал наш пароход вроде как Летучий голландец, как привидение! — показывал на суде Бебешин. — Больше мы по ночам ходили и без огней. Куда ни приди — грозятся: наложим печать за долг! Жалованье требует команда, а капитан съедет и пропадёт. Три капитана у нас сбежало. Сами себе капитана нанимали на рейс-другой и жили помаленьку. Контрабандой, понятно, пробавлялись. Правда, и народ-то неподходящий, из бегунов. Учитель один был, поп забеглый, инженер электрический, акробат

из цирка, двое офицеров. Природный-то я один. И вот появился грек. Добыл где-то форменные бумаги, все подписи — стал хозяин. Пусть хоть и грек, а русский — одесский паспорт. Только бы плавала «Россия». И икона Николая Угодника на пароходе самая наша, русская. Как праздник — поп нам и отработает, всенощную, бывало, жарит, — ну, маленько повеселей будто».

Время шло, а Россия не объявлялась, а всё — буквы: РСФСР. И затосковал Бебешин. И вот, когда принялся пить мертвую, пошли слухи, что «Россию» — то грек продал.

«Ладно, другой кто будет, а «Россия» останется, по бумагам — правильная, крещёная «Россия»!

И вот стали подходить к Лондону.

Накануне Иван Бебешин запасся во французском порте парой-другой бутылок — французский коньяк отменный! — и отвел душу с русским солдатиком, застрявшим после войны во Франции, и вернулся на борт «России» в самом хорошем настроении, «пел песни». Рассказывали, что перед английским судьёй пробовал он показать, какие у нас замечательные песни, — он и на суде был в хорошем настроении, с коньяку, — и затянул было «Вниз по матушке, по Волге», но судья приказал молчать.

На заре пришли в Лондон. Тут наступают противоречия.

Иван Бебешин божился, что он самолично поднял самый природный российский флаг, бело-сине-красный, «но ни одна собака не приняла!». А хозяин-грек заверял, что пароход уже часа три стоял на рейде, а Иван спал как тыква в машинном отделении за котлом.

«Это он во сне, может быть, свой флаг видел, — говорил грек. — Он первый большевик и только хотел скандала, а вовсе тут не обида. Вылез из угла чёртом и сделал такой скандал!»

По Ивану же Бебешину было: верно, он спал в машине, на самом угле, но как раз к сроку выбежал.

«В душу меня толкнуло: к Лондону ведь подходим, к самому морскому сердцу! И поднял флаг, соблюдая все правила, по закону. Не мог я не поднять перед Лондоном! — ударял себя в грудь Бебешин. — Ежели англичане примут — на всех плевать! Весь рейд этого дожидался, не мог проспать! И ни одна собака... виноват... не ответила на салют! И это меня страшно огорчило».

И тогда... «выскочил он, как чёрт страшный, из машины, — заявлял грек, — и порвал на себе фуфайку, и стал царапать когтями

грудь, как зверь, где у него непристойная картинка-татуировка, и набросился на меня как лев!»

Иван Бебешин через переводчика объяснял так: «Я стал гулять по палубе в горьком чувстве, как по своей земле. Топну и говорю: «Россия»! Топну опять: «Россия»! Чёрт с вами, каплюжники, не салютуйте, а вот есть Россия! А обида меня горячит, как яд. И подхожу к борту, где шлюпка. Гляжу — нет «России»! На спасательном кругу имя её замазано и написано чёрт знает что!»

«Написано не «чёрт знает что», — перебил судья строго, — а написано по-английски Йорк!» — перевел Ивану переводчик.

«Это все равно, Ёр... — сказал Бебешин. — Мы на это неграмотны. Прочитал я чудесное слово, и это меня ужасно огорчило! Почему наше замазано? Иду тихо грека отыскивать, а он на носу был. Гляжу — ма-жут! Висят на носу два сукина сына, с долотами и молотками, и долбят в буквы. Сбивают! «Россию» сбивают, алебастр в воду шлёпают. Загнулся я за борт, гляжу... опять на дощечке ещё двое, над нашим орлом стараются, нашего орла сшибают! Крыло уж ему отбили, к головке подбираются. Ррраз! — готово, нет головы! Как такое?! Я их через борт... спрашиваю вполне вежливо... А с корабля смеются — вот вы что, господин судья, рассмотрите!»

«Нет, — заявил грек, — он их ударил «концом» и сшиб одного в воду, а другому поломал ухо и по глазу, и того сшиб!»

«Может быть, и так, — с сомнением заявил Бебешин. — Я был в ужасном волнении и хорошо не помню. Плавали будто... маленько искупались... Тогда я подхожу к самому этому человеку, греку, и говорю осторожно: «Позвольте вас спросить, по какому такому основанию вы сбиваете «Россию» и нашего орла?». А он, грек, заскакал и крикнул вполне насмешливо: «Вы давно сами всё посбивали, а корабль продан с торгов, и купил его какой-то... мистер Скот!». И вдруг подходит ко мне этот человек — мистер...Скот, вот они самые, я их по солидности запомнил очень хорошо. И они меня под это место, под зубы. Тут и произошло... недоразумение».

«Вы сами набросились на почтенного мистера Скота и нанесли ему сильный удар в шею!» — сказал судья.

«Только и всего. Я дал им по шее... а они рассерчали и ушли. А этого человека — грека — действительно я зацепил легонько...» — сказал Иван.

«Он меня ударял пять раз, и шесть раз, и даже семь! — показывал грек, куда ударял Иван. — И даже под самый живот ногой, но я отпрыгивал. И хотел меня за борт!»

«Он был как чёрт из ада! — заявил мистер Скот. — Но все-таки я его прощаю».

«Он вас прощает», — перевел переводчик.

«Плевать на его прощение! — выругался Иван и плюнул. — А я ему не прощаю. Зачем краденый пароход купил, «Россию» нашу? Хозяева незнамо где. Разве без хозяев так можно?»

«Вы дурака валяете! — покачал головой переводчик. — Я же вам помогаю выпутаться, а вы...»

«Наплевать, не желаю, — сказал Бебешин, — это не суд, а комедия!»

«Что вас заставило оскорбить этих двух джентльменов?» — спросил судья.

Иван Бебешин набрал глубоко воздуху, вытянулся, как на параде, и сказал четко: «Господин судья! Если бы вашу Англию продали, вы бы тоже не утерпели. Я был большевик и утёк от них. Я русский матрос, Смоленской губернии, Дорогобужского уезду, природный. Плавал на «России», и последнюю её продали. Это меня очень огорчило. Замазали ей имя и разбили её орла. И тут я прочнулся, и пошла потеха. Можете штрафовать и арестовывать, но... — тут Бебешин поднял руку и погрозил, — я свое отсижу, ворочусь в Россию и тут буду знать кое-что. И... — постучал он по барьеру ногтем, — придёт время, увидите... завьётся наш русский флаг, и орёл наш взовьётся из-под земли на волю! И уж будет тогда салют! А не будет — другой разговор будет!».

«Он говорит, что сожалеет и просит у джентльменов прощения...» — многословно перевёл переводчик.

«Я русский матрос и защищал русскую нашу честь!» — задохнувшись, сказал Иван, и лицо его стало чёрным.

«Вашу честь вы должны были защищать раньше! — сказал судья. — Там, у себя, а не безобразничать на территории его величества английского короля!»

«Это верно, господин судья, что раньше бы надо было... — через зубы сказал Иван. — Но только я на своей территории, на нашем корабле... на «России!»»

«Если даже по вашему международному праву рассуждать, — язвительно усмехнулся судья, — то корабль «Россия» был уже продан и стал «Йорком», и его территория была уже территорией его величества английского короля!»

«Английского короля?! — выговорил с удивлением Иван Бебешин, и по лицу его пробежала усмешка. — Значит, виноват, ошибка вышла...» — и он закусил губу.

Больше Иван не сказал ни слова.

Приговор был не строгий: 10 фунтов, 7 дней тюрьмы и — в 24 часа покинуть пределы Англии.

Иван Бебешин не имел ни гроша и стал несостоятельным должником английского короля. Он отсидел своё и в 24 часа оставил пределы Англии на норвежской барке. Его провожала толпа матросов всякого роду-племени, провожала задушевно. Отъезжавший стоял с бутылкой и держал речь, которую, конечно, никто не понял, но все внимательно слушали и горячо одобряли. Заключительные его слова были: «У каждого свой флаг и свой природный знак. И каждый должен дать в морду, ежели посмеют сшибать! У нас — орёл, царь птиц, у кого лев и кит... И он завьётся. Не может того не быть! И вы все будете салютовать, друзья, как я вам, гордо! А кто не захочет — будет разговор! Олрайт!»

И он погрозил бутылкой.

Все кричали: «Гип-гип! Ура!» ☛

Август, 1926 год

Публикация Станислава Никоненко

ЖИЗНЬ И СУДЬБА АЛАНА ТЬЮРИНГА

Игорь Опарин

В истории науки и технологий не так много людей, сумевших обогнать своё время и заложить основы того, что потом определяло жизнь последующих поколений. К этому сообществу выдающихся мыслителей и ученых, несомненно, относится англичанин Алан Тьюринг, человек, во многом благодаря которому мы узнали, что такое компьютер, и чьи идеи позволили поистине преобразовать наш мир.

Сегодня, наверное, каждый, кто работает с компьютером, знает, что такое «Машина Тьюринга», тезис Черча-Тьюринга и тест Тьюринга. Самая важная награда в области компьютерных наук — премия имени Алана Тьюринга, и один из лучших компьютерных языков носит его имя — ТЬЮРИНГ.

Алан Матисон Тьюринг родился 23 июня 1912 года в весьма обеспеченной и добропорядочной семье английского колониального чиновника Джулиуса Матисона Тьюринга, многие годы прослужившего в Индии. Там Тьюринг-старший и познакомился со своей будущей женой Этель Сарой Стоуни, дочерью главного инженера Мадраских железных дорог.

В детстве Алан и его брат редко видели своих родителей — отец служил в Индии до 1928 года, и мальчики воспитывались у лондонских родственников.

Маленький Алан с юных лет не походил на своих сверстников — научившись читать, уже в шесть лет он обожал научно-популярные книжки, а в одиннадцатилетнем возрасте увлёкся химическими опытами. Всё началось с того, что кто-то из родственников подарил ему книжку, которая называлась «Чудеса природы, о которых должен знать каждый ребёнок». Алан не проявлял никакого интереса к изучению закона божьего, литературы и истории, зато в пятнадцать лет самостоятельно разобрался в теории относительности. Он с восторгом отыскивал выходы из самых трудных положений. Зная, что он путает левое и правое, Алан нанёс краской красную точку на большой палец левой руки — теперь он ориентировался в пространстве не хуже других ребят. Вскоре он уже во многом превосходил и взрослых. Так, однажды, во время пикника в Шотландии, Алан, дабы заслужить одобрение отца, нашёл дикий мёд. Получилось у него это так: Алан проследил линии, по которым летали пчёлы, а также направление их полётов, а затем, продлевая эти линии, нашёл точку, в которой они пересеклись, — там и оказалось дупло с мёдом. Миссис Тьюринг слегка волновалась, что её столь необычный ребёнок не сможет поступить в престижную школу, но всё обошлось — когда пришло время, Алан стал учеником привилегированной Шербонской школы, где учились дети из семейств их круга.

На уроках Алан зевал от скуки, зато в свободное время занимался тем, что его действительно увлекало: математикой, физикой и химией. Учителям с ним было непросто. Однажды миссис Тьюринг получила письмо от администрации школы, где прочла следующее: «Ваш сын, видимо, хочет стать учёным, может быть, математиком. Такие ученики, как он, бывают раз в двести лет. Но что он забыл в нашей школе?»

В 1931 году Алан поступил в Кингз-колледж Кембриджского университета. Тут он нашел то, что искал — свободу, либеральные традиции, людей, с которыми мог обсуждать то, что его волновало. А еще занимался спортом — греблей и бегом.

Миссис Тьюринг ждала, что рано или поздно её мальчик приведёт в их дом юную очаровательную девушку, которую назовет

своей женой и которая родит продолжателей славной фамилии Тьюрингов. Но... Алан довольно рано понял, что девушки его совсем не влекут, и смирился с этим положением вещей. Однако маме он исправно писал о вечеринках, на которых общается с милыми и интеллигентными барышнями.

Когда Алану было семнадцать, он познакомился с Кристофером Марком, тоже учившимся в Кембридже. Марком был слегка старше Алана, что не мешало им вместе читать книги по физике и математике, обсуждать проблемы квантовой механики и теории относительности. «Как правило, мы не сходились во мнениях, отчего всё становилось лишь более интересным», — писал Алан. Но вскоре оказалось, что Марком тяжело болен — у него был туберкулёз. Через несколько месяцев после их знакомства он умер. Это была страшная потеря — никогда раньше у Алана не было столь близкого, всё понимающего друга. И он решил: он обязательно совершит то, что не довелось сделать его другу. Алан писал матери: «Существует некая работа, которую мы должны были сделать вместе. Теперь мне придётся всё делать одному».

Тьюринг всегда выделялся из толпы — он одевался так, как ему было удобно, плевал на приличия и порою бывал весьма эксцентричен. В Кембридже говорили, что он никогда не поль-

зовался сигналами точного времени, а ставил свой будильник, производя какие-то только ему понятные вычисления. Ставя химические опыты, он придумал себе игру «Необитаемый остров», получая необходимые в жизни вещества из всего, что было под рукой: из стирального порошка, из жидкостей для мытья посуды и тому подобных вещей. Но больше всего занимала его все-таки математика. Он изучал «Математические основы квантовой механики» фон Неймана, размышлял о проблемах математической логики, сформулированных другим великим математиком XX века — Дэвидом Гильбертом.

В 1934 году Тьюринг с блеском заканчивает университет. Одна из его работ, посвящённая теории вероятности, удостоивается специальной премии, его избирают в научное общество колледжа. Казалось, его ждёт вполне благополучная карьера университетского преподавателя математики, но Алана влекли совсем иные горизонты. В эти годы он начинает разрабатывать свою теорию, благодаря которой его имя навсегда останется в истории науки — теорию «машины Тьюринга». Эта теория логических вычислительных машин позже войдёт во все учебники по теории вычислений и математической логике. «Машина Тьюринга», созданная его воображением, могла решать самые разные задачи, нужно было только дать ей правильный алгоритм, разложить решение на простые, элементарные шаги. Причём при переходе на новую задачу машине Алана не нужно было перестраивать своё нутро — она сама это делала, в соответствии с заданным ей алгоритмом! Ну а задавал этот алгоритм машине человек. Все эти удивительные идеи, лёгшие в основу информатики и теории компьютеров, Тьюринг высказал в блестящей статье «О вычислимых числах, с приложением к проблеме разрешимости».

Статьи о проблеме Гильберта принесли Алану известность в научном мире, и в 1936 году его пригласили в Принстон, где преподавал блестящий математик Джон фон Нейман, тот самый, чьи работы с таким рвением Алан изучал в Кембридже. Алан очень надеялся, что в Неймане он найдёт родную душу, но профессор оказался большим жизнелюбом, с удовольствием посещал вечеринки и не пропускал ни одного коктейля. Сосредоточенный, серьёзный Алан не нашёл в нем понимания и, разочарованный, вернулся в Англию.

А потом началась война. Ещё до её начала английское правительство организовало на юге Англии, в поместье Блечли-Парк, Школу кодов и шифров — охота на информацию становилась как никогда важной. Получение сведений по готовящемуся наступлению или передвижению военных сил определяло исход той или иной операции. Ещё до войны Тьюринг негласно сотрудничал со специалистами Блечли-Парк, теперь же, после того как 3 сентября 1939 года Англия официально вступила в войну, он полностью посвятил себя расшифровке германских кодов и шифров.

В Блечли-Парк собрались тогда самые разные люди, но все талантливые, полные желания работать. Тут были и серьёзные учёные, сбежавшие от душной атмосферы старинных университетов, и специалисты по разгадке кроссвордов, и морские офицеры, и шахматисты — среди них Тьюрингу было уютно. Он всегда любил находить практическое применение своим теориям — и тут, в поместье Блечли-Парк, среди крикетных площадок и зданий из красного камня, ему представилась такая возможность. Поначалу Тьюринга определили в группу, занимавшуюся взломом кодов шифровальной машины «Энигма», которую использовали немецкие сухопутные и морские части. Тьюрингу потребовалось для разработки методики всего несколько недель! Вскоре он уже был начальником отдела, занимавшегося расшифровкой всех кодов немецкого военного флота.

В конце 1940 года Британия оказалась в опаснейшем положении — стране грозил голод. Дело в том, что немецкие подводные лодки с успехом топили корабли атлантического конвоя, вёзшие на британские острова пропитание. Отделу Тьюринга нужно было создать устройство, которое хотя бы отчасти дублировало работу немецких шифровальных машин, и он такое устройство создал! В нём использовались зубчатые колеса, перфоленты и простые электрические схемы. И назвали его просто — «Бомба». Компьютером это устройство назвать ещё нельзя, ведь для его работы требовалось довольно много людей — поначалу десятки, а потом даже сотни. Работала «Бомба» благодаря молодым симпатичным женщинам, призванным на службу в отряды Женской вспомогательной службы ВМС. Но, объединив этих женщин и механические и электрические устройства в единое целое, Тьюринг получил некое подобие

той машины, о которой размышлял ещё до войны. Сочетание «женщины плюс электрические схемы, которыми они управляют» являлось в некотором смысле аппаратным обеспечением компьютера. Тут были и память, и процессор, допускающий переконфигурирование программного обеспечения, только вот состояла эта машина из женщин, электрических проводов и мощного интеллекта Тьюринга. Когда из внешнего мира поступали новые данные, то есть когда немцы переходили на новую систему кодирования, Тьюринг просто производил «перепрограммирование» своей «машины».

Поначалу все шло не так, как хотелось бы. Очень часто «Бомбе» не удавалось вовремя расшифровать полученные сообщения, и британские конвои взрывались, а плившие на них моряки погибали. Но потом «Бомба» всё чаще добивалась успеха, спасая, таким образом, британские корабли и британские жизни...

И вот в это время Тьюринг, можно сказать, влюбился. Его избранница Джоан Кларк — на этот раз именно избранница — училась на математическом факультете в Кембридже и приехала в Блечли-Парк работать в отделе Тьюринга. Он сразу же объявил ей о своей гомосексуальности, что не помешало им проводить много времени вместе, обсуждая проблемы современной науки. Джоан его заявление отнюдь не смутило — ей нравился этот молодой и уже столько достигший человек, нравился его острый ум, юмор, душевная незащищённость.

В феврале 1942 года немецкий венный флот перешёл на новую систему кодирования. Блечли-Парк не давал нужной информации о перемещении гитлеровских подводных лодок, не помогали и радары, установленные на самолетах. Тьюринг страшно нервничал — у него ничего не получалось. Правительство Британии приняло решение выделить для работ в Блечли дополнительные средства, и Тьюринг ещё больше приблизился к машине своей мечты — он построил «Колосс». Когда эта машина работала, сотни километров ее кабелей выделяли такое количество тепла, что женщины, переключавшие штекеры, просили всех мужчин выйти из помещений — дамы снимали с себя всё лишнее, так было жарко!

И «Колосс» сделал то, что не могла сделать «Бомба». Тьюринг и его команда внесли огромный вклад в победу над гитлеровской Германией. И это хорошо понимали на Даунинг-стрит.

Так, однажды, когда Тьюринг отправил правительству письмо, где требовал незамедлительной поставки необходимых материалов, Черчилль дал начальнику своих служб распоряжение: «Сегодня же! Позаботьтесь, чтобы они получили всё, что им требуется, в первоочередном порядке».

В Блечли Тьюринга считали гением. Одетый кое-как, без галстука, часто в туфлях на босу ногу, неуклюжий, погружённый в свои мысли, не отличающийся блестящими манерами, он был всеобщим любимцем. Тьюринг не выносил неучей и карьеристов, а своих лучших сотрудников ценил, но при этом требовал от них порой почти невозможного. Его авторитет был непререкаем, а в конце 1942 года его даже командировали в США представлять Великобританию в обеспечении шифрования переговоров между Рузвельтом и Черчиллем. Этим ответственным делом он занимался до марта 1943 года.

Заслуги Тьюринга перед родиной были столь велики, что его наградили орденом Британской империи. Это была огромная честь.

Но вот война закончилась, однако Тьюрингу ужасно хотелось продолжить свои работы по созданию «мыслящей машины». В один из последних вечеров в Блечли он, составляя вместе с Джоан отчет о проделанной работе, рассказал ей, что ему удалось убедить руководителей Национальной физической лаборатории (НФЛ) создать группу, которая как раз и займётся созданием его машины. Его проект так и назывался — Вычислительная автоматическая машина (Automatic Computing Engine). Дальше он уже шёл один — Джоан, по зрелому размышлению, все-таки решила, что выходить замуж за гомосексуалиста не самый лучший вариант.

Но Тьюрингу это уже было совсем не важно — он был полон идей о том, как будет делать свою «мыслящую машину». Во главе НФЛ стоял Чарлз Дарвин, внук великого Дарвина. Он не был выдающимся учёным, зато по праву считался прекрасным администратором и с пониманием слушал Тьюринга, когда тот говорил, что ему нужны электронные лампы и реле. Зато быстро заскучал, когда Алан заговорил о чистой математике, и, услышав об идее создания интеллектуальной машины, решил, что перед ним сумасшедший. Но Тьюринг все-таки начал работать. Только

вот у него ничего не получалось — ему мешало отсутствие маленьких переключателей, ведь тогда еще не было транзисторов.

Прошло два года, а достойных результатов — никаких. Пришлось перебраться в Манчестер, где тоже велись подобные работы. Идеи носились в воздухе, и несколько групп в самой Англии, а еще группы в США уже занимались созданием компьютеров. (Кстати, американцы обогнали англичан на этом пути.) Но и в Манчестере у Тьюринга ничего не получилось. Тамошние инженеры и математики, во-первых, имели свои представления о том, что нужно делать, а во-вторых, не принимали аристократа Тьюринга, с его кембриджским акцентом, в свой круг. Времена Бенчли, когда все вместе работали на победу, ушли в прошлое...

Тьюринг всегда много работал — он и в Манчестере писал статьи, читал лекции. Его хорошо знали в учёном мире. Он мог, наверное, легко вернуться в Кембридж, преподавать там, но этого так не хотелось! И в результате Тьюринг оказался в полном одиночестве. Пробовал заниматься чистой математикой, но быстро понял, что уже стар для этого. И тогда его стали занимать философские проблемы — он занялся теорией морфогенеза, а потом написал статью об искусственном разуме и природе самопознания «Вычислительные машины и разум», которая была опубликована в журнале *Mind* и через несколько лет после его смерти была признана классической. Но уж слишком он опередил своё время. Тогда, в конце 1940-х годов, его никто не понимал...

Мать продолжала слать ему письма, спрашивая, когда он женится. Что он мог ей ответить? Только то, что ищет ей достойную невестку...

В отчаянии Тьюринг занялся бегом — он всегда с уважением относился к спорту, а теперь словно бежал от себя. (Кстати, одно время он считался лучшим марафонцем Британии, и его даже должны были включить в олимпийскую команду страны, но помешала травма бедра.)

После Мортон Тьюринг так и не встретил настоящую любовь — довольствовался лишь случайными связями. И однажды это весьма плохо кончилось. В январе 1952 года дом Тьюринга ограбили. Алан сообразил, что тут наверняка замешан молодой рабочий, с которым он провёл ночь. Обиженный, разочарованный в людях, он обратился в полицию. Это было страшной ошибкой.

Грабителя задержали, но он с удовольствием поведал следствию о нетрадиционных влечениях Тьюринга. Возможно, если бы эта история произошла в Кембридже, Тьюринг отделался бы официальным выговором, если бы в Лондоне — недолгим заключением в тюрьме. (Спустя пару лет такая же история произошла с актёром Джоном Гилгудом — его арестовали, но многочисленные друзья вступились за него, и Гилгуда освободили.) Но Тьюринг жил в Манчестере — патриархальном, ортодоксальном городе, где гомосексуализм считался страшным преступлением. И 31 марта он предстал перед судом. Ему помогли заслуги военного времени и высокие правительственные награды. Наказанием стало не тюремное заключение, а принудительное лечение — подавление либидо с помощью инъекций женских гормонов. Тьюринг еще не очень понимал, чем ему это грозит, зато хорошо осознавал, что в тюрьме работать уж точно не сможет, а именно работа была смыслом его жизни...

Поначалу воздействие гормонов было неявным, но постепенно он стал замечать, что ему трудно сосредоточиться на решении той или иной задачи. Алан попробовал получить разрешение уменьшить дозы, но ему отказали. А потом он с ужасом заметил, что у него стала расти грудь! Это уже было трудно пережить — препараты разрушали и его интеллект, и его тело!

В апреле 1953 года ему все-таки позволили перестать принимать страшные препараты, но было уже поздно. Они своё дело сделали. Однажды июньским вечером, дождливым и полным тоски, Тьюринг вернулся домой, взял яблоко и впрыснул в него цианистый калий. Когда на следующий день его тело обнаружила служанка, убиравшая дом, в банке еще оставалось немного яда, а рядом валялось недоеденное яблоко.

Его мать так и не смогла поверить в самоубийство сына — нет, это был несчастный случай, её сын всегда так любил экспериментировать с разными веществами... ☞

КТО УБИЛ ЧЕЛОВЕКА С ЗОЛОТЫМ НОСОМ?

Денис Логинов

Четвёртого ноября 1601 года улицы Праги заполнили толпы народа. Все хотели посмотреть на пышные похороны придворного астролога Тихо Браге. За герольдом с развевающимся на ветру флагом следовали 12 императорских гвардейцев. Они несли накрытый чёрным атласом гроб, в котором лежал покойник в полном рыцарском облачении.

Тихо Браге, которого так же, как Галилея, чаще называют по имени, скончался утром 24 октября. Во время одного званого ужина, куда он был приглашён, у Тихо начались колики в животе, и он вынужден был вернуться домой, где слёг окончательно. Ночью ему стало совсем плохо, и через шесть дней, прошедших в горячечном бреду, астроном умер. В Праге было объявлено, что смерть наступила в результате внезапного и очень острого воспаления мочевого пузыря, спровоцировавшего отказ почки. Однако в те времена, в конце Ренессанса, особенно богатого на политические убийства, по Европе сразу поползли слухи о том, что датского астронома, считавшегося на рубеже XVI-XVII веков самым великим учёным континента, убили...

Владелец острова

Тихо Браге родился 14 декабря 1546 года в замке Кнутсторп в семье знатного датского дворянина. Скания, самый южный район Швеции, в те времена принадлежала Дании. Не уди-

вительно, что у датчан Браге было немало родственников в Швеции, носивших, кстати, ту же фамилию.

Отте Браге, отец будущей знаменитости, был важной фигурой при дворе Фредерика II, короля Дании и Норвегии. Мать Беате тоже происходила из знатного рода Билле, давшего немало видных политиков и религиозных деятелей.

Так получилось, что с двух лет Тихо рос у дяди Юргена. Юрген забрал его к себе в замок Тоструп без ведома родителей, а может, и с их ведома, потому что, по слухам, Отте обещал бездетному брату отдать сына, если тот у него родится.

Как бы то ни было, Юрген Браге, видный вельможа, занимавший важные государственные посты, заменил Тихо отца. С 6 до 12 лет мальчик учился в латинской школе, а в 13 лет поступил в Университет Копенгагена, где по настоянию дяди изучал право.

Интерес к астрономии у него проснулся после солнечного затмения, которое произошло 21 августа 1560 года. Особенно сильное впечатление на юношу произвёл тот факт, что оно было предсказано учёными-астрономами.

Через несколько лет изучения астрономии Тихо понял, что добиться успехов в этой науке можно только при помощи регулярных наблюдений за небом и использования самых точных измерительных приборов. Многие из них, произведшие настоящий переворот в астрономии во второй половине XVI века, он конструировал и делал сам.

Дядя Юрген скончался в 1565 году от пневмонии, которую заработал, спасая тонущего короля. После дальнейшего обучения в Университете Ростока и путешествий по Швейцарии и Германии, где он соорудил квадрант, Тихо вернулся домой, но пообщаться с отцом пришлось недолго, вскоре он скончался.

В родном городе Тихо познакомился с дочерью лютеранского священника Кирстен, влюбился в неё и, когда она ответила взаимностью, молодые люди стали жить вместе и прожили в любви и согласии до самой смерти. Кирстен родила Тихо восьмерых детей. По датским законам, через три года после того, как дворянин и простолюдинка проживут в гражданском браке, их брак становится законным, хотя и считается морганатическим. Каждый сохраняет свой социальный статус, а дети, хотя и являются легитимными в глазах закона, так же, как мать,

считаются простыми людьми и не могут унаследовать ни титул отца, ни герб, ни право на родовые земли.

Фредерик II, чувствовавший себя в долгу перед приёмным сыном своего спасителя, всячески способствовал его карьере и исследованиям. Он не только сделал его придворным астрологом и астрономом, но и даровал в пожизненное владение островок Вен, расположенный в проливе Эресунн недалеко от Копенгагена. Там Браге соорудил на государственные деньги первую в Старом Свете обсерваторию, которую назвал Ураниборгом, Небесным замком, в честь древнегреческой музы Урании, покровительницы астрономии.

На первом этаже трёхэтажного здания жил сам Браге с семьёй, там же находились библиотека, зимняя столовая и кухня. Второй этаж был отведён для гостей, которых в Ураниборге всегда было много, а четыре комнаты предназначались для наблюдений за ночным небом. На третьем этаже жили помощники и ученики Тихо, а в огромном подвале под обсерваторией размещались лаборатории, в которых производились опыты.

Обсерватория производила неизгладимое впечатление на гостей. Бочка золота, которая пошла на её строительство, была потрачена не зря. Вода, к примеру, подавалась вверх насосами, что в XVI веке встречалось крайне редко.

Кроме главного здания, на территории поместья были построены домики для прислуги, мастерские, в которых изготавливались и ремонтировались астрономические инструменты, своя маленькая бумагоделательная фабрика и даже типография, где печатались и переплетались научные труды Тихо Браге.

11 ноября 1572 года Тихо первым описал рождение сверхновой звезды. Будучи последним известным астрономом, наблюдавшим за небом без телескопа, он тем не менее прославился сверхточными измерениями движений небесных тел и занёс в каталог более одной тысячи новых звёзд.

Открытая им сверхновая звезда, правда, уже в наши дни, была названа именем Тихо. За заслуги перед астрономией именем Браге также названы кратеры на Луне и Марсе и планетарий в Копенгагене.

Тихо Браге, конечно, был великим учёным, но и он допускал серьёзные ошибки. Зная о теории Коперника, не мог принять её и вместо коперниковской предложил собственную компромис-

Тихо Браге с металлическим носом

сную теорию о строении Вселенной, согласно которой солнце вращалось вокруг Земли, а остальные планеты — вокруг солнца.

Поскольку в те времена астрономия была неотделима от астрологии, Тихо Браге составлял гороскопы и занимался предсказаниями. Гороскопы он составлял не только королю и всей королевской семье, но и самым знатным европейским вельможам того времени, которые приезжали на остров Вен.

Конечно, астролог Браге оставил в истории не такой заметный след, как астроном, но и у него имеются как минимум два довольно точных предсказания. Ещё в 1577 году он предсказал рождение в Финляндии принца, который, прежде чем погибнуть в 1632 году, успеет разорить всю Германию. Речь шла о шведском короле Густаве Адольфе, короле-воине, получившем за свои военные подвиги прозвище «Лев Севера».

Второе довольно точное предсказание связано с турецким султаном Сулейманом Великолепным, который в 1566 году вторгся в Европу и едва не захватил Венгрию.

20-летний Тихо составил гороскоп султана и предсказал ему смерть во время лунного затмения, которое произошло 27 октября 1566 года. Сулейман действительно умер в 1566 году на 72 году жизни, но не 27 октября, а в ночь с 5 на 6 сентября.

Правда, придворные скрывали его смерть, и известие о ней пришло в Данию значительно позже, уже в ноябре.

Золотой нос, карлик и ручной лось

Так как Тихо Браге жил в те времена, когда ещё не был изобретён телескоп, ему приходилось полагаться только на свои зоркие глаза. Однако на его лице имелась более примечательная деталь, а именно... золотой нос.

Будучи двадцатилетним студентом Университета Ростока и уже тогда отличаясь вспыльчивым характером и заносчивостью, Тихо на танцах в доме профессора теологии Лукаса Бакмейстера поссорился со своим соотечественником Мандерупом Парсбьергом. Спор, говорят, вышел не из-за женщины, как можно было бы предположить, учитывая возраст спорщиков, а из-за какого-то математического вопроса.

В тот вечер друзья разняли Тихо и Мандерупа, однако через две недели, на рождественской вечеринке, они вновь поссорились, и свой спор решили выяснить с помощью рапир, на дуэли. Парсбьерг оказался более опытным фехтовальщиком и, обладая лучшей реакцией, отсёк в темноте сопернику кончик носа.

Кстати, эта дуэль не отразилась на дальнейших отношениях между дуэлянтами. Через много лет Парсбьерг даже защищал друга от травли.

Для того чтобы скрыть увечье, Браге сделал из сплава золота и серебра нос, такой естественный, что его нельзя было отличить от настоящего. Он носил всегда с собой коробочку с пастой, которой — тут мнения историков расходятся — или приклеивал золотой нос, или начищал его до блеска.

Не исключено, что заменитель носа у Тихо был не один. В 1901 году, когда по случаю трёхсотлетия со дня смерти и ремонта церкви его тело было эксгумировано, протеза из драгоценных металлов в гробу не нашли. Зато на черепе, в том месте, где находится нос, отчётливо проступили зелёные пятна.

По одной из версий, в повседневной жизни Тихо Браге пользовался «дешёвым» носом из меди, которая, окисляясь, давала зелёный оттенок, а золотой надевал только по торжественным случаям.

Накладной нос был не единственной эксцентричной деталью биографии Тихо Браге. В замке Кнутсторп он, например, держал ручного лося. Сохатый сломал ногу и сдох вскоре после того, как, выпив ведро пива на одной из хозяйских пирушек, споткнулся и упал с лестницы.

Ещё при дворе придворного астронома, состояние которого, по слухам, в период расцвета составляло 1% всех богатств королевства, жил карлик по имени Йепп. Тихо считал его провидцем. Во время банкетов он прятал карлика под столом, потом, улучив момент, просил гостей замолчать и незаметно давал Йеппу сигнал произносить пророчества.

Небесная тайна

Если верить историческим документам, друзья и родственники Тихо Браге подозревали, что его отравили, но доказательств у них не было. Их подозрения основывались на том, что, несмотря на любовь к вину, Тихо на здоровье никогда не жаловался. И тем не менее он заболел, причём заболел внезапно и очень сильно.

Кто же отравил великого учёного? Джошуа и Энн-Ли Гайлдеры, американские криминалисты и авторы книги с длинным названием «Небесная интрига: Иоганн Кеплер, Тихо Браге и убийство, которое стоит за одним из величайших научных открытий» (2005 год), как следует из названия, считают убийцей Иоганна Кеплера.

Браге и Кеплер были одержимы звёздами, но во всём остальном имели мало общего. Иоганн был на четверть века моложе датчанина, блестяще разбирался в математике и очень нуждался.

Тихо, работавший астрологом и математиком при дворе Рудольфа II, императора Священной Римской империи, пригласил Кеплера в Прагу к себе помощником. Встреча состоялась 4 февраля 1601 года и положила начало одному из самых удивительных и плодотворных союзов в истории науки.

К решению ехать в Прагу тридцатилетнего Иоганна Кеплера подтолкнуло и горячее желание разобраться в истинной природе орбит планет. В этом ему могли помочь данные многочисленных

журналов, в которые Тихо записывал результаты своих почти сорокалетних астрономических наблюдений. Без этих данных все усилия немецкого учёного были напрасны. Но датчанин не испытывал особого желания делиться с молодым коллегой трудами всей своей жизни. Особенно Браге опасался, что Кеплер воспользуется ими для того, чтобы доказать правильность коперниковской теории строения Вселенной, противником которой он являлся.

Увы, сотрудничество этих великих учёных оказалось очень коротким и продлилось чуть больше полугода.

При жизни своими астрономическими данными Тихо Браге с Кеплером так и не поделился. Немец просто выкрал их после его смерти у наследников, считавших журналы ничего не стоящим хламом. В дальнейшем они сыграли едва ли не главную роль в открытии им трёх знаменитых законов движения планет.

У многих историков неизбежно возникал вопрос: насколько далеко готов был зайти Иоганн Кеплер, чтобы завладеть этим необходимым для себя кладом информации? Очень далеко, полагают Гайлдеры.

«Четыреста лет все думали, что Тихо Браге умер от естественных причин, — пишут супруги во вступлении к книге, — но новые анализы криминалистов свидетельствуют о том, что он был убит. Тихо отравили. Что же касается имени убийцы, то всё: мотив, средства и возможность, — указывает на одного человека. Убийцей был Иоганн Кеплер».

Большая часть доказательств Гайлдеров связана с волосами датского астронома, вырванными из его бороды во время вскрытия гроба в 1901 году.

В 1991 году Пражский национальный музей, в котором хранятся эти волосы, послал несколько волосков на анализ в Данию и получил ошеломительный результат: содержание ртути в волосах астронома превышает предельно допустимую норму в 100 с лишним раз.

Высокое содержание ртути в волосах — факт сам по себе, конечно, примечательный, но далеко не решающий, и это вовсе не означает, что Тихо убили. Он был не только астрономом, но ещё и алхимиком и, конечно, имел в своей лаборатории ртуть и другие химические вещества, необходимые для опытов. С другой стороны, Браге был очень опытным химиком, несомненно, знал

о ядовитых свойствах ртути и должен был проявлять крайнюю осторожность при работе с этим металлом.

Через 5 лет, в 1996 году, физики из университета Лунда под руководством Йена Паллона провели более точное исследование. Рентгеноспектральный анализ показывает не только содержание тех или иных химических веществ в волосах, но и их точное местонахождение. Например, если бы ртуть попала в волосы Тихо во время бальзамирования, она скопилась бы снаружи. Если бы он медленно травил себя в ходе химических опытов, ртуть находилась бы внутри длинных частей волос. А рентгеноспектральный анализ показал, что ртуть собралась внутри волос, в волосяных фолликулах (луковицах), то есть попала в организм астронома через кровь.

Химики знают, что уровень ртути в организме очень быстро повышается и так же быстро снижается. Это, а также расстояние скопления ртути от корней волос, свидетельствует о том, что огромное количество ядовитого металла попало в организм Тихо Браге примерно за 10-15 часов до его смерти.

И хотя ртуть в виде соли — хлорида ртути — могла попасть в организм Тихо с содержащим это вещество лекарством, которое он выпил сам, Джошуа и Энн-Ли Гайлдеры уверены, что датчанина отравили.

Паллон также составил интересный график, показывающий содержание ртути в организме Тихо в разное время перед смертью. Из него следует, что содержание ядовитого металла возросло в 40 (!) раз за 13 часов до смерти.

Объединив результаты анализа доктора Паллона с результатами более раннего анализа, авторы книги пришли к выводу, что Тихо был отравлен сулемой (хлоридом ртути) как минимум дважды: первый раз — в день рокового ужина, второй — в ночь перед смертью.

Гайлдеры также установили, что отчаянно нуждавшийся в данных наблюдений Тихо Кеплер обладал очень неуравновешенным характером. Он сам не скрывал в своих дневниках, что склонен к обману и предательству. Из писем Иоганна Кеплера ясно видно, что в этом человеке клокотали гнев и злоба, которые он далеко не всегда мог контролировать.

Ответить на вопрос, насколько убедительны приводимые Гайлдерами доказательства вины немецкого учёного, нелегко.

И хотя их книга содержит много интересной информации и заставляет на многое взглянуть по-новому, критики считают, что выводы авторов спорны и носят сенсационный характер.

К примеру, критики пытаются доказать, что на самом деле у Иоганна Кеплера не было мотива для убийства. Он, по их словам, должен был уважать Тихо, который собирался сделать его главным математиком при императоре Рудольфе II и называл «фениксом астрономии». Сам датский астроном, кстати, «скромно» сравнивал себя с мессией.

«Убивать Тихо для Кеплера, — говорит Оуэн Гингерич, профессор астрономии из Гарварда, — это то же самое, что резать курицу, несущую золотые яйца. Вероятнее, что Тихо случайно отравил себя сам».

Однако этот довод не выдерживает никакой критики. После смерти датчанина Кеплер занял его место и стал придворным математиком. Проживи же отличавшийся крепким здоровьем Тихо ещё пару десятков лет, эта перспектива отодвинулась бы на неопределённое время.

Куда серьёзнее выглядят сомнения медиков. Джека Утрехта, профессора медицины в Университете Торонто, настораживает одно странное обстоятельство. После наивысшего пика, накануне смерти содержание ртути на графике падает. Но если у больного отказывают почки, то вывести ртуть организм не может, и она должна в нём остаться.

Что нашептала Гамлету тень отца

Сейчас группа датских учёных ждёт разрешения властей Чехии на эксгумацию. Они хотят вскрыть склеп с гробом Тихо Браге, который находится в Тынском храме, в самом центре Праги, на площади Венцеслава.

По словам Йенса Велева, датского археолога из университета Архуса, возглавляющего группу, учёные намерены подвергнуть скелет датского астронома компьютерной томографии и взять для анализов 100 мг костного материала.

Между тем, недавно появилась новая сенсационная версия убийства. Петер Андерсен, датский историк, работающий в Университете Страсбурга, внимательно изучил всех людей,

которые контактировали с Браге в конце жизни, и пришёл к выводу, что следы заговора ведут на «самый верх». Организатором и заказчиком убийства великого астронома, считает он, был датский король Христиан IV.

Андерсен знает и имя исполнителя. Это Эрик Браге, шведский граф и дальний родственник Тихо по шведской линии, которая откололась от основной за двести лет до описываемых событий.

«Эрик Браге был влюбчивым бонвиваном и постоянно испытывал финансовые затруднения, — объясняет Петер Андерсен. — Он находился на службе у короля Дании и нередко выполнял тайные поручения дипломатического характера».

Прежде чем рассказывать о доказательствах Петера Андерсена, следует хотя бы немного остановиться на последних годах жизни Тихо Браге, когда удача отвернулась от этого баловня судьбы.

Тучи над головой датского астронома начали сгущаться в 1596 году после восшествия на трон Дании и Норвегии Христиана IV. Когда в 1588 году умер его отец, король Фредерик II, Христиану было всего 11 лет. Управлять королевством юный король начал в 19 лет — и начал с того, что объявил травлю своего самого, пожалуй, знаменитого подданного. Он отменил указ отца, покровительствовавшего Тихо, и отнял у него остров Вен под предлогом, что астроном противозаконно открыл в замке-обсерватории тюрьму для арендаторов, уклоняющихся от уплаты ренты. Объяснив свои действия тем, что астрономия не приносит никакой пользы казне, король приказал разрушить Ураниборг.

Через несколько месяцев положение Браге настолько ухудшилось, что перед ним замаячила вполне реальная угроза попасть в тюрьму. Он бежал в Германию и после недолгого пребывания в герцогстве Гольштейн поехал по приглашению Рудольфа II в Прагу.

Почему Христиан IV возненавидел Тихо, остаётся загадкой, но Андерсен полагает, что причиной ненависти мог быть Эдипов комплекс.

«Среди европейской знати в конце XVI века ходили слухи, что Христиан IV был незаконнорождённым, — объясняет датский историк, — и что у его матери, королевы Софии, был роман с Тихо Браге. Для молодого монарха, только занявшего престол, подобные разговоры, конечно, таили в себе большую опасность».

Некоторые историки литературы даже предполагают, что о тайном отцовстве Тихо слышал Шекспир, и что он использовал его в качестве сюжета для своего «Гамлета». Шекспировский Гамлет, так же как реальный датский король, жил в Эльсиноре.

Главным доказательством своей версии Петер Андерсен считает дневник подозреваемого убийцы. Его он случайно нашёл в прошлом году в Королевской библиотеке Стокгольма во время поисков документа, который, по его мнению, должен был пролить свет на тайные связи между Францией, Данией и Германией.

В шестисотстраничном фолианте, переплетённом в коричневую кожу, встречаются явно зашифрованные записи, но большая часть его написана на латыни. Из дневника следует, что его автор в начале 1601 года готовился к выполнению какой-то важной миссии. Андерсен считает, что в Копенгагене Эрику Браге внушили, что он будто бы попал в немилость к шведскому королю, и для того чтобы оправдаться, ему срочно следует отправиться в Прагу с тайным заданием. Свою роль, несомненно, сыграли и деньги, в которых Эрик тогда сильно нуждался.

Эрик Браге поспешно покинул свой замок в Швеции. Он несколько раз встречался с королевским братом Гансом и другими доверенными лицами мстительного датского короля сначала в Копенгагене, а потом в Гданьске.

В апреле шведский граф отправился в Прагу. Несмотря на то что до этого родственники не встречались, Эрику быстро удалось завоевать доверие Тихо. Швед встречался с врагами брата и в Праге, тайные встречи проходили в турецких банях. В дневниковых записях, относящихся к этому периоду, можно часто встретить слова «*mea culpa*» (моя вина) без каких бы то ни было объяснений. 4 июня Эрик написал: «...*mea maxima culpa*» (моя большая вина).

Петеру Андерсену кажется подозрительным факт, что шведский Браге напросился на роковой банкет, на котором Тихо стало плохо. Организатором банкета был барон Петер Вок фон Розенберг, транжира и распутник, живший недалеко от императорского дворца в Градчанах. Установив, что у него в то время тоже были серьёзные финансовые затруднения, Андерсен считает Розенберга сообщником убийц.

Зал, в котором исследователь звёзд и большой поклонник земных удовольствий съел свой последний ужин, сохранился

и по сей день. В нём Тихо пировал, возлегая на турецких коврах в окружении одетых в шелка красавиц. В нём ему стало плохо.

Дома у гурмана Браге начались сильные боли.

«Охваченный внутренним огнём, он не мог уснуть пять ночей, — написал Кеплер, живший тогда в доме Тихо Браге, — пока не выдавил из себя с огромным трудом несколько капель. Только после этого ему стало немного легче».

У 54-летнего астронома было крепкое здоровье. Его сильный организм поборол болезнь, дела пошли на поправку.

Тогда, уверен Андерсен, убийцы попытались отравить Браге второй раз. Если верить дневнику Эрика Браге, 20 октября он пришёл к брату на обед. Странно, но имя родственника шведский граф (уж не мучимый ли угрызениями совести?) зашифровал.

Эрик навещал медленно выздоравливающего Тихо 22-го и вечером 23 октября и вполне мог воспользоваться возможностью, добавив несколько капель растворённых в воде солей ртути в стакан больного. На следующий день, в день смерти Тихо, граф написал, что в 9 часов утра великий человек «испустил последний вздох».

P. S. Версия Петера Андерсена, несомненно, очень интересна, но требует дальнейшей проверки. Не удивительно, что сейчас все взоры обращены к лаборатории, где проводятся анализы.

С особым интересом и нетерпением результатов эксгумации ждут, конечно, в Дании, но к ожиданию датчан примешивается и некоторый страх. Предполагаемый организатор убийства, король Христиан IV, считается в королевстве национальным героем и защитником отечества. Его военные подвиги даже воспеты в национальном гимне.

Будет большой скандал, если выяснится, что национальный герой Дании «заказал» знаменитого астронома. Как бы не пришлось переписывать гимн! ☹

Варвара Клюева

Бестолочь

Валентина с трудом вынырнула из кошмара, но от усталости не смогла проснуться окончательно. Зависла между сном и явью, словно аквалангист, оттягивающий момент всплытия. И погружаться страшно (вдруг там поджидает давешняя барракуда?), и выскакивать на поверхность обидно (доведётся ли сегодня ещё поплавать?).

Сквозь неплотную пелену дрёмы до сознания донеслось клещанье ватерклозетного спуска, следом — шум низвергающейся Ниагары. «Мать колобродит», — сонно подумала Валентина, и в ту же минуту её буквально выбросило из постели — мать уже полгода как умерла!

Валя попыталась нашарить ногой тапочки, не нашарила, нагнулась, наступила на подол ночной рубашки и рухнула на пол, попутно задев стул. От грохота, казалось, содрогнулся дом. Ошалевшее сердце в истерике билось о грудную клетку, стук в ушах и клекотанье Ниагары в туалете мешали прислушаться, но она всё-таки различила осторожные шаги, удалявшиеся к входной двери. Вот тихо повернулась ручка... скрипнули

петли... негромко щёлкнул замок... и тут же унитаз, судорожно всхлипнув напоследок, замолк... Тишина.

Прошло ещё минуты три, и Валя сообразила, что неплохо бы ей встать с пола. Даже если неизвестный щёлкнул замком нарочно, а сам куда-то не ушёл, даже если квартира набита злоумышленниками, холодный линолеум не сулит ей ни покоя, ни здоровья, ни безопасности. Она поднялась сначала на четвереньки, потом, не без помощи злополучного стула, на ноги. Метнулась к выключателю, зажгла свет, приоткрыла дверь из комнаты и пискнула в чёрную щель:

— Кто здесь?

Молчание.

Валентина огляделась, не увидела ничего более подходящего, чем настольная лампа, и, прихватив её с собой, вышла в коридор. В туалете — никого. В ванной — никого. На кухне — тоже никого. И никаких следов недавнего постороннего присутствия. Пол чистый, стол чистый, все шкафчики и полки закрыты, на спинке кресла — её вязаная шаль, в раковине — забытая чашка из-под чая. «Может, никого и не было? — с надеждой подумала Валя. — Может, меня всё-таки догнал кошмар?»

Несколько успокоенная, она вышла в коридор, и тут увидела свисающую с гвоздя дверную цепочку. Надежда лопнула, как мыльный пузырь.

Валентина много чего могла забыть по рассеянности. Помыть чашку, удобно поставить тапочки перед кроватью, повесить на плечики одежду... Но только не закрыть дверь на цепочку. Что-то, а эту привычку мать в неё вколотила с детства. На цепочку она закрылась бы, даже если бы приползла домой полумёртвая. Никуда не денешься: в квартиру проник неизвестный злоумышленник.

Валентину зазнобило, и она вернулась на кухню поставить чайник. Часы показывали половину пятого. О сне сегодня можно забыть.

Накинув на себя шаль, она ополоснула чашку, положила в неё пакетик с чаем и, устроившись в кресле, подтянула колени к груди. Озноб не проходил.

Кто этот незванный ночной гость? Зачем он забрался в квартиру? И главное — как? Ключей от своего жилья Валентина никому не давала. Друзей у неё не было, родственников не осталось.

Тётка Нюра умерла за полтора года до матери, дед с бабушкой — ещё до Валиного рождения, а отец утонул, когда ей было пять лет. Может быть, осталась какая-нибудь родня с отцовской стороны, но Валя о них ничего не знала, кроме того, что они «деревенские алкаши, похлеще, чем был твой папаша». Словом, некому было Валентине вручать ключи от своей квартиры.

Злоумышленник, конечно, мог их подобрать, но как быть с цепочкой? Получается, он забрался сюда до Валиного прихода? По идее, в этом нет ничего невозможного — она вернулась домой дико уставая, засыпая на ходу, едва осталось сил раздеться и постелить... Но почему он ждал почти четыре часа, чтобы уйти? Профессиональному квартирному вору хватило бы нескольких минут, чтобы убедиться: брать здесь нечего. Да и не полез бы профессионал в случайную квартиру...

А кто полез бы? Маньяк-убийца или насильник? Но ни тот, ни другой не стал бы бережно хранить сон хозяйки на протяжении четырёх часов и не удрал бы пугливо, поняв, что она проснулась.

Закипел чайник. Валентина, обжигаясь, выпила одну чашку, потом вторую и, наконец, согрелась. А, согревшись, немного расслабилась. Инцидент с вторжением казался теперь полнейшей нелепостью и оттого перестал быть таким пугающим.

Скорее всего, это начинающий воришка присмотрел с вечера квартиру с тёмными окнами и решил попытать счастья, если хозяева не появятся до ночи. Вернувшись в начале второго Валентина застигла воришку врасплох и наверняка напугала до потери пульса. Он спрятался в прихожей во встроенном шкафу — больше просто негде — и просидел там, ни жив, ни мёртв от страха, четыре часа. Может, время от времени и пытался выбраться, но малейший скрип загонял его обратно. А потом беднягу припёрло так, что ему стало не до страха. Переполненный мочевой пузырь — зверская пытка, тут решишься на что угодно...

Она удобнее устроилась в кресле и поняла, что улыбается. Злополучный злоумышленник больше не вызывал ни страха, ни гнева — одно лишь снисходительное сочувствие.

И Валя не заметила, как уснула.

Присутствие духа не изменяло Валентине весь день — до той самой минуты, когда она вышла из лифта и достала ключи от квартиры. Тут-то её и накрыл невыразимый, иррациональный ужас.

Как ни объясняла она себе, что неудачливый вор ни за какие коврижки не вернётся больше в этот дом, рука отказывалась вставлять ключ в замочную скважину. Выписывала кренделя, будто заколдованная, обходя заветное чёрное гнездо по спирали.

«Должно быть, это и называется интуицией, — подумала Валентина. — По идее, мне следовало бы сейчас развернуться и бежать, что есть сил. Только вот куда? Куда прикажете бежать абсолютно одинокой девушке, у которой нет даже мало-мальски близких знакомых? Девушке, для которой мучителен самый невинный и безличный диалог, вроде обмена мнениями о погоде? Да, мой дом перестал быть моей крепостью, но остался единственным пристанищем».

Валентине понадобилось полчаса, чтобы как-то справиться с собой и открыть дверь. Но победа не принесла ей ни триумфа, ни облегчения. Первым, что она почуяла, переступив порог своего жилища, был безошибочно узнаваемый табачный дух, сохранившийся, несмотря на открытую на кухне форточку. Нужно ли говорить, что Валя не курила, и не оставляла открытых окон, уходя из дома? Летом, в жару, наверное, могла бы в спешке забыть про форточку, но осенью, когда на улице меньше пяти градусов? Исключено. Как и многие худышки, Валя была болезненно теплолюбива.

Ещё одним фактом, подтверждающим незаконное проникновение в квартиру, были следы на пористом резиновом коврик в прихожей. Утром, перед уходом на работу, Валентина отмыла коврик до девственной голубизны, и если два грязных пятна сорок четвёртого размера появились на нём не Святым Духом, то, без сомнения, оставлены злоумышленником.

С тупым бесстрашием, вызванным отчаянием и усталостью, Валентина обошла квартиру и убедилась, что непрошенный гость её покинул. Подпереть чем-нибудь входную дверь не представлялось возможным, поскольку она, вопреки традиции, открывалась наружу, но девушка продела в ручку верёвку, концы которой завязала узлами и пропустила под дверью комнаты, открывавшейся внутрь. А потом пошла на кухню — пить чай и думать.

Все, кто когда-либо знал Валентину, — мать, тётка, подруги матери, одноклассники, учителя, соседи и, вероятно, сотрудники и работодатели, считали её чуть ли не умственно

отсталой. Единственным человеком, понимающим, насколько велико их заблуждение, была сама Валентина, но она так и не нашла способа донести эту истину до окружающих. Мало того, что на Валю нападали ступор всякий раз, когда необходимо было кому-то что-то сказать, так она ещё становилась фантастически, просто по-клоунски неуклюжей, когда за ней наблюдали. Да, наверное, иначе и быть не может, когда ты с детства только и слышишь: «Ты как стоишь (сидишь, ходишь, несёшь, везёшь, шьёшь, режешь, копаешь)? Кто так руки (голову, бидон, иголку, нож, лопату, спички) держит, бестолочь? Вот ведь наградил Бог дочуркой, прости Господи!»

Но, оставаясь наедине с собой, Валентина преображалась. Становилась ловкой, умелой, внимательной, а главное — умной. Вся жизнь её единственным спасением от враждебного мира, её друзьями и советчиками, её прибежищем были книги. С детских лет Валентина каждую свободную минуту проводила в читальном зале. Приносить книги домой, с тех пор как мать выбросила библиотечные в помойное ведро, она не решалась. А потом, устроившись на работу и обзаведясь закутком, где можно было хранить личные вещи, едва ли не ежедневно покупала себе томик-другой. Как-то она прикинула, что за двадцать семь лет жизни прочла не меньше пяти тысяч одних романов, не говоря уже о повестях, рассказах, статьях, эссе и стихотворениях, а это, как ни суди, весьма солидная цифра. Потом она их раздавала или относила букинисту. Что бы там ни говорила мать, презиравшая и высмеивавшая книжную премудрость, книги — лучшая пища для ума, а значит, ум Валентины был вскормлен превосходно. И теперь самое время им воспользоваться — если, конечно, она не хочет сойти с ума или умереть от страха.

Итак, что мы имеем? Какой-то человек, предположительно мужчина, второй день подряд непонятным образом проникает в квартиру Валентины, недвусмысленно заявляет о своём присутствии и исчезает, не прихватив с собой и не оставив ничего, что указывало бы на цель его визита. Возможных вариантов, похоже, всего два. Первый: он разыскивает нечто, представляющее для него ценность, настолько большую, что его не заботят последствия его, мягко говоря, не одобряемой обществом деятельности.

Против этой версии свидетельствовали, во-первых, оставленный им порядок в вещах и обстановке, во-вторых, крайняя и очевидная бедность хозяйки и, в-третьих, пустота квартиры, в которую Валентина въехала три месяца назад. Прежние жильцы вывезли всё, не оставили ни единой безделушки, ни даже гвоздя в стене. В пользу первой версии говорили оказавшиеся у незнакомца ключи — они могли достаться ему от старых хозяев, поскольку замок Валя не меняла, — и полнейшая абсурдность варианта номер два. Потому что вариант номер два предполагал, что действия злоумышленника направлены лично против Валентины.

У Валентины, как уже упоминалось, не осталось родственников, не было друзей и даже просто близких знакомых. Но у неё также не было врагов и недоброжелателей. Люди, как правило, зависть, злобу и мстительные чувства питают к тем, кто в чём-то их превосходит — в силе, в ловкости, хитрости, уме, влиянии на других. К тем, у кого больше власти, престижа, известности, достатка, и прочая, и прочая.

Валя в глазах окружающих выглядела слишком ничтожной, чтобы обращать на неё внимание. Из всего, что она имела, самым значительным, пожалуй, был долг в миллион рублей, которые она, а вернее, волокущая её за руку подруга матери тётя Люба взяла (на имя Валентины, разумеется) в банке на лечение матери. От тех денег давно осталось одно воспоминание, всё ушло на дорогие лекарства, анализы, процедуры, операцию, деликатесы, докторов, сиделок, похороны и поминки. Для того, чтобы выплачивать долг и проценты, Валя была вынуждена устроиться на две ставки — она мыла полы в туалетах популярного трактира «Сено-солома», и всё равно после смерти матери ей пришлось поменять «сталинку» у метро «Электрозаводская», на квартиру в блочно-панельном доме в полчасе ходьбы от «Бульвара Дмитрия Донского». Львиную долю полученной доплаты она отнесла в банк, уменьшив долг наполовину. Если бы не эти деньги, то после всех выплат от её заработка оставалось бы меньше двух тысяч в месяц, а это, согласитесь, далеко от прожиточного минимума. Прожить-то на них Вале, может быть, и удалось бы, поскольку она не пила, не курила, бесплатно обедала в трактире и одевалась в секонд-хенде, но вот покупать книжки — едва ли. А без книг ей жизнь была не в жизнь.

Три примитивных самодельных стеллажа с книгами — потрёпанными дешёвыми изданиями, приобретёнными, главным образом, у старушек, приторговывающих на рынке, — были единственным «излишеством», которое позволила себе Валентина. В целом же, убогость обстановки её квартиры заставила бы проследиться аскета из аскетов.

Что касается самой квартиры, то она Вале не принадлежала. Мать на смертном одре вырвала у неё клятву, ни при каких обстоятельствах не приватизировать квартиру. «Обманут ведь тебя, дуру несчастную! А то и прикончат, неровен час. Господи, как же ты без меня проживёшь-то, бестолочь?» Валя тогда подумала, что как раз при матери-то никакой жизни у неё не было, но обещание умирающей дала, и нарушить его не посмела — как ни уговаривала её милая дама, подыскивающая ей варианты обмена. Теперь же Валентина впервые ощущала нечто вроде благодарности по отношению к матери: по крайней мере, можно не опасаться происков со стороны неведомых наследников.

Впрочем, собственность, имеющая какую-никакую рыночную ценность, у Вали всё же была. Гектар земли и домик в Подмоскowie, унаследованные через мать от тётки Нюры. Если бы не скверная экологическая обстановка (с одной стороны от участка — химзавод, с другой — городская свалка) и не «дороги местного значения», превращавшие поездку и туда и обратно в долгое тяжёлое путешествие, этот лакомый кусочек стоил бы, наверное, целое состояние. Но без сослагательного наклонения цена земли была смехотворной. «Две тысячи баксов, и оформление за ваш счёт», — вот лучшее предложение, которое получила мать, когда они с Валентиной отчаянно искали деньги на операцию. Может быть, две тысячи долларов — не такая уж и мелочь, но это если не учитывать многочисленные визиты в эту глушь, взятки землемерам и конторским чиновникам, официальные пошлины на оформление сделки. А если их учитывать, то сделка становилась просто-напросто убыточной.

Вероятно ли, что за минувший год положение вещей в том медвежьем углу изменилось, и Валина земля возросла в цене? Вообще говоря, вполне. Свободной земли в Подмоскowie всё меньше и меньше, спрос на неё растёт... Но это совершенно не объясняет появления неизвестного злоумышленника в Валином доме. Что ему тут делать? Красть документы? Так по нынешним

временам продать землю по краденым документам можно только безнадежному лоху. Все остальные нанимают юристов, чтобы гарантировать чистоту сделки.

Тем не менее, Валентина, с трудом извлёкши из-за двери концы верёвки с узлами, добралась до ветхого комода и убедилась, что документы на месте. Стало быть, кража отпадает. А значит, отпадают и лица, заинтересованные в её земельном участке. Чего они могут добиться, если напугают её до смерти или сведут с ума? Перехода её собственности государству? Но вырвать что-либо из лап государства гораздо сложнее, чем склонить одинокую бедную девушку к продаже участка по смехотворно низкой цене. Явись кто-нибудь два дня назад к Валентине и предложи ей тысячу долларов в обмен на генеральную доверенность, она согласилась бы, не раздумывая. В её положении и тысяча — большие деньги.

В общем, корыстные мотивы можно смело исключить. Но что остаётся? Что, кроме корыстного мотива, может руководить злоумышленником? Мечь? Ерунда! Валентина за свою жизнь никого не убила, не обокрала, не подсидела, не оболгала, не совратила, не оскорбила. Кто и за что стал бы ей мстить? Вот мать — другое дело, она умела наживать врагов, но нужно быть полным психом, чтобы мстить умершей женщине через её ни в чём не повинную дочь.

С другой стороны, откуда Валентине знать, что она не имеет дело именно с таким?

«Ну, нет! — строго сказала себе Валя. — Если искать объяснение происходящему, то объяснение здравое, иначе можно и самой спятить. Скорее всего, злоумышленник приходил не по мою душу. Предположим, прежние жильцы как-то оставили квартиру под присмотром своего знакомого. А этот знакомый устроил в стене или в полу тайник и спрятал какую-то ценность. А потом уехал далеко и надолго, может быть, даже умер. Но перед смертью успел рассказать другу, приятелю или просто случайному человеку про клад, спрятанный в этом доме. Только точного положения тайника он не помнил, или помнил, но назвал какие-нибудь ненадёжные ориентиры — вроде мебели, которую вывезли. Вот кладоискателю и приходится таскаться сюда, как на работу, и простукивать стены, полы и потолок».

Обрадовавшись своей складной выдумке, она приняла твёрдое решение завтра с утра пораньше вызвать слесаря и поменять замки, после чего отправилась спать почти успокоенная.

Валентина работала шесть дней в неделю по шестнадцать часов и, естественно, здорово уставала. Но эта усталость не шла ни в какое сравнение с изнурённостью тех дней, когда жива была мать. За единственный выходной, день блаженного безделья наедине с увлекательной книжкой, когда никто не брюзжит, не пилит и не дёргает ежеминутно, Валя успевала полностью восстановить и душевные и физические силы.

Этот выходной стал исключением. Вызов слесаря, сменившего оба замка, и полчаса, проведённые в его обществе, совершенно истощили её нервную систему. Но и после ухода слесаря расслабиться не получилось. Несмотря на новые замки, Валентина то и дело ловила себя на том, что настороженно прислушивается к любому шороху за дверью. Ночной сон, тревожный и рваный, довершил процесс превращения здоровой молодой женщины в измученную неврастеничку.

Рабочий день тянулся бесконечно. К вечеру Валентина еле ползала, но всё равно ждала окончания смены с ужасом. Что ждёт её дома? А если опять чужие запахи и открытая форточка? Или, хуже того, взломанные замки? Нет, самое страшное, если где-нибудь в подъезде подкарауливает озлобленный мужик, не сумевший попасть в квартиру. Стукнет по голове чем-нибудь тяжёлым, вытащит ключи, а Валентину бросит истекать кровью на лестничной площадке. Или затащит в квартиру, свяжет, да так и оставит... Господи, как тяжело жить на свете совсем одной! Может, плюнуть на всё и попроситься ночевать к тёте Любе? Нет, только не это! Лучше умереть, чем хотя бы час терпеть общество этой броненосной бабы!

Однако по мере приближения к дому Валина решимость потихоньку испарялась. Может, смерть и лучше общества бесцеремонной особы, ломающей, словно тростинку, всякую волю к сопротивлению, а как насчёт смертного ужаса? Как насчёт невыносимого напряжения в ожидании неведомой жутки? Так что ей оставалось только молиться и надеяться — на крепость новых замков, на здравомыслие преступника, который, конечно же, не станет поджидать её на лестничной клетке на виду

у других жильцов, на шальную удачу в виде спутника-соседа, выгуливающего собаку...

Удача не была к ней настолько добра, и в подъезд, а потом и в лифт Валя вошла одна. Хотя одна — это всё же лучше, чем с каким-нибудь подозрительным незнакомцем. Кроме того, к немислимому облегчению девушки, никто не поджидал её у двери. Вдохновлённая и одновременно испуганная пустынной лестничной клеткой, Валентина стремительно одолела замки и захлопнула за собой дверь.

Первым, что она почувствовала, был запах табака — слабый, почти выветрившийся, но всё-таки различимый. Горло Валентины перехватил спазм, от бешеного пульса в голове зашумело, но девушка каким-то чудом сумела пересилить себя и осмотреть квартиру. Никого. В комнате и на кухне — полный порядок, форточки закрыты. В туалете чисто — ни грязных следов, ни плавающих в унитазе окурков. В ванной — небольшой беспорядок, оставшийся после вчерашней постирушки.

Может быть, ей померещилось? Может быть, запах табака — глюк, порождённый разыгравшимся от страха воображением? А грязные следы, оставленные позавчера на коврике, — тоже глюк? А спуск воды третьего дня?

«Я не сумасшедшая! Не сумасшедшая!»

Валентина медленно вернулась в прихожую, открыла стенной шкаф и обмерла.

В углу, за плечиками с её пуховиком, стоял чёрный-пречёрный негр. С огромными, вывороченными губами, распластанным носом и яркими красно-белыми полосами боевой раскраски по всему лицу.

Секунду-другую Валя и негр стояли неподвижно, потом он беззвучно протянул к ней руки в чёрных перчатках и обхватил её шею. Сжал ли чёрный человек пальцы на её горле, Валентина так и не узнала, потому что немедленно лишилась чувств.

Ведущая «Ночного канала» с дурацкой восторженностью соблазняла зрителей прелестями грядущей программы. Впечатав большой палец в кнопку пульта — словно клопа раздавил, Мыльник с ненавистью посмотрел на трубку мобильного. Трубка молчала, хотя, по его прикидкам, должна была разразиться

тактами «Прощания славянки» ещё час назад. Что-то пошло не так. Неужели он ошибся в расчётах? Но где?!

Допустим, у этой идиотки железные нервы. Где-то он слышал: чем ниже интеллект, тем примитивнее нервная система. Допустим, девка спала, как пьяный капрал, и попросту не слышала, что по её квартире расхаживает чужой. И на следующую ночь не заметила ничего подозрительного. Хотя, если не заметила, то зачем, спрашивается, поменяла замки? Ну, ладно, предположим, ею руководила безотчётная тревога, импульс из подсознания, которое, в отличие от сознания, восприняло посторонние звуки и запахи. Но уж сегодня-то, когда воочию увидела в своём шкафу мужика в маске, когда мужик схватил её за горло, должна же она была испугаться! Ведь не совсем же слабоумная: всё-таки среднюю школу, худо-бедно, закончила... Так почему, спрашивается, она не вызывает милицию?

Не выдержав пытки ожиданием, он позвонил сам.

— Новости есть?

— Нет, шеф.

— Не мог твой человек проворонить вызов?

— Исключено. Да и потом, она не выходила из квартиры, а телефона у неё нет.

— Ты уверен, что она там не окочилась?

— Сто процентов. Я, уходя, пощупал пульс. Опять же, свет в комнате два раза включали и выключали.

— Ну, и какого чёрта она себе думает?!

— Не знаю, шеф. Бабу разве поймёшь?

— Болван! — в сердцах бросил Мыльник и отключился.

Вот! И этот туда же! До чего всё-таки живучи дурацкие мифы. «Бабу разве поймёшь? Чужая душа — потёмки. Голова — предмет тёмный и исследованию не подлежит». И это сегодня, в эпоху нейролингвистического программирования! Почти сто лет спустя после появления бихевиоризма! Если уж людям во что-то хочется верить, никакие научные изыскания, эксперименты, разумные доводы их не переубедят.

Взять, к примеру, босса. Ушлый мужик — хваткий, дотошный и, в общем-то, неглупый. Но до чего ретроград!

— Не верю я в эти многоходовые комбинации. Мой опыт говорит, что самые простые решения — самые верные. Жизнь

иной раз и на ровном-то месте преподносит сюрпризы, а уж ежели её усложнять, можно в таких остаться дураках!

Битых три года Мыльник доказывал этому упрямому борову, что его «простые решения» устарели, стали нерентабельными. Что глупо отказываться от возможностей, открытых исследователями тайных пружин, управляющих поведением человека. Что законы психологии так же надёжны, как закон всемирного тяготения, и у любого индивидуума не больше шансов отойти от собственных стереотипов, чем у какой-нибудь планеты сойти с орбиты.

И вот неделю назад лёд тронулся.

— Складно излагаешь! — шумно вздохнул босс и откинулся на спинку кресла. — Мне, правда, мой вариант по-прежнему кажется более надёжным, но, должен признать, доводы у тебя убедительные. Что же, дерзай, товарищ Бендер! Только учти: сорвёшь мне операцию, я тебя самого отправлю сортиры чистить. Ну, а если дело выгорит, создам под тебя отдел, и внедряй на здоровье свои гениальные задумки.

Мыльник ликовал. Он всё-таки продал фишку и получил свой шанс! Мысль о том, что шанс может оказаться первым и последним, его не пугала. Он всё продумал, всё рассчитал, собрал всю необходимую информацию. Невероятно, чтобы такой великолепный, такой тщательно разработанный план дал сбой.

Так почему же эта глупая курица третий день не обращается в милицию? Мозги от мытья сортиров окончательно засорились? Ну, ничего, он придумает, как их прочистить. Если она завтра опять потащится по своему неизменному маршруту «дом — работа — дом», не завернув к участковому, он устроит ей такой ужасик — с визгом поскачет в отделение!

А Валентина, как ни странно, тем временем крепко спала. Очнувшись после столкновения с «негром», она, на какое-то время, словно рассудком повредила — металась по квартире перепуганным зверьком, не понимая, что делает, где находится, о чём думает...

Сон навалился внезапно, как наваливается темнота, глубокий, без сновидений. И хотя длился он не так уж долго, всего-то часа три, проснулась Валентина другим человеком — отдохнувшим, собранным, решительным. Она по-прежнему не понимала, кто и почему её преследует, но ужас и чувство беспомощности

растаяли, уступив место тому особому состоянию духа, которое приходит вместе с особенной ясностью сознания.

Чего бы ни добивался её таинственный враг, смерть Валентины в его планы не входила. По крайней мере, пока. А раз речь не идёт о спасении жизни, почему бы не принять игру, навязанную неведомым противником? В том, что он именно играет с ней, словно кошка с мышью, сомнений не осталось. Валентина всегда возвращалась с работы примерно в одно время, и злоумышленник наверняка об этом знает. В первый раз ещё можно было допустить, что она застигла его врасплох, но теперь совершенно очевидно: он её ждал. Ждал нарочно, чтобы напугать. И все прошлые его визиты преследовали ту же цель.

Гадать, зачем ему это нужно, не имеет смысла — у Валентины просто не хватает информации. Может быть, это месть. Может быть, какой-нибудь кузен со стороны отца хочет свести её с ума, чтобы добиться опеки и получить, таким образом, право на Валину жилплощадь. Может, так развлекается «запавший» на неё псих... Хотя на психа не похоже: чувствуется за его действиями некий трезвый расчёт.

А там, где есть расчёт, есть и логика. И эту логику можно понять, даже не обладая всей информацией. Если с Валентиной ведут игру, значит, от неё ждут каких-то ответных действий. Нужно сообразить, каких именно, и поддаться, пойти по предложенной дорожке. Но не до конца, а до того поворота, откуда просматривается конечная цель противника. А там... Там будет видно.

Как должна вести себя девушка, которую сильно напугали? Звать на помощь. Кого? Да кого придётся — родных, соседей, случайных прохожих. Нет, тут что-то не так... При таком множестве вариантов противник не может рассчитывать, что она обратится за помощью к тому, к кому нужно. Например, к соседям справа, а не слева и не напротив. Или ему это всё равно? Но тогда... Милиция! Ну, конечно же! Кому бы она ни пожаловалась, ей непременно посоветуют вызвать милицию.

Самой Валентине эта мысль даже в голову не пришла: милиционеров она боялась ещё больше, чем врачей, учителей, контролёров и работников ДЭЗа. Да и потом, чем ей поможет милиция? Охранять Валю не станут, а расследовать тут как будто нечего. Ей не причинили никакого видимого ущерба: не избили, не изнасиловали, ничего не украли, не испортили.

Кто-то залез в квартиру? А где доказательства? На неё напали, схватили за горло? А где следы? Словом, нет Валентине смысла обращаться в милицию.

Но это она так думает, а она — девушка с особенностями. Нормальные же люди на её месте вызвали бы милицию, не рассуждая. При пожаре звоните 01, при незаконном проникновении в квартиру — 02. И злоумышленник наверняка ждёт от Валентины этого шага. А значит, именно так ей и надлежит поступить, если она хочет понять, в каком направлении её гонят.

С утра в трактире мало посетителей, и начальство, наверное, не станет возражать, если она на час-полтора уйдёт с работы...

Участковый — рыхлый дядька предпенсионного возраста, с явной одышкой — слушал её рассказ, не скрывая скепсиса. Казалось бы, Валентина, которой пришлось собрать всю силу духа, чтобы прийти сюда и изложить свою историю, должна была окончательно сникнуть, но она неожиданно для себя разозлилась. Оторвала взгляд от мысков своих ботинок и дерзко посмотрела толстяку прямо в глаза.

— Вы мне не верите?

— Как бы это мягче выразиться, мнэ... Валентина Васильевна. Скажем так, ваш рассказ вызывает у меня некоторые сомнения. Знали бы вы, как часто гражданочки с... мнэ... неустроенной личной жизнью обращаются в милицию с жалобами на неизвестных мужчин, которые их преследуют. Вы сами говорите, что свидетелей у вас нет, а следов ваш таинственный «негр» не оставил. Но дело даже не в этом... Я готов допустить, что вам ничего не пригрезилось, и вы рассказали чистую правду. А мне что прикажете делать? Врагов у вас, по вашим же собственным словам, нет, брошенных или женатых поклонников — тоже, работаете вы уборщицей, дорогу перейти никому не могли... Конечно, у вас есть право написать заявление, и я обязан буду его принять, но какой в этом прок, если вы не дали мне ни единой зацепки?

— Что же мне делать?

— Ну... Я бы посоветовал обратиться к частным детективам, но вы же скажете, что вам это не по средствам?

Валентина кивнула. Участковый развёл руками. Но, когда она встала, собираясь уйти, он её остановил.

— Погодите! Как, говорите, называется ваш трактир? «Сено-солома»? Это у метро?

Валя удивилась, но снова кивнула.

— Знаете, я сегодня встречаюсь с приятелем, бывшим сослуживцем, — сообщил участковый, усилив её недоумение. — Он нынче вспахивает ниву частного сыска, может, и посоветует что-нибудь дельное. У вас кормят-то прилично? Ну, так я приглашу его посидеть в вашем заведении. Вы вечером работаете? Вот и ладненько! Стало быть, до вечера.

Валентина снова выглянула в зал, и на этот раз увидела толстяка-участкового. Он сидел за столиком у окна в обществе атлета с широченными плечами и выдающейся — во всех смыслах — челюстью. Валя проворно домыла пол, разбрызгала освежитель воздуха и побежала в свой закуток переодеться.

Толстяк увлечённо поглощал оливье, обмениваясь, время от времени, короткими репликами со своим визави, и Валентину заметил не сразу. Минут пятнадцать ей пришлось подпирать стену, гадая, вспомнит ли он о ней вообще. Но вот страж порядка отвалился от тарелки, хлебнул пива, огляделся по сторонам и, увидев девушку, жестом подозвал её к столу.

— Знакомься, Шурик, это и есть наша потерпевшая... Присаживайтесь, Валентина... мнэ... Васильевна. Я рассказал Александру... мнэ... Вадимычу вашу историю, и он заинтересовался. Ну, вы тут покалякайте промеж собой, а я побежал. Вот ведь работа, ни днём, ни ночью покоя нет, возьми её нелёгкая! Бывай, Шурик. Удачи вам, Валентина Васильевна! — Он опрокинул в себя остатки пива и удалился.

Обладатель выдающейся челюсти, продемонстрировав Валентине американскую улыбку, попросил ещё раз изложить обстоятельства дела, которое привело её в милицию.

— Видите ли, Валя... Можно, я буду называть вас Вале́й? — сказал он, когда она закончила. — Я мог бы нажать на разные пружины и добиться для вас максимальной скидки на услуги нашего агентства. Но это всё равно обойдётся вам в пятьсот баксов в сутки. Дешевле не получится — начальство меня просто не поймёт. А если я выложу деньги из собственного кармана, меня не поймёт семья. Неужели у вас нет никого, кто одолжил бы вам пару тысяч? При известном везении, этого вполне хватит...

Валентина, потупившись, покачала головой.

— Может, возьмёте кредит в банке? — не отступал атлет.

— Я и так должна банку полмиллиона рублей. Больше не потяну. Работаю в две смены, чтобы проценты выплачивать.

— М-да... Тогда, может быть, у вас остались от бабушек какие-нибудь старинные безделушки? Часы, вазочки, подсвечники?

— Нет. Все мои предки — крестьяне, и не из богатых.

— Неужели совсем ничего ценного нет?

— Есть квартира. Правда, не приватизированная, но её, наверное, можно поменять с доплатой на какую-нибудь Щербинку.

На этот раз головой покачал атлет.

— Обмен — удовольствие долгое, а помощь вам нужна немедленно. К сожалению, в нашем агентстве железное правило: без аванса мы не работаем.

— Ещё есть земля и дом в Подмосковье, но на них трудно найти покупателей. Там плохая экология, и добираться очень неудобно. И даже если повезёт с покупателем, на оформление сделки уйдёт не один день....

— А знаете, Валя, земля и дом — это неплохо, — задумался атлет. — Я, пожалуй, готов вас выручить. Скажу семейству, что решил по случаю вложиться в недвижимость. В общем, давайте договоримся так: завтра часиков в одиннадцать вы подъедете в нашу контору на Каширке... Сможете отпроситься с работы?

— Наверное.

— Вот и славно! Захватите с собой документы на участок. У нас есть свой нотариус, он в два счёта оформит доверенность. Я внесу аванс, и наше агентство — к вашим услугам. А сегодня я готов заехать за вами, когда закончится ваша смена, отвезти домой и проверить квартиру на предмет следов пребывания посторонних. В качестве подарка от фирмы.

Александр вышел на крыльцо трактира и покачал головой. Жалко девчонку. И откуда только берутся такие бесхитростные дуручки? Он готовился к схватке, думал, придётся разыгрывать целое представление — обволакивать, притуплять бдительность, заманивать. А она ведёт себя доверчиво, точно кутёнок, и не оставилась ни разу, не принялась подозрительно. Даже неловко как-то: всё равно, что младенца облапошил.

С другой стороны, этот мир никогда не был добрым к доверчивым дурам, и не он, Александр, придумал его законы. Глупость и доверчивость в наше время — непозволительная роскошь, а за роскошь принято платить по самым высоким тарифам.

Он сунул руку в карман, нащупал брелок с ключами от машины и подошёл к приветливо пикинувшему «фольксвагену». Нужно позвонить Мыльнику, доложить, что его расчёты оправдались. Жаль, между прочим. Высокомерный засранец и прежде-то норовил задрать нос выше некуда, а теперь, когда он, того и гляди, пролезет в высокое начальство, на него вообще управы не найдёшь.

«Выходит, весь этот кошмар мне устроили из-за злосчастного тётиньюриного наследства?! Каких же деньжищ должна стоить тамошняя земля, чтобы ради неё затевать такую подлую и сложную игру? И какими извращениями нужно быть, чтобы её затевать, даже не попробовав самый простой и прямой путь — спросить у меня, за какую сумму я готова уступить свою латифундию? Да они наверняка только на подкуп участкового потратили больше!»

Открытие никак не укладывалось у Валентины в голове. Настолько не укладывалось, что она готова была поверить в ошибочность своих выводов. А вдруг и толстяк-участковый, и его приятель-атлет не имеют отношения к художествам преследующего её «негра»? Вдруг они действительно хотят ей помочь?

В конце концов, Валентина убедила себя, что должна действовать, исходя из предположения виновности обоих. Развитие событий покажет, права она или нет, но даже если не права, ничего страшного. Она никому не причинит вреда и не ухудшит собственное положение. Правда, и не улучшит, но это можно будет поправить потом, когда станет ясно, что она ошиблась. Зато, если она права, весь этот ужас скоро закончится, и мерзавцы получат по заслугам!

«Куда тебе, дуре несчастной, тягаться со злодеями! — запричитал внутренний голос, поразительно похожий на материнский. — У них сила, деньги, влияние, башковитые адвокаты, а у тебя что? Раздавят, как букашку, и глазом не моргнут. Отдай ты им эту проклятую землю, пускай подавятся! Пропадёшь ведь, бестолочь!»

«Цыц! — мысленно прикрикнула Валентина на призрак матери, ожесточённо возя шваброй по кафелю. — Я не бестолочь! И землю не отдам. Может, тебе и хотелось бы, чтобы я в подтверждение твоей правоты всю жизнь мыла туалеты, но у меня другие планы. Этот участок должен стоить тысяч пятьдесят, не меньше, иначе они не стали бы затевать свой триллер. Продам, расплачусь с банком и пойду учиться. Говорят, начинать новую жизнь никогда не поздно. А двадцать семь — вообще не возраст».

Как именно нужно действовать, Валентина сообразила довольно быстро. Закавыка была в другом. Ей требовался союзник — человек, который выслушает её, не перебивая, не критикуя и не предлагая своего плана спасения. Выслушает и согласится помочь. А где такого союзника найдёшь?

Валентина перебрала в уме всех знакомых — бывших одноклассников, учителей, соседей, сотрудников, приятельниц матери. И остановилась на Ларисе — менеджере кафе, где работала, пока жила на «Электрозаводской». Лариса была улыбчивой, спокойной, доброжелательной и, ко всему прочему, отличалась ненавязчивостью. Ещё когда Валентина пришла устраиваться на работу, эта милая женщина осторожно поинтересовалась:

— Вы уверены, что хотите работать именно уборщицей? Мы были бы рады видеть такую молодую симпатичную девушку среди наших официантов.

Валя молча помотала головой, со страхом ожидая, что её начнут уговаривать, расспрашивать, поучать. Но Лариса только посмотрела на неё сочувственно-понимающе и сказала:

— Дайте мне знать, если передумаете.

И больше к этому вопросу не возвращалась. Зато она всегда приветливо здоровалась с Валентиной, составила ей удобный график работы, когда мать заболела, помогла оформить справку для банка и устроиться на работу на новом месте, порекомендовав девушку своему приятелю из администрации трактира.

Валя понимала, что степень её знакомства с Ларисой не настолько велика, чтобы обременять бывшую начальницу своими новыми проблемами, но больше ей не к кому было обратиться. Остальные знакомые совершенно не годились в помощники в таком деликатном деле.

Собравшись с духом, она взяла из специального шкафчика-сейфа ключи от бухгалтерии (бухгалтер давно ушла домой) и отправилась звонить.

— Шеф, у нас проблемы. Час назад девица позвонила и сказала, что не приедет. Она не смогла найти документы на участок.

— Что?! — Мыльник, мысленно подбиравший мебель для своего нового кабинета, не сразу сообразил, о чём толкует этот идиот Шурик, и не на шутку перепугался. Потеря документов — это катастрофа. Одним из самых веских аргументов в споре Мыльника с боссом были сроки. Мыльник гарантировал, что уложится в неделю, в крайнем случае, в десять дней. У босса, с его старыми добрыми методами, на всё про всё ушёл бы месяц. А за месяц информация о строительстве федерального шоссе, переносе свалки и устройстве на её месте парковой зоны могла дойти до конкурентов, а то и просочиться в прессу. Другими словами, оперативность решала всё, потому Мыльник и получил начальское «добро». Но если дура-поломойка потеряла документы, то на их восстановление уйдёт... — Постой, как это не смогла найти? Ты же говорил, что видел их у неё в комод!

— Видел. А теперь не вижу.

— Ты что, у неё? А она где?

— На работе.

— Ты уверен?

— Да. Я на всякий случай оставил человека за ней наблюдать.

— На какой такой случай?! Ты же вчера уверял, будто она купилась с потрохами!

— Ну, уверял. Я и сейчас так думаю. Только ведь у баб мозги по-дурацки устроены, никогда наперёд не знаешь, какой фортель они в следующую минуту выкинут.

Мыльник заскрежетал зубами от злости, но терять время на пререкания не стал. Нужно было срочно решать, как исправить дело, которое наверняка испортил этот недоумок.

— Ты всё осмотрел?

— Разумеется! В квартире этих бумажек нет, можете не сомневаться.

Так. Если позавчера документы были на месте, а после разговора с Шуриком исчезли, значит, девчонка ему не поверила.

Нет, ну, каким же надо быть кретином, чтобы не суметь провести сортирную поломойку! Ладно, с Шуриком разберёмся потом, сейчас необходимо приструнить её. Она решила с ним в игрушки поиграть? Ну, так он устроит ей игрушки!

— Ты помнишь план, который мы обсуждали вчера утром?
— Это после того, как она не вызвала ментов? Помню.
— Очень хорошо. Подключи ещё пару ребят, проинструктируй их, и вечером приступайте. Только не перестарайтесь! Девчонка нужна мне живой и дееспособной.

Валентина сбежала со ступенек трактира и повернула налево. Первый отрезок пути к дому её почти не пугал: на шоссе даже ночью оживлённое движение, да и метро пока работало, исправно исторгая из чрева города группки припозднившихся пассажиров. Настоящий страх поджидал двумя кварталами дальше — на узкой, скудно освещённой улочке, ведущей мимо пустой школы и детского сада к веренице домов-башен, отделённых друг от друга чёрными джунглями кустов и гаражей. После башен нужно было свернуть в аллею, высаженную вдоль длинного пруда, но в аллее стояли скамьи, на которых допоздна тусовалась молодёжь, там идти было не так страшно. Потом начинались непредсказуемые дворы домов, заселённых в основном гегемонами. В этих дворах можно столкнуться с чем угодно: с полным безлюдием, с одинокими подвыпившими приставалями, с шумной гулянкой или пьяной дракой.

Но ни до дворов, ни до аллеи Валентина не добралась. Когда она проходила мимо школы, из кустов у забора, оставшихся за её спиной, выскочили две тёмные фигуры. В следующую секунду рот девушки зажала рука в чёрной перчатке. Мужской голос тихо предложил ей двигаться к стоящей впереди машине, болезненный тычок в позвоночник убедительно подтвердил приглашение. Но Валя, вместо того, чтобы подчиниться, неожиданно обмякла в руках похитителя. Мужик энергично выругался, но вынужден был подхватить оседающее тело.

— Чего стоишь столбом? Помогай! — рыкнул он сообщнику.

Вдвоём похитители ловко дотащили Валю до тёмно-синего «опеля» с тонированными стёклами и втолкнули в салон, на заднее сиденье. Первый открыл переднюю дверцу, второй ещё двигал девушку, освобождая место для себя, когда обоих

неожиданно ослепил свет неведь откуда взявшегося прожектора и оглушил вопль:

— Стоять!!! Милиция! Руки на крышу машины!

Скажи кто-нибудь Мыльнику сутки назад, что он когда-нибудь так обрадуется встрече с боссом, он не поверил бы. Но сутки назад Мыльник был ещё свободным гражданином, не знакомым с гуманными методами задержания российских преступников и прелестями милицейских «обезьянников», сутки назад над ним ещё не висело обвинение в организации похищения. Теперь же, обогатённый новым жизненным опытом, великий комбинатор испытывал безмерную и невыразимую благодарность к человеку, потрудившемуся вытащить его из кутузки, несмотря на все неприятности, которые означенный комбинатор ему доставил.

— Валерий Игнатьевич, я перед вами в неоплатном долгу! Вы не представляете...

— Не трудись, очень даже представляю. Только не воображай, что я старался из сострадания к тебе. Я спасаю репутацию фирмы, которую ты, чёртов умник, втоптал в грязь. Да, кстати, ты уволен. А что касается твоего долга, то ты вернёшь мне всё до копейки, не сомневайся. Знаешь, куда мы едем? Правильно, в твой банк. Я позвонил туда сегодня утром от твоего имени и сказал, что закрываю счёт. Они обещали привезти деньги к трём часам.

Мыльник покосился на дюжего молодца справа, потом на дюжего молодца слева и усилием воли подавил в себе импульс немедленно бежать. Вместо этого он опять обратился к боссу, вольготно развалившемуся на переднем пассажирском сиденье:

— Но у меня на счету триста тысяч баксов! Только не говорите, что вам пришлось дать такую взятку, чтобы менты меня выпустили!

— Нет, конечно. На взятку ушло десять тысяч. Девяносто я возьму в качестве компенсации за моральный ущерб. А остальные двести ты передашь Валентине Ковалёвой. Сотню — чтобы она забрала из милиции заявление, и сотню — чтобы согласилась продать свою землю фирме за ту сумму, которую я выделил на покупку с самого начала, до того, как ты, поганец, соблазнил меня своей гениальной комбинацией. Я договорился, что мы подъедем к ней...

— Но ведь вы одобрили мой план! — взвыл Мыльник, перебив бывшего босса.

— Ничего подобного! — бросил тот через плечо. — Ты просто убедил себя, что я его одобряю. А я с самого начала говорил тебе, что люди — не пешки. Если уж тебе приспичило считать жизнь шахматным турниром, рассматривай их хотя бы, как противников за шахматной доской. И помни, что противника нельзя недооценивать. Противник, в отличие от пешек, не станет ходить так, как тебе нужно, просто потому, что тебе этого хочется.

— Ладно, ладно, пускай я во всём не прав! Но имею я право — за триста-то тысяч! — хотя бы узнать, в чём ошибся? Допускаю, что дело в негодных исполнителях, что Шурик скверно сыграл свою роль и насторожил девицу, но замысел-то был...

— ...Нежизнеспособным по сути, — закончил за Мыльника Валерий Игнатьевич. — Ты с самого начала решил, что, если девушка окончила школу с «тройками», не обзавелась друзьями, любовниками, семьёй и довольствуется мытьём сортиров, то её умственные способности не превышают нижней границы нормы, и манипулировать ею будет проще, чем телевизором с пульта дистанционного управления. И два семестра психологических курсов, дипломом которых ты так кичишься, не надумили тебя, что человек, стоящий у подножия социальной лестницы, не обязан быть дураком. Что существуют люди, которые просто не приспособлены к конкуренции, робкие, замкнутые, неуверенные в себе. Но при этом УМНЫЕ! И напрасно ты, нейролингвист-программист хренов, грешишь на Шурика. Ковалёва встретила с ним, уже зная, что он и участковый действуют заодно с её преследователем. Встретила не для того, чтобы искать спасения, а для того, чтобы понять, за чем охотится противник, и выработать стратегию защиты. Она сделала тебя, Мыльник, понимаешь?! Сделала, как распоследнего недоумка, несмотря на всё твоё самомнение и все твои дипломы. Она учла даже, что за ней могут следить, и проскользнула к телефону через подсобку, когда её никто не мог видеть.

— Но ей некому было звонить! — закричал Мыльник. — Я точно выяснил, что у неё нет связей, которые могли бы поставить операцию под угрозу. Как ей удалось натравить на нас СОБР?

— Самым простым на свете способом, умник, — за деньги. Ковалёва позвонила своей бывшей начальнице, которая, в отли-

чие от тебя, не считала её слабоумной. Рассказала свою историю, поделилась выводами, объяснила, что собирается спровоцировать злодеев на нападение, и попросила обратиться в детективное агентство с хорошей репутацией. Девушка предупредила, что, если её догадка неверна, и участок не вырос в цене, то отдать деньги она сможет не скоро. Но начальницу — вот чудачка-то, а? — в первую очередь беспокоила безопасность Ковалёвой, и она, ничтоже сумняшеся, заплатила детективам. Частным сыском у нас, как тебе известно, занимаются, в основном, бывшие менты с хорошими связями. Они мигом вычислили обе твои засады и подключили ОМОН. Согласись, Мыльник, красивая получилась партия. Пускай блиц, зато какой драматичный! Скромная уборщица ставит гроссмейстеру мат в три хода. Чем не газетный заголовок? ☞

Муза АРИСТИДА МАЙОЛЯ

Ирина Опимах

Дина Верни и Аристид Майоль

Удивительная, непостижимая, загадочная, страстная, чувственная, неудержимая, грациозная и талантливая... Вот она — бронзовая Дина встречает нас в парижском парке Тюильри; такая же пленительная и такая же прекрасная, как тогда, когда её ваял великий Аристид Майоль.

Дина Верни — настоящая легенда в истории искусства XX века. Подарив вдохновение стареющему Майолу, она стала его Музой, а позже помогла стольким замечательным художникам не умереть с голоду и состояться, реализовав свои творческие способности! Прощаясь с гостями, она говорила: «Вы должны в этой жизни быть счастливы. Не отчаивайтесь и всегда смотрите в будущее». Именно так она и прожила свою жизнь — несмотря ни на что, никогда не впадая в уныние и свято веря в завтрашний день...

Дина Айбиндер (ее девичья фамилия) родилась 20 января 1919 года в Кишинёве, в семье скрипача и пианиста Якова Айбиндера. Вся Динина семья отличалась музыкальностью — мама её была учительницей музыки,

а тётя — оперной певицей. Вскоре после рождения Дины семейство переехало в Одессу — видно, думали, что там будет легче пережить разруху и безумие Гражданской войны. Однако всё оказалось не так, как хотелось. В Одессе тоже было несладко, а потом Якова и вообще арестовали — то ли за связь с меньшевиками, то ли просто чекисты ошиблись. Позже он с гордостью рассказывал, что его освободили по личному указанию Ленина. Так или иначе, но, видно, эта тюремная история его сильно напугала, потому что, оказавшись на свободе, он тут же решил уехать за пределы большевистской России. Дине тогда было шесть лет.

Айбиндеры эмигрировали обычным для того бурного времени путем — через Польшу и Германию они прибыли в Париж. Выучив язык, Яков принялся искать работу, вскоре он уже зарабатывал более-менее приличные деньги, играя тапером в кинотеатре. Постепенно у него появились знакомые — всё больше художники, музыканты, начинающие литераторы. Они с большим удовольствием собирались в небольшой, но уютной квартирке Айбиндеров на рю Монд в Латинском квартале.

Между тем Дина росла и постепенно превратилась в очаровательную, живую темноволосую девушку, которую друзья за присущий ей шик прозвали Парижанкой. Удивительное дело: вращаясь в артистической среде, она интересовалась точными науками — физикой и химией, мечтала поступить в Сорбонну.

Однажды друг ее отца архитектор Жан-Клод Донжель, взглянув на Дину, вдруг подумал: «Да эта девочка — копия майолиевских дев!». Он был хорошо знаком с известным скульптором Майолем и при случае не преминул рассказать ему про Дину. Мсье Аристид, признанный классик французского искусства, тогда переживал настоящий творческий кризис. Может, эта неизвестная девочка, так похожая на созданные им образы, вдохнет в него новые силы, подарит новые темы?.. (Гораздо позже, гуляя как-то с Диной и ее отцом, Майоль сказал Якову: «Вы создали эту девушку, но именно я её придумал!»)

Он тут же послал Дине письмо, в котором вежливо приглашал её посетить его мастерскую. «Мадемуазель, мне сказали, что вы похожи на женщин Майоля и Ренуара. Мне бы хватило одного Ренуара».

Спустя многие годы Дина рассказывала, что родители ничего не знали о том, что она приглашена знаменитым художником в его

мастерскую. Так это было или нет, уже давно не важно. Главное, что встреча Дины и Майоля состоялась. В один прекрасный день пятнадцатилетняя Дина появилась в доме в парижском пригороде Марли-ле-Руа, где жил художник. Там, как обычно, уже собрались гости. «Кто тут Майоль?» — спросила она. «Самый пожилой из всех», — ответили ей. Увидев седовласого господина с длинной бородой, она обратилась к нему: «Я та девушка, с которой вы хотели познакомиться». Однако пожилой бородатый господин оказался Кесом ван Донгеном. Наконец Дину заметил Майоль, подошёл к ней, вежливо представился, показал ей дом, свои работы и спросил, когда у неё будет свободное время. «Никогда!» — гордо ответила юная кокетка.

И действительно, поначалу это занятие — позировать — её нисколько не привлекало. Дине, такой живой, неутомимой, было трудно представить, как можно несколько часов не двигаться, оставаясь в одной позе. Но мсье Аристид оказался весьма щедрым — он обещал платить 10 франков в час, и эти франки были совсем не лишними для неизбалованной Дины. Постепенно у них сложился некий порядок — она приходила в его дом почти каждый день и позировала три часа. На каникулы Дина уезжала вместе с Майолями в родной городок художника Баньюль-сюр-Мер. На первых рисунках и скульптурах ее головка наклонена, а взгляд сосредоточен и серьёзен — дело в том, что художник часто изображал Дину, делающую домашние задания. Майоль даже сколотил для нее специальную подставку, на которую она ставила учебники.

Супруга художника мадам Клотильда, как правило, с трудом терпевшая в своём доме присутствие моделей мужа, Дину полюбила — уж очень эта девочка походила на образы, созданные фантазией её Аристида. Она относилась к Дине как к дочери — заботилась, чтобы та была сыта и здорова.

А старый мастер всё больше привязывался к ней. Она становилась не только его любимой натурщицей, но и настоящей музой, осветившей последнее десятилетие его жизни. К его удивлению, Дина оказалась не только замечательной натурщицей, но и прекрасной собеседницей — остроумной, образованной, прекрасно ориентирующейся в искусстве, в новейших научных теориях, и вообще в современной жизни. Ему с ней было невероятно интересно. Да и кто когда-нибудь скучал рядом с Диной!

Поначалу Майоль, создавая свои ню, не требовал, чтобы Дина раздевалась перед ним, видимо, ему было неловко. «Я изображаю не натуру, а свое представление о ней», — говорил он. Дина вспоминала, что Майоль был очень застенчивым человеком. (А может, это он только с ней, столь юной, чистой, так робел?) Однажды Дина сама решила позировать ему обнажённой. Для неё это не было проблемой — в кругу её друзей нагое тело считалось естественным. Так на свет, один за другим, появились шедевры: «Леда», «Ева», «Мысль», «Воздух», «Река»... Он не только лепил её — он писал и картины. Её сбитое молодое тело запечатлено на десятках картин и множестве рисунков. Конечно, всё это не могло не породить слухи об их любовной связи. Когда саму Дину спрашивали, как к ней относился Майоль, она, подумав, отвечала: «Он меня уважал». Уважал — и это, пожалуй, было гораздо существеннее, чем обыкновенная любовная интрижка. Скорее всего, их отношения были чисто платоническими — он любил ее как дочь, как музу, а она преклонялась перед ним как перед выдающимся художником.

Иногда Майоль разрешал Дине позировать его друзьям — так, «последний из импрессионистов» Пьер Боннар запечатлел её на огромном полотне «Обнажённая в тени», а фовист Рауль Дюфи — на целой серии акварелей. Дина стала своей среди парижских художников, познакомилась с Матиссом, Пикассо, Андре Жидом, подружилась с идеологом сюрреалистов Андре Бретоном и поэтом Жаком Превером.

Общение с Майодем не поглощало всё её время. Дина все-таки поступила в Сорбонну, на химический факультет, но и это ещё было не всё. Она, со свойственным ей темпераментом, попа-

Аристид Майоль

Аристид Майоль.
«Две купальщицы
под солнцем»,
1941 г.

дала в самые разные авантюры, пела цыганские песни в русском ресторане, снималась в сюрреалистических фильмах (некоторое время серьёзно увлекалась актёрским делом) и даже принимала участие в Испанской войне (правда, тут ещё и сегодня остаётся множество неясностей). А ещё вышла тогда первый раз замуж — ее супругом стал Саша Верни, тоже выходец из России, но уже гражданин Франции. Этот брак оказался недолгим, но благодаря ему Дине, ставшей мадам Верни и полноправной гражданкой Франции, уже не грозил голод — с началом войны во Франции ввели продуктовые карточки, которые давали только гражданам страны.

В 1939 году Европу захлестнула Вторая мировая война. Майоль с семьёй и Диной успел уехать из Парижа в свой родной Баньюль. Там, вблизи от испанской границы, казалось, что никакой войны нет — жизнь в маленьком городке на берегу Средиземного моря текла тихо, неторопливо. И только когда сюда попадали изможденные беглецы, все вспоминали, что происходит в мире. Майоль был погружён в творчество — он как раз работал над статуей «Гармония», для которой ему, как обычно, позировала Дина, а вот сама Дина помогала беженцам перебираться в Испанию. Она встречала их, одетая в приметное красное платье, на вокзале, а потом ночью, в темноте, вела к испанской границе «тропой Майоля», которую когда-то показал ей мсье Аристид. Однажды Дина заснула во время позирования — так Майоль узнал, чем она

иногда по ночам занимается. А позже появился её портрет в том самом красном платье...

Вскоре Дину арестовали, обвинив в переправе нелегалов через францужско-испанскую границу. Готовый на все ради своей девочки, Майоль нанял адвоката, и тот сумел убедить суд в Дининой невиновности. Дабы предотвратить возможные эксцессы, Майоль отправил Дину к Матиссу, в Ниццу. В письме другу, намекая на его выдающееся владение рисунком, он писал: «Я посылаю вам главное в своей работе, которое вы сведёте к одной линии». Матисс с удовольствием принял Дину в своем доме, много рисовал её и получал явное удовольствие от её общества — он не ожидал, что эта очаровательная девушка столь образованна и умна. Матисс хотел написать с нее новую «Олимпию», но Дина уехала в Париж — налаживать связь с Сопротивлением.

В это время немцы занервничали — на Восточном фронте им явно не везло. В Париже активизировались участники Сопротивления, и немцы во всём винили евреев. Начались аресты и расстрелы. 5 сентября 1941 года во французской столице с большим шумом открылась антисемитская выставка «Евреи и Франция». Тогда же в Париже были организованы поджоги синагог. В декабре в концлагерь Дранси отправили тысячу евреев, а 26 февраля 1942 года Эйхман отдал приказ начать депортацию всех французских евреев. 27 марта был отправлен первый транспорт в Освенцим.

Не удивительно, что Дина очень скоро попала в застенки гестапо. И тут её спас от верной гибели Аристид Майоль.

В 1942 году в Париже открылась большая выставка любимого художника Гитлера Арно Брекера. Брекер работал в 1920-х годах в Париже и тогда подружился со многими французскими художниками и скульпторами. И теперь, на вершине своей славы и влияния, он с удовольствием пригласил на открытие давних друзей — Ван Донгена, Кокто, Вламинка, Дерена и Майоля. Старые друзья приняли приглашение. Был на этой выставке и Майоль, громко заявивший, что восхищён искусством Брекера. Возможно, он это сделал ради Дины, надеясь, что Брекер поможет, а может, и не совсем понимая, что означает принять приглашение от любимого скульптора Гитлера.

Вот как писал обо всей этой истории сам Брекер в своих воспоминаниях, опубликованных в США: «В начале 1941 года я отправил свои произведения в Париж... Думаю, я был единственным

немецким художником, удостоившимся такой публичной выставки. Гитлер вручил мне Золотой знак партии. Всё его окружение видело, какую роль я играю в его жизни. А затем он был поражён успехом моей выставки и очень горд. Для него это служило подтверждением того, что он приблизил к себе лучшего художника. Гиммлер подметил это. Я сказал, что, если какой-то художник окажется в трудном положении, я вмешаюсь. Так я получил возможность обращаться к генералу Генриху Мюллеру, шефу гестапо. Таким способом я добился освобождения Дины Верни. Ей было шестнадцать или семнадцать, русская еврейка и любовница Майоля. У меня были очень хорошие отношения с ними».

Неудивительно, что многие французы восприняли присутствие французских художников на выставке гитлеровского любимца как яркий акт коллаборационизма. Но Майоль был счастлив — благодаря заступничеству Брекера его Дина снова была на свободе, снова с ним!

После освобождения она прожила в его доме более двух лет, до сентября 1944 года. Эти два года были страшными для страны — немцы оккупировали всю территорию Франции, и каждому еврею грозил концлагерь. Дине удалось избежать этого кошмара, а вот ее отцу — нет. 12 декабря 1943 года Яков Айбиндер погиб в печах Освенцима.

21 сентября Майоль отправился к своему другу Дюфи. По дороге он попал в автомобильную катастрофу, после которой уже не оправился. Великий художник и скульптор Аристид Майоль умер 27 сентября 1944 года. Говорили, что катастрофа была подстроена участниками Сопротивления, покаравшими художника за коллаборационизм. Основания так думать есть — в то время во Франции поднялась целая волна борьбы с коллаборационистами. Некоторых сажали (например, Шанель и Жоржа Сименона), другим открыто угрожали смертью, и они были вынуждены покинуть родину. Тогда же была разграблена парижская студия Майоля. Сегодня никто не может точно сказать, что же произошло на самом деле, а Дина всегда говорила, что это был несчастный случай...

По завещанию Майоля, имение в Баньюле отходило к вдове и сыну художника, а картины и скульптуры — Дине. Когда же скончался Люсьен Майоль, сын скульптора, Дине достались и его работы (он тоже был художником), а также дом в Баньюле.

Аристид Майоль. «Река», 1938 г.

После окончания войны Дина задумалась — что же теперь делать? И тут ей пришёл на помощь давний друг Матисс. Почему бы Дине не открыть галерею и не заняться искусством? Дина сняла помещение на рю Жакоб в Латинском квартале и начала устраивать выставки — она показывала публике не только шедевры обожаемого ею Майоля, но и работы других художников: Анри Руссо, Марселя Дюшана, а также молодых и часто никому не известных, в которых чувствовала талант и творческую энергию. А с чутьём на прекрасное у неё всё было в порядке. Она была уверена, что обязательно найдёт новых гениев! Ей было всего 27 лет, впереди — вся жизнь!

Как-то в кафе, куда она любила навещаться еще с юных лет, Дина встретила некоего Сержа Полякова, русского эмигранта, когда-то певшего в константинопольских ресторанах, а теперь подвизавшегося в парижских заведениях. Он поначалу только сопровождал её, когда она пела цыганские романсы, а потом потерял голову — да и как можно было в неё не влюбиться! Они уже довольно долго жили вместе, когда он вдруг осознал, что давно занимается живописью и мечтает стать настоящим художником. Увидев его работы, она тут же решила выставить их в своей галерее. Финансовым успехом эта затея не увенчалась — тогда ещё мало

кто интересовался абстракциями. Всё это было в далеком будущем...

Дина выставляла художников, работавших в разных стилях, главный критерий — они должны ей нравиться. И, как правило, это были действительно талантливые люди, ведь вкус мадам Верни воспитывали Майоль и Матисс. «Я покупаю то, что не модно, и со временем оно становится модным», — говорила она.

А ещё Дина неожиданно увлеклась куклами — скупала за гроши старые, потрепанные игрушки, не брезгуя, вытаскивала их из мусорных ящиков и вскоре собрала поразительную коллекцию. А потом принялась скупать старые кареты, и в ее коллекции

оказались карета Шатобриана и омнибус Тулуз-Лотрека!

После войны Дина снова вышла замуж — за дипломата Лоркена, однако этот господин не смог долго выдержать неужённую супругу. Несмотря на рождение двух сыновей, они расстались. Но мальчики, Бертран и Оливье, остались с ней. Повзрослев, они с энтузиазмом принялись помогать матери во всех её предприятиях. Позже Дина ещё раз попробовала стать женой — на сей раз барона Дюпольда, но и этот опыт окончился неудачей. С порывистой, самостоятельной, бесконечно преданной искусству, да к тому же избалованной общением с гениями женщиной было очень трудно... Впрочем, разведясь с бароном, она продолжала жить страстями — слухи о её сексуальных похождениях ходили по Парижу до конца её жизни.

В 1959 году ей пришла в голову довольно неожиданная и вполне сумасшедшая мысль — посетить Россию. И Дина приехала в Москву. Город показался ей серым, сумрачным, а художники — примитивными, невыразительными. Но прошло десять лет, и Дина решила снова приехать в Советский Союз. На этот раз всё выглядело иначе — ярче, интереснее. В стране многое изменилось... Дина побывала в мастерских уже признанных художников, лазила на чердаки, где работали художники неофициальные или опальные, лихо пила с ними водку и пела блатные песни. Тогда же она познакомилась с Ильёй Кабаковым, Эрнстом Неизвестным, Оскаром Рабиным, Михаилом Шемякиным и другими

Аристид Майоль.
Памятник Клоду
Дебюсси. 1930 г.

художниками-нонконформистами и смогла увезти некоторые их работы на Запад. После той поездки она решила посвятить себя продвижению советских художников, чьё искусство власть их страны не признавала. В 1971 году помогла эмигрировать Михаилу Шемякину. Шемякин вспоминал, что она очень им увлеклась и даже предлагала полностью обеспечить ему условия для работы — от него требовалось только полное ей подчинение, и в творческом плане тоже. Конечно же, Шемякин сбежал от неё через три дня.

В 1973 году она устроила в своей галерее первую на Западе выставку русского авангарда, открывшую многим советским художникам путь в большой мир.

Общаясь с диссидентами, Дина наслушалась лагерных песен. «Меня приглашали в разные семьи, и везде хоть кто-то, но сидел», — рассказывала она в одном из своих интервью. Дина страстно полюбила эту весьма специфичную лирику. Однажды она услышала песню, особенно её тронувшую, но никто в России не помнил всех слов. И тогда она поехала в Израиль — ей сказали, что там живёт один профессор, который знает текст песни полностью. «Очарование языка, юмор, тоска и жестокая сила в этих песнях создают неповторимую поэзию, где грубость граничит с нежностью», — писала она. Дина решила познакомить Запад и с этой стороной советской жизни, даже выучила наизусть более двадцати песен — другого пути вывезти их не было. Вернувшись

в Париж, взяла несколько уроков вокала, а затем записала альбом, который так и назвала — «Блатные песни». Три песни с этого диска написал Юз Алешковский, которому Дина тоже помогла в эмиграции и даже упростила спеть его песни самого Ива Монтана. Одна песня была Владимира Высоцкого. Удивительное дело: Дина, прожившая почти всю жизнь во Франции, сумела сохранить русский язык, произношение и интонации. Зеки, слушавшие лагерные песни в её исполнении, рыдали — никому и в голову не приходило, что поёт их богатая француженка, обладательница галерей и поместий. При записи диска Дина переводила слова своим музыкантам, и они, проникнувшись драматизмом песенных историй, как она сама говорила, «становились русскими».

Многое в жизни увлекало Дину: живопись, старые куклы, кареты и даже породистые лошади — она разводила их в своём поместье в Метанвиле недалеко от Парижа. Но на самом деле всё это было не главным — она всегда помнила, что она наследница Майоля, и самое важное дело её жизни — создание его музея. Еще в 1964 году она передала государству 20 статуй Майоля, которые, по ее условиям, были установлены в парке Тюильри. Её вклад в культуру Франции был высоко оценён — в 1991 году она стала кавалером ордена Почетного легиона. Но мысль о музее, настоящем большом музее, её не оставляла. Присмотрев старинное здание на рю Гренель, она выкупила его по частям в течение пятнадцати лет. Ради этого продала свою коллекцию кукол и уникальное собрание автографов (среди них были письма Жорж Санд). И вот, наконец, в 1995 году музей Майоля открыл двери для первых посетителей. Наряду с работами Майоля здесь были выставлены и произведения других великих художников: Пикассо, Руссо, Кандинского, Дега, Энра, Матисса.

Дина Верни умерла в январе 2009 года, чуть-чуть не дотянув до девяностолетия, но выполнив всё, что ей в этой жизни предназначалось. И сделала это поистине с блеском — настоящая Парижанка! Когда-то она написала: «Искусство для меня — религия. Кто понимает искусство, кто однажды проник в его глубины и разгадал его предназначение, тот начинает по-настоящему понимать суть вещей. И тот всегда счастлив».

Дина Верни понимала суть вещей и была счастлива... ☞

Александр Гребенев,

52 года, музыкант театра музыкальной комедии,

г.Барнаул, Алтайский край

* * *

Хочу, хочу сказать тебе слова,
Что, так уж вышло, говорил другим,
Но для меня их ценность не ушла...
С годами – словом больше дорожим...
И ты их в жизни слышала не раз,
И очень может быть, сама другим твердила.
Но, Боже, как мне хочется сейчас,
Чтоб жизнь своё движенье изменила...
И в нас тревогой юношеских чувств –
Цинизма накипь, удалив, вошла...

БРАТЬЯ НАШИ... МЕНЬШИЕ?

Екатерина Пименова

А теперь смотри — прикол! — Мой коллега, врач-кардиолог, заговорщически подносит палец к губам, улыбается и переводит взгляд на кошку Крошку, сидящую на окне кабинета. Сидит она там давно, не меньше часа, задумчиво созерцая голубей, которые делят на асфальтовом пятачке у административного корпуса хлебную корку. Спинай к нам, ни разу за весь разговор не обратив на нас внимания. Но, стоило коллеге посмотреть на неё, Крошка среагировала моментально — к нам повернулась симпатичная полосатая морда с ясными зелёными глазами.

— И после этого кто-то говорит, что кошки не читают мыслей?..

Провожу такой же эксперимент дома. Пью чай на кухне, а на полу, мирно сложив лапки и закрыв глаза, дремлет сибирский кот Тишка. Смотрю на него — и тут же получаю в ответ совершенно инопланетный взгляд и звук «Ммм?» с вопросительной интонацией и движением головы, характерным для человека, который спрашивает «Что?»». А ведь ничего не говорила, не звала, просто посмотрела.

...Вспоминается случай из далёкой юности: будучи студенткой, я подрабатывала продажей мороженого в магазинчике на окраине Москвы. Вечер, рабочий день кончился, отношу непроданный товар в большой промышленный холодильник, стоящий в углу торгового зала. Случайно захлопнулась дверь, ручки изнутри нет, никак не выйти, а температура в морозильной камере минус 18 по Цельсию. Стучать и кричать бесполезно, звукоизоляция на диво хорошая, а в торговом зале ещё шумно, никто не услышит. Пританцовываю в джинсах, майке и босоножках среди заиндевелых коробок и мысленно вспоминаю «Отче наш», периодически оглашая тесное тёмное помещение воплем «По-мо-ги-те!!!». И тут распахивается дверь, и коллеги-продавцы выпускают меня из душегубки. Оказывается, мелкая дворняжка, уличная собачонка, которая постоянно крутилась в магазине, вдруг начала прыгать и лаять на холодильник, скрести лапами дверь, всеми силами пытаясь привлечь внимание окружающих. Почему? Я никогда не кормила, не гладила эту собаку, она вообще не подходила к моему прилавку, предпочитая мясной и колбасный отделы. Но именно в тот момент, когда я уже начала приходить в отчаяние, животное это как-то почувствовало и сделало всё возможное, чтобы меня спасти.

...Аналогичный случай в 2002 году произошёл в Новосибирске: мужчина средних лет, весьма нелюдимый по характеру, часто подкармливал по пути на работу бездомного кота. Продолжалось это около года, кот привык к своему благодетелю, встречал его у подъезда, тёрся о его ноги, позволял гладить — но не более, мужчина никогда не брал его к себе домой, и кот даже теоретически не мог знать, в какой квартире тот живёт. Однако в день, когда добрый человек вдруг не вышел и не принёс еду, кот каким-то образом просочился в подъезд, поднялся по лестнице на десятый этаж, безошибочно нашёл квартиру и стал орать и царапать обивку двери. Выглянула пожилая соседка и, удивлённая странным поведением животного, стала звонить и стучать. Никто не открыл. Старушка забеспокоилась, связалась по телефону с родственниками соседа, те взломали дверь и спасли беднягу, лежащего на полу собственной ванной с обширным инфарктом.

...Москвич Сергей, автомобилист, всегда ставил машину на полупроизвольной стоянке под окнами. В один прекрасный

день, выйдя утром заводить своего железного коня, он увидел крупного пушистого кота, сидящего на капоте. С того дня между ними возникла своего рода дружба: кот встречал Сергея утром и вечером, а тот, в свою очередь, приносил еду и приветливо разговаривал со своим любимцем, гладил его и чесал за ухом. Это длилось полгода, и вдруг, в одно осеннее утро, кот отказался спрыгивать с капота автомобиля, более того, он шипел на Сергея при попытке согнать его, замахивался лапой и даже не пугался шума двигателя. Мужчина опаздывал на работу, нервничал, но никак не мог избавиться от навязчивого животного, которое не реагировало на уговоры и еду и упорно отказывалось уходить. Более пятнадцати минут ушло на то, чтобы всё-таки прогнать кота. Хотя как — прогнать... У Сергея создалось впечатление, что кот просто выжидал нужного момента, чтобы уйти. И ровно через минуту, вырвав на проспект, он с пугающим чувством понял, в чём дело: проезжую часть перегораживали несколько искорёженных машин, стояла с включённой мигалкой «скорая», а на асфальте Сергей увидел пятна крови и чью-то обувь, валяющуюся на обочине...

...В Вологде загорелся жилой дом в частном секторе на окраине города, пламя поднималось до неба, машина местной пожарной службы, подключённая к уличному гидранту, с разных сторон поливала дом из шлангов. У соседского забора стояла заплаканная старушка, рядом с ней — обычная белая домашняя коза. Именно эта коза спасла хозяйке жизнь: когда пьяный сосед в два часа ночи забрался на участок, чтобы поджечь сарай, животное начало кричать и биться в стену, примыкающую к стене дома. Женщина проснулась и успела выскочить на улицу.

.. Животноводческая ферма в Псковской области. Утром, около 7 часов, должна была прибыть машина, чтобы отвезти партию свиней на мясокомбинат. Примерно в 04:30 утра 27 животных (включая 12 детёнышей), в прямом смысле слова, совершили побег через лаз, выкопанный под забором яблоневого сада, где свиньям негласно разрешалось пастись, питаясь падалицей. Немногочисленные очевидцы утверждали, что сбежавшие животные вели себя на редкость организованно, почти осмысленно, и проследовали за вожаком в сторону глухого леса. Никого так и не нашли, несмотря на интенсивные поиски по всему району.

...Жительница Москвы Людмила, которой год назад поставили диагноз «меланома III стадии» (злокачественное перерождение кожи — рак), пришла к онкологу на плановый осмотр и была крайне удивлена заключением: «Опухоль не прогрессирует, имеются признаки регрессии (обратного развития), рубцевание поражённого участка тканей, анализ крови на «онкомаркеры» отрицателен». На протяжении года её сиамский кот Феликс каждый день, примерно в одно и то же время, забирался хозяйке на грудь и тщательно, настойчиво (хотя и довольно болезненно) «зализывал» её воспалённую родинку на плече.

...Швейцарские Альпы. Молодой начинающий кинорежиссёр и его девушка катались на горных лыжах на пустынной, из-за угрозы лавин, трассе. Погода внезапно испортилась, началась сильная метель, молодые люди попали под снежный обвал, и девушка сломала ногу. Поиски пропавших продолжались больше суток при очень плохих погодных условиях, не принося результата. Внезапно одна из поисковых групп заметила странное поведение собаки, сенбернара Альфа: животное лаяло, рвалось с поводка, тянуло врача-спасателя в сторону пустынного склона, куда пропавшие не могли забрести даже теоретически. Однако бедняг, с отморожениями и в бессознательном состоянии, нашли именно там, под полуметровым слоем снега, и спасли им жизнь.

...Во время поездки на кемпинг в Аризоне Даг Симпсон потерял своего верного пса. Две недели Даг искал любимую немецкую овчарку, но потом отчаялся и вернулся домой в Пенсильванию. Через четыре месяца пёс по кличке Дик появился в доме родителей Дага в штате Вашингтон. Он пересёк аризонскую пустыню, Гранд Каньон, Скалистые горы и бесчисленное количество автомобильных дорог. И упал от истощения прямо на том месте, где его любимый хозяин обычно парковал свой автомобиль.

Да что там говорить о простых, никому не известных животных! Даже кот Л. И. Брежнева (подаренный ему тибетским Далай-ламой), в тот день, когда любимый хозяин попал в аварию, выбежал на проезжую часть Кутузовского проспекта, чтобы его спасти, и погиб под колёсами машин. *

* В «Смене» № 8, 2008 г. был напечатан материал Игоря Атаманенко об этом коте: «Провидец Генерального секретаря».

Что же это? Как объяснить?

Принято считать, что животные не обладают разумом. Сторонники данной гипотезы «напирают» на факт отсутствия у братьев наших меньших второй сигнальной системы (речи) и на то, что животные не пользуются орудиями труда. И только. Никаких других аргументов у них нет, поскольку даже сейчас, в 21 веке, не существует сколько-нибудь точного метода определения умственных способностей у живых существ, отличных от человека. Как говорил один мой знакомый, прекрасный врач-психоневролог: «Как я могу сказать, насколько собеседник умён, если я не имею возможности с ним поговорить?». Но его же слова (цитата): «При этом я не могу утверждать, что некое существо разумом не обладает, только потому, что оно не говорит на моём языке. И среди вида *homo sapiens* встречаются особи, не владеющие, по разным причинам, речью, однако же, они всё равно по праву признаются существами разумными, так как имеют человеческий облик».

А ведь он прав — среди человеческой популяции встречаются существа, не умеющие членораздельно говорить и не использующие орудия труда, но существа эти безоговорочно считаются людьми разумными только по одному признаку — человеческой внешности. Даже индивид с диагнозом «олигофрения в степени идиотии», обладающий интеллектом на уровне 25-30 единиц IQ (это примерно 1/4 от нормальных средних показателей), не умеющий говорить, читать, писать, самостоятельно есть, пользоваться туалетом, открывать дверь или включать свет, а то и ходить, всё равно — человек. И это, безусловно, правильно...

Но как быть в случае, если не гуманоидное (то есть, не подобное человеку) живое существо демонстрирует уровень умственного развития, объективно превосходящий описанный случай? Как, например, самец чёрной гориллы по кличке Федя (1972-1988), живший в Сухумском обезьяньем питомнике, который умел общаться с людьми с помощью азбуки глухонемых, открывал и закрывал кран с водой, ел из тарелки, сам (!) надевал на себя в холодную погоду тёплую одежду, складывал детские кубики и даже курил! В научной литературе достоверно описаны так же случаи проявления умственных способностей у лошадей, лемунов, собак, дельфинов, кошек, крыс, тюленей, ворон, свиной и даже некоторых видов насекомых!

С точки зрения закона, причём не только в нашей стране, но и во всех странах мира, животные не обладают правами личности и приравниваются к имуществу. В наиболее развитых государствах существует статья уголовного кодекса, предусматривающая штраф, а то и тюремное заключение за жестокое обращение с животными, но это вовсе не означает, что наши четвероногие друзья хотя бы отчасти приравниваются к человеку. Даже в самых цивилизованных, гуманных странах их едят, используют для производства кожи и меха, ставят на них медицинские опыты, и вряд ли в ближайшее время эта практика изменится.

И всё-таки, отсутствие у животных разума до сих пор научно не подтверждено.

«С 1986 по 1989 год я произвёл более пятидесяти наблюдений за так называемыми «лечащими» животными, постоянно сверяя данные с записями в медицинских картах хозяев. Могу с уверенностью утверждать, что феномен реального излечения человека домашними животными имеет место и не может быть объяснён иначе», — рассказывает исследователь и парапсихолог В. Н. Шатилов.

По непроверенным (и никак не объяснённым наукой) данным, животные могут обладать даром телепатии, способностью излечивать тяжёлые (даже онкологические) заболевания, в ряде случаев понимают человеческую речь, и пытаются общаться с человеком, используя понятные ему невербальные (не словесные) символы, мимические жесты, звуки.

Например, любой хозяин домашней кошки или собаки, который часто разговаривает со своим питомцем, подтвердит вам, что со временем существо настолько «очеловечивается», что вполне может выразить свою мысль и желание звуками и жестами, вполне понятными хозяину.

Невольно напрашивается вопрос — кто кого дрессирует?

К сожалению, большинство людей относится к своим четвероногим друзьям потребительски, и люди, действительно любящие животных (в том числе, вегетарианцы) подвергаются остракизму с формулировкой: «Лучше бы детей рожали, чем о кошечках заботиться!». Но это, к сожалению, проблема общей культуры населения, пока неразрешимая.

При этом животные никогда не мстят за подобное отношение (это к вопросу о том, кто более гуманен).

...Рассказывает Инна, пользователь сайта LiveJournal: «Чисто случайно наткнулась в интернете на страшное видео о том, как с живых норок и енотов сдирают шкурки на шубы. Я человек впечатлительный, впала в шок, плакала, сидя прямо у компьютера. И вдруг чувствую — кто-то качает моё кресло. Как детскую люльку, понимаешь? Мне даже не по себе стало, одна ведь была дома. Даже подумала, что у меня с головой не всё в порядке. Оборачиваюсь — а это мой кот, стоит на задних лапах, а передними качает кресло! Видимо, он не придумал другого способа, чтобы меня успокоить! Поверишь тут в разумность...»

Если подвести итог сказанному — в общем и целом, мы крайне мало знаем о существах, живущих рядом с нами. Наука пока не придумала способа исследовать их способности и принцип их мышления, и только этот факт пока даёт нам право — весьма иллюзорное — использовать их для своих нужд, как вещи. Кто знает, возможно, уже родился и растёт где-то гениальный учёный, который раскроет для нас тайны мышления животных, и тогда человечество станет, наконец, действительно гуманным.

Если, конечно, этому учёному вообще позволят обнаружить свои исследования...

По материалам интернета: знаменитые животные, которые спасли жизнь своим хозяевам.

1. Тоби, золотистый ретривер, удивил даже опытных спасателей. Хозяйка Тоби подавилась куском яблока и попыталась избавиться от удушья общеизвестным способом, ударя себя по груди и спине. Когда женщина уже начала терять сознание, Тоби прыгнул ей на грудь и ударил лапами со всей силы. Злосчастный кусок яблока выскочил наружу, и женщина смогла дышать.

2. Бигль по кличке Белль из Флориды, увидев, как хозяин-диабетик потерял сознание, вызвал помощь по телефону 911. Белль обучался на курсах неотложной помощи, но стал первой собакой в истории, которая использовала навыки по назначе-

нию: а именно, нажала носом кнопку быстрого вызова. Помощь прибыла вовремя.

3. Пёс английской породы кинг-чарльз-кавалер спаниель Дюк спас жизнь владельцу старомодным способом — при помощи громкого лая. Когда его хозяина настиг сердечный приступ во время плавания в бассейне, Дюк поднял такой шум, что соседи быстро поняли, что случилась беда, и пришли на подмогу.

4. Сэди, шотландская овчарка, всегда сопровождала своего обожаемого хозяина Мелвина. В один роковой день, когда он решил заняться вырубкой повреждённых деревьев вокруг дома, собака тоже была рядом. Одно старое дерево, падая, зацепило Мелвина и придавило его. Овчарка побежала в дом и позвала на помощь жену хозяина. Пока ехали спасатели, собака согревала владельца своим телом и лизала того в лицо, чтобы он не терял сознание.

5. В доме Кислингов (Индиана) случилась роковая поломка: насос в подвале вышел из строя, и произошёл выброс угарного газа прямо в дом. Семья в это время спала, спал и кот Винни — у открытого окна. Кэти Кислинг вспоминает, что проснулась оттого, что кот кричал и буквально драл её за волосы. Женщина попыталась подняться, но почувствовала сильное головокружение и снова упала в постель. Но Винни не унимался и тормозил хозяйку, у которой хватило сил только набрать номер 911. Муж и 14-летний сын были к тому времени уже в бессознательном состоянии. Если бы не кот-спаситель, жить им оставалось не более часа...

6. Вельш-корги по имени Маргарет спасла жизнь своей хозяйке и её двухлетней племяннице Джулии, когда те поплыли на середину озера в лодке покормить уток. Малышка Джулия перегнулась через борт и свалилась в воду. Женщина бросилась на помощь, но переоценила свои силы. Уходя под воду, она позвала собаку. Маргарет подплыла, схватила девочку зубами за футболку и вытащила на берег. Женщина держалась за борт, пока не подоспела помощь.

7. В прибрежном посёлке в одном из старых деревянных домов ночью вспыхнул пожар. Молодая мать и пятеро её детей — от 11 до 2-х лет от роду, мирно спали. Их домашняя кошка Кети почувяла запах дыма, залезла под одеяло хозяйки и стала её больно царапать, пытаясь разбудить. Мать отбросила кошку, продолжая мирно спать. Кошка не унималась, пока не разбудила женщину. Началась эвакуация детей. Спаслись все... кроме кошки.

Дом сгорел дотла вместе с вещами и спасательницей. Жители посёлка собрали деньги, вещи для погорельцев, устроили их на ночлег. Только вот кошку даже похоронить не удалось.

8. 11-летнего сына Кэрол Бёрк от неминуемой гибели спасла свинка Присцилла. Они вместе отправились на озеро Сомервилль в Техасе. Присцилла очень любила воду и отлично плавала, в отличие от Энтони, страдавшего задержкой в развитии. Когда мать отвернулась, чтобы сложить вещи, Энтони оказался в воде, и довольно далеко от берега. Свинка первой добралась до мальчика. Он схватился за неё, но, продолжая паниковать, ушёл под воду, увлекая за собой и Присциллу. В конце концов, ей удалось выбраться на поверхность вместе с бездыханным ребёнком на спине и доплыть до берега. У свиней хорошая память, и многие годы спустя Присцилла всегда начинала волноваться, если видела детей у воды.

9. В Ульяновском посёлке Безлесный беспородный кот Васька героически защитил своего 49-летнего хозяина от грабителей. Бандиты ворвались в дом сельчанина и потребовали денег. Тот ответил, что не имеет никаких сбережений, кроме мизерной суммы на хлеб и молоко.

Однако разъярённые бандиты находились под действием наркотиков. Один из них схватил топор и погнался за хозяином дома. Но тут вдруг выскочил хозяйский кот Васька, кинулся на нападавшего и вцепился в него когтями.

Перепуганный сельчанин, воспользовавшись суматохой, выбежал из дома напрямик к участковому милиционеру. Когда сотрудники правоохранительных органов явились в дом, грабителей уже не было. На полу лежал только убитый ими кот.

10. Жительница Саранска, большая любительница природы, держала дома 6 котов, 16 попугаев и 1 хомяка. Она уехала в отпуск, оставив всю живность на соседа. Ночью в квартиру залез вор. Только несчастный подошёл к шкафу с аппаратурой, как на него с диким воем спрыгнули все шесть котов, раздирая в клочья лицо и одежду злополучного вора. Проснувшиеся попугаи начали орать, прибежал сосед и помог котам задержать преступника, который оказался опасным рецидивистом.

«Верный, преданный друг» всегда рядом с человеком и, как уже сказано, готов придти на помощь в самых, казалось бы, тяжелейших ситуациях. За это ему и людская благодарность, увековеченная в памятниках «братьям нашим меньшим». ☐

ПАМЯТНИКИ ЖИВОТНЫМ

Евгений Гик

Традиция ставить памятники животным берёт своё начало ещё с древних времён, когда животные почитались как боги. В наше время люди тоже увековечивают память о животных — героях разных войн, представителей мира фауны, занятых в сельском хозяйстве, не забывают и о тех, кто стали жертвами науки, об исчезнувших и нуждающихся в охране видах.

Памятник животным, воевавшим в британских войсках, установлен в 2004 году в центре Лондона. МонуMENT объединяет двух мулов, нагруженных боеприпасами, лошадь и собаку. Надпись на нём гласит: «Посвящается всем животным, которые служили и погибли в рядах британских и союзных сил». Есть тут и изображение самой почётной звериной награды — медали Марии Дикин, и список животных, удостоенных ею. Создатель памятника — скульптор Дэвид Бэкхауз.

А на стене-барельефе можно увидеть изображения слонов, верблюдов, обезьян, медведей, дельфинов, голубей и даже светлячков, которые в Первую мировую войну помогали ночью читать карты.

Любопытно, что медаль Марии Дикин, основательницы английской благотворительной ветеринарной службы, — награда животным за боевые заслуги — приравнена к высшей британской воинской награде — Кресту Виктории. В 1943-1949 годах было присвоено пятьдесят четыре таких медалей, а после долгого перерыва, в 2000-2003 годах, награждены ещё шесть животных.

Особенно много медалей у голубей — тридцать две. Имеются в виду почтовые голуби, которые, несмотря на ранения, доставляли важные военные донесения. Среди награждённых также — три лошади и один кот. Корабельный кот Саймон получил заслуженную награду в 1949-м «за исполнение обязанностей по ловле крыс и поддержание боевого духа команды» в течение ста дней, когда корабль был задержан китайцами в устье реки Янцзы.

Но главные награждённые — собаки. Среди них спаниель Роб — собака-десантник, совершившая двадцать прыжков с парашютом. В 2000-м году был посмертно награждён ньюфаундленд Гэндер, которой в 1941-м в Гонконге спас раненых солдат, закрыв собой вражескую гранату. В 2002-м награду получили три собаки-спасатели, работавшие на развалинах Торгового Центра в Нью-Йорке. А в 2003-м награждены овчарка Сэм, участник войны в Югославии (посмертно), и участник войны в Ираке спаниель Бастер, нашедший вражеский склад оружия.

В Англии и США служебных собак, проявивших героизм в мирное время, тоже награждают медалями за храбрость. Среди них — лабрадор Джо из отдела по борьбе с наркотиками департамента госбезопасности США. Им обнаружены наркотики на общую сумму более 10 миллионов долларов.

История хранит имена многих собак-героев. Это собаки-пограничники, сапёры, спасатели, собаки-ищейки. Памятники им есть в разных странах, по их количеству собака стоит на первом месте среди всех животных. Вот некоторые самые интересные и необычные памятники.

Памятник с барельефом собаки и надписями установлен 350 лет назад в честь собаки Штуцель её любящими хозяевами фон Вангейхаймами в Германии. По легенде, именно это захоронение послужило причиной возникновения поговорки «вот где собака зарыта».

В германском городе Вюншенберге ещё с 1620 года стоит скульптура, изображающая ночного сторожа с собакой-шнауцером. В ЮАР, в Центральном сквере Кейптауна, на небольшом постаменте из обломка скалы установлен памятник корабельному псу — отлитый из бронзы большой датский дог. У его лап — матросская бескозырка и ошейник.

В Париже водружён памятник собаке-спасателю Барри. На каменном постаменте стоит огромный пёс и прижавшийся к нему ребёнок.

В селе Бобино Кировской области есть памятник лайке Бобику. В 1908-м, ценой собственной жизни, он спас лесника от стаи волков. А в Вологде маленькая бронзовая собачка поднимает заднюю лапу на фонарный столб. Этот памятник установлен в честь электрификации города.

Памятник бездомной собаке установлен в 2007 году в Москве в подземном переходе у входа на станцию метро «Менделеевская» — на месте, где до этого была убита собака, жившая там несколько лет. А в Мехико сооружён памятник спасённой бездомной собаке. Старый бездомный пёс-инвалид по кличке Пелусо был подобран защитниками животных и в результате прожил почти двадцать лет. Во многих городах водружены памятники собакам, ждущим на протяжении долгого времени своих погибших хозяев. В Берлинском зоопарке находится памятник собаке-поводырю: по улице идёт незрячий человек, а рядом с ним собака на жёстком поводке.

В селе Колтуши под Петербургом в 1935 году во дворе Института экспериментальной медицины, по инициативе знаменитого физиолога нобелевского лауреата Ивана Павлова, сооружён «Памятник неизвестной собаке». В экспериментах выдающегося учёного при изучении рефлексов погибло так много собак, что появился символ беззащитности — «собака Павлова».

Памятники подопытным животным можно увидеть в разных странах. В Париже, например, есть памятник кошке и памятник лягушкам. В Китае установлено два памятника животным, погибшим в экспериментах по изучению вируса атипичной пневмонии, — обезьянам, в 2004-м, и мышам, крысам и морским свинкам — в 2005-м.

Особое место принадлежит памятникам сельскохозяйственным животным. В голландском городе Леуварден в 1954-м установлен памятник корове-кормилице. На постаменте надпись: «Наша мама». Памятник молочной корове воздвигнут и в городе Битигхайме в Германии. А в России, на территории племенного завода в Воронеже, установлен памятник быку-производителю. Чугунная статуя весом почти 10 тонн — одна из достопримечательностей Воронежской области.

Известный памятник свинье воздвигнут скульптором Могенсом Боггильдом в 1941 году в датском городе Орхус — бронзовая свинья с десятью поросятами. А в Бангкоке памятник свинье водружён в честь... королевы страны, которая родилась в год Свиньи по восточному календарю.

Самый большой в мире памятник лошади стоит на площади немецкого города Биссинген, где с давних пор ежегодно устраиваются большие конские ярмарки.

В Баболне (Венгрия), где разводят знаменитых коней арабской породы, памятник лошади установлен в 1956 году во дворе конюшни сельскохозяйственного комбината. У его основания выбита надпись: «Самому верному другу».

На территории Московского конного завода поставлен бронзовый памятник знаменитому рысаку Квадрату. Потомков этого жеребца можно встретить в двенадцати странах мира.

Оригинальный памятник коню установлен в Воронеже. Бронзовый жеребец по кличке Ярыж весит три тонны, а его рост три с половиной метра! В отличие от многочисленных красавцев-скакунов, это конь-работяга, представитель тяжеловозов.

Животные-символы также не остаются без внимания. В Риме есть и памятник легендарной волчице, выкормившей основателей города Ромула и Рема, и памятник гусям, которые спасли Рим от нападения врагов.

Популярный, более двух метров высотой, памятник зайцу установлен в 1952 году в Германии, в Кале-на-Майне. Заяц считается основателем города: по легенде, в XII в. люди построили город на том месте, где из леса выбежал заяц.

Памятник петуху сооружён в «центре юмора» — болгарском городе Габрово, где петух олицетворяет оптимизм и жизнерадостность.

Старинный немецкий город Бремен знаменит, прежде всего, благодаря сказке братьев Grimm «Бременские музыканты». Именно ей посвящён памятник возле городской Ратуши. Скульптура, созданная в 1953 году, изображает пирамиду из героев сказки: осла, пса, кота и петуха. Из многочисленных обрядов, связанных со статуей, самый распространённый — загадать желание, взявшись за передние лапы осла, и, чтобы оно быстрее исполнилось, дотронуться до остальных участников квартета. Чем выше дотянешься, тем скорее осуществляются мечты. А прикос-

новение к петуху, венчающему конструкцию, сулит, по замыслу, прямо-таки моментальное счастье.

Вот ещё один памятник, рождённый благодаря сказке. У пруда в Центральном парке Нью-Йорка, задумчиво склонившись над книгой, сидит прославленный сказочник Ганс Христиан Андерсен, а примерно в полуметре от него, настороженно вытянув шею, стоит любопытный маленький слушатель — тот самый гадкий утёнок, которого обожают дети разных стран. Скульптуру в 1956 году подарила парку Датско-американская женская ассоциация. К какой дате был приурочен презент, никто не помнит, но памятник прижился и стал одним из самых любимых у родителей с малышами.

Трёхметровая деревянная скульптура, посвящённая Тамбовскому волку, установлена в 2008 году на въезде в Тамбов с восточной стороны. На пьедестале надпись, опровергающая сложившийся стереотип: «Тамбовский волк — надёжный товарищ».

Памятник Чижик-Пыжику, герою популярной песенки «Чижик-пыжик, где ты был?», поставили в Петербурге в 1994 году, причём именно на Фонтанке, напротив дома № 6, где в 1835-м было основано Императорское Училище правоведения, студентов которого прозвали «чижиками-пыжиками» за мундиры жёлто-зелёного цвета и пыжиковые шапки. Эта миниатюрная фигурка — одна из самых ярких достопримечательностей Северной столицы. Вокруг птички возникло множество ритуалов «на удачу», например, надо закинуть монетку на постамент скульптуры.

Первый в истории памятник слону установил ещё в 275 году до н.э. сирийский царь Антиох в честь победы над галатами — решающую роль в битве сыграли боевые слоны. Памятник слону-воину, воздвигнутый в XIII в. в индийском городе Конраке, сохранился до наших дней. А самый знаменитый памятник африканскому слону находится в Кении.

Люди помнят и о вымерших родственниках слонов. Например, памятник мамонту установлен в Якутске рядом с Институтом мерзлотоведения Российской Академии наук. Это символ исследования вечной мерзлоты, в которой учёным удалось обнаружить хорошо сохранившиеся останки вымерших животных.

В Англии в 1950 году появился памятник последнему волку. Волки в стране были полностью уничтожены, и это настолько

нарушило экологическое равновесие, что пришлось разводить волков и специально заселять их в леса.

Памятник знаменитому географу и первооткрывателю Николаю Пржевальскому установлен в 1892-м в Санкт-Петербурге в Александровском саду недалеко от здания Адмиралтейства. А у ног знаменитого путешественника лежит его верный помощник — верблюд.

На острове Родос в Греции есть памятник оленям. По легенде, именно олени истребили на острове всех ядовитых змей.

В Японии памятник дельфину установили рыбаки, отблагодарив, таким образом, своего водоплавающего помощника по кличке Оло. Дельфин помогал им находить косяки рыб и предупреждал о мелководье. Но есть в Токио и довольно сомнительный памятник — жабе.

Памятник чайкам водружён в Солт-Лейк-Сити (США) — 50-метровая гранитная колонна, на вершине которой бронзовый земной шар, а на нём две птицы. Пресноводные чайки — борцы с насекомыми-вредителями. По преданию, чайки спасли от саранчи урожай первых поселенцев штата Юта.

В Бостоне есть памятник воробью. Эти птицы спасли сады и посеы от нашествия гусениц.

Ставят памятники даже насекомым. Самый курьёзный из них в 1919-м увековечил вредителя — жука-долгоносика. А в 1915-м жук уничтожил весь урожай хлопка в американском штате Алабама. В результате, фермеры были вынуждены начать выращивать другие культуры, которые принесли им богатство. Памятник насекомому вредителю есть и в Австралии. В конце XIX в. переселенец из Бразилии привёз с собой кактус — опунцию. Кактусы невероятно разрослись, но уничтожить их всё-таки удалось — с помощью гусениц бабочки-огнёвки, питающихся именно этим растением. Бронзового жука держит в руках четырёхметровая богиня плодородия Церера. На пьедестале написано: «В знак глубокой признательности хлопковому долгоносику воздвигнут памятник гражданами Энтерприса».

В центре Днепропетровска установлен двухметровый памятник колорадскому жуку. Тут тоже выражена своеобразная благодарность — памятник установили в рекламных целях производители ядохимикатов. Смешной памятник с участием этого вредителя стоит в Бердянске на площади у центрального рынка.

Двух дачников, в характерных рабочих позах, сопровождает огромный колорадский жук, который тащит надпись «Бердянцы, прокормим себя сами!».

Памятник воробью водружён и в Сингапуре. Здесь бронзовая скульптура миниатюрной птички, жирной и сытой (автор колумбиец Фернандо Ботеро), олицетворяет процветание экономики в стране и поражает не только своими размерами, но и формами. Трёхмерная птица Ботеро напоминает борца сумо и символизирует радость жизни и оптимизм.

На набережной малайзийского курорта Ланкави впечатляет огромная статуя красного орла, — любимое место «фотосессий» туристов. Скульптура здесь появилась неслучайно — красивые гордые птицы с оперением кирпичного цвета обитают в этих краях и считаются символом Малайского архипелага. Даже само название Ланкави в переводе означает «красный орёл».

Альбатрос как символ Святого Духа — именно такой философский смысл заключает в себе крылатая фигура, которую можно увидеть в здании универмага «Хэрродс» в Лондоне. Птица — часть скульптурной композиции, изображающей счастливых влюблённых — принцессу Диану и Доди аль-Файеда. На постаменте надпись: «Невинным жертвам». При спуске по эскалатору вниз попадаешь в мемориальный зал с портретами, свечами и живыми цветами. Сюда приходят люди, желающие почтить память влюблённых.

Турул — мифическая птица, ставшая символом поиска родины для венгров. В венгерских сказаниях он упоминается нечасто, однако речь идёт о ключевых моментах в истории народа. Согласно преданию, Алмос, основатель королевской династии, — сын турула, явившегося его матери во сне. По легенде о возникновении Венгрии, турул приснился Алмосу и указал путь к земле, на которой впоследствии построили город. В Будапеште птица, похожая на гигантского кречета, сидит на арке королевского дворца. ☐

Джером К. Джером

Призрак маркизы Эплфордской

Э

та история рассказана мне, среди прочих, официантом Генри — или, как он теперь предпочитает называть себя, Энри — в длинном зале ресторана гостиницы «Рифель-Альп», куда я однажды попал в тихую неделю «между сезонами», разделяя гулкую пустоту заведения с двумя старыми девами, которые целыми днями испуганным шёпотом переговаривались друг с другом. Излагаю её, со слов Генри, по порядку...

Первое моё место работы — что ж, надо быть честным — кофейня на Майл-Эндрод, и я этого не стыжусь. Всем приходится с чего-нибудь начинать. Юный Копчушка, как мы его называли (настоящего имени у него не было, или, во всяком случае, сам он его не знал, а это прозвище ему очень даже подходило), всегда продавал газеты между нашей кофейней и мюзик-холлом на углу. Иной раз, если уж возникало настроение, я брал у него газету, а расплачивался, когда хозяин отсутствовал, кружкой кофе и обедками с тарелок посетителей — такой бартер нас обоих устраивал. Паренёк был ушлый, даже по меркам Майл-Эндрод, а это неплохая

рекомендация. Время от времени, умея высматривать нужных людей и не упускать того, что, скорее всего, не предназначалось для его ушей, он давал мне полезные советы насчет скачек, а за это получал от меня шиллинг или там шестипенсовик, в зависимости от результата. В общем, парень был не промах, вы понимаете.

И в один прекрасный день он вдруг входит к нам с таким видом, будто всё тут принадлежит ему, а под руку с ним девчонка, этакий бесёнок, и оба усаживаются за столик.

— Гарсонь! — кричит он. — Какое сегодня мяню?

— Мяню сегодня такое, — отвечаю я. — Ты выметаешься отсюда сам, пока я не вывел тебя за ухо, а это немедленно возвращаешь туда, где взял. — Говорил я про девчонку, конечно.

Девчонку он нашел себе хорошенькую, даром что замарашку: глазища огромные и круглые, волосы рыжие. Во всяком случае, в те времена такие волосы называли морковными. Нынче этот цвет вошёл в моду у дам высшего света, вернее, они пытаются воспроизвести его как можно точнее, — и он уже золотисто-каштановый.

— Энри, — продолжал он, даже глазом не моргнув, — боюсь, ты что-то забываешь. Когда я стою на краю тротуара и кричу: «Экстренный выпуск!», а ты подходишь ко мне с полпенсом, то хозяин ты, и я обязан тебя обслужить. А когда я прихожу в твоё заведение, заказываю угощение и плачу за него, то хозяин — я. Сечёшь? Так что принеси мне жареной грудинки и два сваренных вкрутую яйца, только свежих, ты уж проследи. А для леди — жареную треску, покрупнее, и кружку какао.

Что ж, он говорил правильно, да и всегда отличался здравым смыслом, поэтому заказ я принял. Нечасто приходится видеть, чтобы кто-нибудь так расправлялся со всем, что ему подавали. Да, на девчонку стоило посмотреть. Видать, не один день она ничего толком не ела. Умяла большую треску за девять пенсов вместе со шкуркой, а потом два ломтика жареной грудинки, по пенсу каждый, шесть кусков хлеба с маслом — мы называли их «ступеньками» — и две полпинты какао, а только этого вполне хватало, чтобы насытить человека, ведь мы варили его как положено. Судя по всему, Копчушке в тот день улыбнулась удача. Он так уговаривал её кушать и не стесняться, будто речь шла о бесплатном угощении.

— Возьми яйцо, — предложил он, как только грудинка исчезла с тарелки. — Съешь одно из этих яиц, и тогда, пожалуй, будешь совсем сыта.

— Кажется, я больше уже не могу, — ответила она после короткого раздумья.

— Что ж, ты лучше знаешь свои возможности. Может, тебе и обойтись без него. Особенно, если ты не привыкла ни в чём себе не отказывать.

Я порадовался, когда они закончили, потому что меня тревожило, как он будет рассчитывать. Но он преспокойно расплатился, да еще дал мне полпенса на чай.

В тот раз я обслужил их впервые, но, как вы сейчас услышите, этим наше знакомство не закончилось. Он и потом часто приводил её к нам. Кто она и откуда, Копчушка не знал, да и она тоже, так что они вполне подходили друг другу. Она сбежала от одной старухи, жившей в той стороне, где Лаймхаус, которая частенько её била. Это всё, что она ему рассказала. Он устроил её у бабульки, жившей на чердаке в том же доме, где ночевал сам, когда представлялась такая возможность, научил выкрикивать: «Экстренный выпуск!» и нашел угол, где она могла продавать газеты. Мальчиков и девочек на Майл-Энд-роуд нет. Они либо малыши, либо взрослые люди. Копчушка и Морковка, как мы её называли, воспринимали себя парой, хотя ему не могло быть больше пятнадцати, а ей едва исполнилось двенадцать. Его влюблённость сразу бросалась в глаза, хотя, конечно, никаких нежностей он себе не позволял — не его стиль. Он следил, чтобы она вела себя как должно, и ей приходилось с этим считаться, что, надо полагать, шло не во вред, а если она возникала, он задавал ей трёпку и нисколько из-за этого не переживал. У простых людей это принято.

Из кофейни я ушел, найдя подходящее место в Сити, так что не видел их обоих лет пять. В следующий раз повстречался с ними в одном ресторане на Оксфорд-стрит — дилетантском таком заведении, где всю работу делают женщины, которые ничего не понимают в нашем деле и рабочее время проводят, сплетничая и флиртуя, я такие рестораны называю «рестораны любви». Тамошняя белобрысая управляющая никогда тебя не слышала, если ты к ней обращался. Куда больше её интересовали слова, которые нашёптывал ей через прилавок какой-то занюханный

старый хрыч. Официантки считали, что хорошая работа — по часу беседовать с посетителями, заказывающими чашку кофе за два пенса, и выглядели обиженными и оскорблёнными, если кто-то осмеливался заказать что-либо более существенное. Завитая кассирша целыми днями любезничала через своё окошечко с двумя молодыми билетёрами из Оксфордского мюзик-холла, которые приходили по очереди, сменяя друг друга. Иногда она отрывалась от этого занятия, чтобы получить деньги с посетителя, а иногда и нет. Мне доводилось работать в самых разных местах, и официанты вовсе не такие слепые совы, как принято думать. Но никогда в жизни я не видел одновременно столько любезничающих парочек, как там. Эту мрачную, темную дыру влюбленные, похоже, находили чутьём и просиживали там часами над несколькими чашками чая и пирожными «ассорти». «Идиллия», — подумают некоторые, но меня лично это зрелище угнетало.

Я нанялся «на тяжелую работу», но, поскольку самый тяжёлый заказ, о каком я там слышал, состоял из холодной ветчины и курицы — за ней приходилось по-тихому бежать в соседнюю харчевню, вскоре понял, что нужен им больше для вида.

Я проработал там уже две недели, и мне у них порядком поднадоело, как вдруг в один прекрасный день в зал вошёл юный Копчушка. Сначала я его и не признал, так он изменился. Помахивающий тросточкой с серебряным набалдашником — такие как раз вошли в моду, — в шикарном клетчатом костюме и белом цилиндре. Но что меня больше всего поразило, так это его перчатки. Ну, моя внешность не претерпела таких перемен, потому что он тут же меня вспомнил и протянул руку.

— Да это же Энри! Значит, ты продвинулся в жизни.

— Да, — ответил я, пожимая ему руку. — И не стану грустить, если продвинусь ещё куда-нибудь из этой лавочки. Но ты, вижу, тоже кое-чего добился.

— Есть такое, — ответил он. — Я теперь журналист.

— Вот как? — удивился я. — И по какой же части? —

Я навидался журналюг за шесть месяцев, которые проработал в одном заведении на Флит-стрит. Там в манере одеваться не наблюдалось такого великолепия, если можно так выразиться. Прикид Копчушки тянул на кругленькую сумму. Одна только

галстучная бриллиантовая булавка обошлась кому-то — если не ему самому — фунтов в пятьдесят.

— Видишь ли, — объяснил он, — я никому не даю конфиденциальных советов и всё такое. Моё дело — прогноз на скачки, знаешь ли. Теперь мой псевдоним — Капитан Кит.

— Как? Тот самый Капитан Кит?! — воскликнул я. — Ясное дело, я о нем слышал.

— Само собой! — кивнул он. — Некоторые прогнозы сбываются, и, когда это происходит, можешь мне поверить, наша газета обязательно об этом пишет. А если я ошибаюсь... что ж, человек не обязан кричать о своих неудачах, верно?

Он заказал чашку кофе, предупредив, что ожидает кое-кого, ну а пока мы разговорились о прежних временах.

— Как Морковка? — полюбопытствовал я.

— У мисс Каролин Тревельян всё очень хорошо, — серьёзно проговорил он.

— Ого, значит, ты всё-таки выяснил её имя и фамилию?

— Да, мы кое-что узнали об этой леди. Помнишь, как она танцевала?

— Смотря что ты имеешь в виду. Я видел, как она кружилась около нашей кофейни, демонстрируя нижние юбки, когда поблизости не было коппера, если ты об этом.

— Именно. Сейчас это очень модно. Называется «юбочный танец». Завтра она дебютирует в мюзик-холле «Оксфорд». Её я сейчас и жду. Она сделает карьеру, можешь мне поверить.

— Не удивительно, я всегда это чувствовал.

— Насчет неё мы выяснили и кое-что ещё. — Тут он перегнулся через столик и перешёл на шёпот, будто боялся, что нас подслушают. — У неё есть голос.

— Да, с некоторыми женщинами подобное случается.

— Конечно, но у неё голос, который хочется слушать.

— Что ж, это замечательная особенность.

— Вот именно, сынок, — чуть свысока ухмыльнулся он.

Через некоторое время пришла она. Я б её узнал где угодно по глазам и рыжим локонам, пусть теперь она выглядела такой чистенькой, что хоть обед подавай в её ладонях. А как одета! Я на своем веку навидался щёголей, встречал и герцогинь в более эффектных и, пожалуй, в более дорогих нарядах, но платье Морковки, казалось, лишь обрамляло и подчёркивало её красоту.

А что она была красавицей, можете мне поверить. И не удивительно, что всякие светские бездельники, едва завидев её, начинали виться вокруг, как мухи над сладким пирогом с вареньем.

И трех месяцев не прошло, как по ней сходил с ума весь Лондон — по крайней мере, та его часть, что бывала в мюзик-холлах. Её фотографии украшали чуть ли не каждую витрину, интервью с ней появились в половине лондонских газет. Выяснилось, что она дочь офицера, погибшего в Индии, когда она была еще крошкой, и племянница какого-то австралийского епископа, тоже покойного. Видимо, никого из её предков в живых застать не удалось, но все они в своё время занимали важные посты. Образование она получила домашнее, под приглядом родственницы, и рано обнаружила способности к танцам, хотя подруги вначале очень не советовали ей идти на сцену. Ну, и дальше всё в этом роде, как полагается в таких случаях. Обнаружилась — как обычно бывало — дальняя родственная связь с одним очень известным судьёй, а выступать она продолжала только для того, чтобы иметь возможность содержать свою бабушку или сестру-инвалида, точно не помню. Газетчики — народ удивительный, что угодно слопают, во всяком случае, некоторые.

Копчушка не брал ни пенса из её денег, но, даже получай он агентские двадцать пять процентов, и тогда не смог бы делать для неё больше: всё время подогревал интерес к её имени. Дело дошло вот до чего: если вы не желали больше ничего слышать про Каролин Тревельян, вам оставалось только лежать в постели и не заглядывать в газеты. Она доставала вас повсюду: Каролин Тревельян у себя дома, Каролин Тревельян в Брайтоне, Каролин Тревельян и шах персидский, Каролин Тревельян и старая торговка яблоками. Или — если не сама Каролин Тревельян, то собачка Каролин Тревельян, с которой обязательно происходило что-нибудь необыкновенное: или она терялась, или находилась, или тонула в реке, что именно — неважно.

В том же году я перебрался с Оксфорд-стрит в новую «Подкову» — ресторан как раз перестроили — и там видел их довольно часто, потому что они приходили туда завтракать или ужинать чуть ли не каждый день. Молодой Копчушка, или Капитан Кит, как все его называли, выдавал себя за её сводного брата.

— Нужно же мне быть ей каким-нибудь родственником, — объяснял он. — Я, конечно, предпочёл бы стать просто её братом,

так даже удобнее, да только совсем уж мы с ней не похожи. У нас разные типы красоты. — И в этом не грешил против истины.

— Почему бы тебе не жениться на ней и не покончить со всеми сложностями? — спросил как-то я.

— Я думал об этом, — ответил он достаточно серьёзно, — и знаю, точно знаю, она согласилась бы, если б я подал ей эту мысль до того, как она нашла себя. Но теперь, по-моему, это несправедливо.

— Как это — несправедливо?

— Несправедливо по отношению к ней. У меня, конечно, всё хорошо, но по-скромному, а она... в общем, она сейчас может выйти за любого богача. По собственному выбору. Есть тут один, я даже справки наводил. Он станет герцогом, если один малыш испустит дух, чего все ожидают, а уж маркизом он будет при всех условиях, и у него серьёзные намерения, это точно. С моей стороны несправедливо вставать ей поперёк дороги.

— Тебе, конечно, виднее, — заметил я, — но мне кажется, что, если бы не ты, не было бы у неё сейчас никакой дороги.

— Да, это правильно. Я, конечно, к ней порядком привязан, но не стану заказывать себе могильный камень с фиалками, если она никогда не будет миссис Капитан Кит. Дело есть дело. Ставить ей палки в колёса я не собираюсь.

Я часто размышлял о том, что бы она сказала, если б он надумал изложить ей свои соображения по этому поводу. Девушкой-то она была хорошей, но слава, само собой, немного вскружила ей голову, она же столько читала о себе в газетах, что в конце концов и сама могла наполовину поверить в эту чепуху. К примеру, родственные связи со знаменитым судьёй, они иной раз вроде бы и мешали ей, и она уже держалась с Копчушкой не так запросто, как на Майл-Энд-роуд, а он не относился к тем, кто что-либо упускал из виду.

И однажды — Копчушка пришёл на ленч один, и я его обслуживал — он сказал мне, поднимая стакан:

— Ну, Энри, желаю тебе удачи. Теперь мы с тобой какое-то время не увидимся.

— А что такое? — спросил я.

— Да ничего. Мне тут делать больше нечего. Уезжаю в Африку.

— Ох! — вырвалось у меня. — А как же...

— Нормально, — перебил меня он. — Я всё устроил — лучше не бывать. Если по правде, из-за этого я и уезжаю.

Я сначала подумал, что и она едет с ним.

— Нет, — ответил Копчушка. — Она становится герцогиней Райдингширской, с любезного согласия того ребёнка, о котором я рассказывал. Ну а если нет — маркизой Элпфордской. Это дело решённое. Завтра их без лишнего шума распишут в Реджистри-офис, и после этого я отбываю.

— Какая в этом нужда? — почему-то разволновался я.

— Никакой нужды, — ответил он. — Просто мне так хочется. Видишь ли, когда меня не будет, ничто не помешает ей стать солидной уважаемой аристократкой. А при сводном братце, которому нужно постоянно быть наготове с рассказами относительно своей родословной и наследственных владений — а выговор-то у него далеко не аристократический, — рано или поздно обязательно возникнут осложнения. Если же меня здесь не будет, всё упростится. Сечёшь?

Так оно и произошло. Конечно, разразился нешуточный скандал, когда семейство об этом узнало, и ловкому адвокату было поручено сделать всё возможное, чтобы расторгнуть этот брак. Перед расходами не стояли, можете не сомневаться, но ничего у них не получилось. Им не удалось обнаружить ничего такого, что можно было против неё использовать. Она же держалась твёрдо и помалкивала. Так что они всё-таки остались мужем и женой. Уехали из Лондона и тихо прожили год или два в загородном доме и за границей, а потом, когда их подзабыли, вернулись обратно. Мне часто попадалось в газетах её имя, про неё всегда писали, какая она очаровательная, и любезная, и красивая, а родственники маркиза, как я понял, решили примириться с её существованием.

И вот однажды вечером она пришла в «Савой». На это место я попал только благодаря моей жене, и, скажу вам, место это очень хорошее, если кто, конечно, знает свою работу. У меня никогда бы не хватило духу и пытаться её получить, если бы не моя хозяйка. Она умная женщина, ничего не скажешь. Мне здорово повезло, что я женился на ней.

— Сбрей-ка ты свои усы, они тебя несколько не украшают, — сказала она мне, — и сходи туда. И не вздумай говорить

на иностранном языке. Только ломаный английский, да разок-другой пожми плечами. У тебя всё это прекрасно получится.

Я последовал её советам. Конечно, управляющий сразу разгадал, что я не иностранец, но я ловко вставлял кое-где «Oui, monsieur», а им, видно, выбирать тогда не приходилось — срочно требовались люди. Короче, меня взяли, я там проработал весь сезон и многому, надо сказать, научился.

Что ж, как я уже говорил, вошла она в ресторан, настоящая аристократка, расфуфыренная такая, в мехах и бриллиантах, с надменным видом, пожалуй, ничем не уступая любой маркизе от рождения. Направилась прямо к моему столику и села. Муж при ней, но он по большей части молчал, только повторял её указания. Ясное дело, я держался так, будто никогда её раньше не видел, а сам всё время, пока она ковырялась в майонезе и потягивала мелкими глоточками «Гайсслер», вспоминал кофейню, треску за девять пенсов и пинту какао.

— Принеси моё манто, — попросила она мужа немного погодя. — Мне холодно.

Он тут же встал и вышел из зала.

Она даже головы не повернула и заговорила со мной так, будто просто заказывает что-то, а я почтительно стоял у неё за стулом и отвечал ей в тон.

— От Копчушки вести есть? — спросила она.

— Я получил от него одно или два письма, ваша светлость.

— Брось ты это, меня уже тошнит от «вашей светлости».

Говори на обычном английском — мне теперь не часто случается его слышать. Ну, и как он там?

— Да вроде неплохо. Пишет, что открыл гостиницу, которая даёт стабильный доход.

— Хотелось бы мне стоять рядом с ним за стойкой бара!

— А что, не сработало?

— Похоже на похороны, только что без покойника, — грустно улыбнулась она. — И поделом мне, конечно, за то, что была такой душой.

Но тут вернулся этот маркиз с её манто, я сказал: «Certainment, madame», — и поспешил исчезнуть.

Я потом часто видел её там, и, если возникала такая возможность, она перекидывалась со мной словечком на привычном

ей языке, но мне иной раз становилось не по себе при мысли, что кто-нибудь может её услышать.

Потом я получил ещё одно письмо от Копчушки. Он написал, что приехал в Лондон в отпуск и остановился в гостинице «Морлис», приглашал в гости.

Он не слишком изменился, разве что потолстел немного и приобрёл ещё более преуспевающий вид. Понятное дело, мы заговорили об её светлости, и я передал ему то, что она тогда сказала.

— Странные создания эти женщины, — задумчиво произнёс он. — Сами не знают, что им нужно.

— Да нет, они прекрасно знают, что им нужно, но только после того, как всё произойдет. Откуда же она могла знать, каково быть маркизой, пока ею не стала?

— Жаль, я-то думал, это как раз для неё. Я и собрался-то сюда только затем, чтоб взглянуть на неё и удостовериться, что для неё всё сложилось как нельзя лучше. Выходит, и не следовало мне приезжать.

— А сам ты ещё не подумывал о женитьбе?

— Конечно, подумывал. Когда человеку за тридцать, скучно живётся без жены и детишек, которые вьются вокруг него, в этом можешь мне поверить. А донжуан из меня никакой.

— Ты вроде меня, — сказал я. — Поработать весь день, а потом сесть у камина с трубкой и в шлёпанцах на ногах, и ничего другого мне и не нужно. Ты скоро найдёшь себе кого-нибудь по душе.

— Нет, не найду. Я встречал некоторых, кто мог бы мне подойти, если бы не она. Всё равно как те аристократы, что приезжают к нам: их с детства приучали к телятине под грибным соусом и тому подобному, так какой уж им теперь бекон с овощами.

Я рассказал ей об этой встрече, когда мы в следующий раз встретились, и однажды рано утром они, вроде бы случайно, столкнулись на Кенсингтон-Гарденс. Что они там сказали друг другу, я не знаю, потому что он в тот же вечер уплыл в Африку, и, поскольку случилось всё это в конце сезона, её светлость я тоже долго не видел.

Когда же вновь с ней повстречался — в гостинице «Бристоль» в Париже, — она носила траур по своему мужу-маркизу, скончавшемуся восемь месяцев назад. Он так и не дожид до гер-

цогского титула — малыш оказался покрепче, чем предполагали, и никак не хотел умирать. Так что она осталась всего лишь маркизой, и состояние её, хотя и немалое, ничего выдающегося собой не представляло, сущие пустяки в среде таких аристократов. Меня послали обслужить её, так как она потребовала официанта, который говорил по-английски. Она определённо обрадовалась, увидев меня, и мы немного поболтали.

— Что ж, надо полагать, ты теперь скоро встанешь за стойку того бара в Кейптауне? — спросил я.

— Думай, что говоришь, — возмущённо ответила она. — Как может маркиза Эплфордская выйти замуж за хозяина гостиницы?

— Почему же не может, если он ей нравится? Какой смысл быть маркизой, если нельзя делать, чего хочется?

— В том-то и дело, что нельзя, — сердито фыркнула она. — Это нечестно по отношению к его семейству. Я тратила их деньги, да и теперь трачу. Они меня не любят, но никогда не скажут, что я их опозорила. У них тоже есть чувство собственного достоинства, как и у меня.

— Почему бы тебе не отказаться от этих денег? — спросил я. — Они будут только рады, я слышал, они не из богачей.

— Как можно? — воскликнула она. — Это пожизненная рента. Пока я жива, я должна получать её, и, пока я жива, я должна оставаться маркизой Эплфордской.

Она доела суп и отодвинула тарелку. «Пока я жива», — повторила еще раз, вроде бы уже для себя. А потом вдруг добавила:

— Ей-богу, а почему нет?

— Что — почему нет? — удивлённо спросил я.

— Ничего, — ответила она. — Принеси мне телеграфный бланк для Африки, да поскорее.

Я принёс ей бланк, она написала телеграмму и тут же отдала её портье, а покончив с этим, снова уселась за столик и закончила обед.

Со мной после этого держалась чуть холодно, и я рассудил, что лучше не навязываться.

Мы больше не встречались, и следующее известие о ней я почерпнул из газетной заметки под заголовком: «Смерть маркизы Эплфордской. Печальный несчастный случай». Там говорилось, что она поехала кататься на лодке по какому-то итальянскому

озеру в сопровождении одного только лодочника. Налетел шквал, и лодка перевернулась. Лодочник доплыл до берега, но свою пассажирку спасти не сумел, и даже тело её не удалось найти. Газета напоминала читателям, что погибшая — урождённая Каролин Тревелиян, в прошлом знаменитая трагическая актриса, дочь известного судьи в Индии, который носил ту же фамилию.

Из-за этой новости я два дня ходил мрачный. Ведь я знал маркизу, можно сказать, с детства и всегда интересовался её судьбой. Глупо, конечно, но гостиницы и рестораны отчасти потеряли для меня интерес, потому что я лишился надежды как-нибудь вдруг встретить её в одном из них.

Из Парижа я переехал в Венецию и нашёл работу в небольшой гостинице. Жена моя считала, что мне не мешает подучиться немного итальянскому, а может, ей просто самой хотелось пожить в Венеции. Это одно из преимуществ нашей профессии — можно поехать по свету. Ресторанчик был из второсортных, и как-то вечером, аккуратно перед тем, как зажигают лампы, я присутствовал в зале в единственном числе и уже собрался почитать газету, но вдруг услышал, как отворяется дверь, обернулся и замер от удивления.

В зал входила ОНА. Спутать невозможно — у таких двойников не бывает.

Я сидел с вытаращенными глазами, пока она не подошла совсем близко ко мне, а потом сказал:

— Морковка! — скорее, не сказал, а прошептал. Это прозвище почему-то первым пришло в голову.

— Морковка, она самая, — ответила она, села за столик напротив меня — и как расхохочется.

Я не мог сказать ни слова, не мог пошевелиться, так ошарашило меня её появление, и чем испуганнее я выглядел, тем громче она хохотала, пока, наконец, не вошёл Копчушка. На призрака он никак не тянул. Наоборот, выглядел как человек, поставивший на выигравшую лошадь.

— Ого, да это Энри! — Копчушка хлопнул меня по спине с такой силой, что я моментально пришел в себя.

— Я слышал, ты умерла, — с трудом проговорил я, всё ещё таращась на неё. — Прочитал в газете: «Смерть маркизы Эплфордской».

— Так и есть, — улыбнулась она. — Маркиза Эплфордская умерла, и слава богу. Теперь я миссис Капитан Кит, она же Морковка.

— Помнишь, ты говорил, что я скоро найду себе кого-нибудь по сердцу? — спросил меня Копчушка. — И, ей-богу, ты не ошибся. Я нашёл. Всё ждал, пока встречу кого-нибудь, кто мог бы сравниться с её светлостью, и, боюсь, долго бы мне пришлось ждать, если бы не наткнулся на неё. — Тут он взял Морковку под руку, точно так же, помнится мне, как в тот день, когда впервые привёл её в кофейню. И, господа, как давно это было!

Эту историю, среди прочих, рассказывал мне официант Генри. По его просьбе я заменил настоящие имена героев вымышленными. Генри говорит, что «Капитан Кит», кейптаунская первоклассная гостиница для семейного отдыха и коммерсантов, существует по сей день, и хозяйка его та же — всё ещё очаровательная рыжеволосая женщина с прекрасными глазами, которую можно принять за герцогиню, пока она не открывает рот — выговор по-прежнему слегка отдаёт Майл-Энд-роуд. ■

Перевод с английского Виктора Вебера

Хелью Ребане

Скелет

Попутчица неуволимо кого-то мне напоминала.

Мы разговорились. Я рассказал ей о своей коллекции картин.

Она внимательно слушала. Потом как-то странно улыбнулась и произнесла:

- У меня тоже есть хобби.
- Расскажите! Какое?
- Я ищу скелеты.
- Ходите по ночам на кладбище? — весело спросил я.

— Нет, ищу скелеты в шкафах.
 — Надо же... Ну, и часто находите?
 — Всегда. Помните английскую половицу: «У каждого есть свой скелет в шкафу». Познакомившись с кем-нибудь, я именно с этого и начинаю. Смотрю на человека, слушаю и думаю: интересно, а что у него в шкафу?

— Не очень-то... приятно. Извините... А ко мне это тоже относится?

— Конечно. Признаюсь, слушая вас, я думала: «А где же скелет?.. Подайте мне скелет!»

- Ну и как? Нашли? Или ещё рановато?
- Нашла.
- Вот как... Интересно, что вы там откопали?

Беседа наша становилась абсурдной. Я подумывал, как бы повежливее прервать её, чтобы сходить в вагон-ресторан.

— Вам действительно интересно? Далеко не все хотят, чтобы посторонние открывали их шкафы... Вернее, никто этого не хочет.

— А что я теряю? — заметил я. — Утром мы расстанемся и больше никогда не увидимся...

— Да-да, — охотно согласилась она. — Ещё со времён «Крейцеровой сонаты» попутчики любят открывать друг другу душу. Хотя в некоторых случаях это ошибка.

— Вагон-ресторан скоро закроется, а я ещё не ужинал... Может, прямо сейчас расскажете о своей «находке»?

Она изучающе смотрела на меня. Затем медленно, с расстановкой, глядя мне прямо в глаза, проговорила:

— Вы убили свою жену.

На моём лице не дрогнул ни один мускул. Я встал, извинился (не продолжать же этот абсурдный разговор) и отправился в вагон-ресторан.

Поезд трясло, меня то и дело бросало из стороны в сторону в узких коридорах. Я прошёл несколько вагонов, открывая и захлопывая за собой двери тамбуров, пока, наконец, не оказался среди шумно ужинающих пассажиров. Безумно хотелось курить, но в ресторанах теперь не курят. Пришлось ограничиться бифштексом и коньяком — тоже в своём роде успокоительное средство.

Вот так. Думаешь, что общаешься с вполне нормальным человеком, а тут вдруг выясняется, что перед тобой сумасшедшая. И ладно бы она держала свои мысли при себе. Какая наглость — позволить себе подобное высказывание!

Мне вообще везёт на неадекватных людей. Возможно, не только мне. Полоумных вокруг не счесть. Однажды я поехал к художнику за заказанной картиной, а мне на полном серьёзе говорят: «Он вышел в окно». С какого этажа, спрашиваю. С третьего. Ну, это ещё куда ни шло... Жив? Жив. Только с переломом ноги и руки в больницу попал. Но картина, написанная им, восхитительна. «Безумное море» — я именно так бы её назвал.

Моя бывшая жена — тоже ненормальная. В окно она, правда, не вышла, но, пока жили вместе, у нас был настоящий сумасшедший дом. Вещи — в ломбарде, а денег всё равно нет. «Зачем, — спрашиваю, — ты сдала золото в ломбард? Его ведь теперь выкупать придётся!» — «Ой, — говорит, — ты знаешь, я видела такую кофточку, ну, такую кофточку! Ты мне денег не даёшь, а упустить её нельзя...» Почему же нельзя? Ради кого покупается

эта уникальная кофточка? Не для любовника ли? Я предпочитаю женщин без всего, а не в кофточках.

Нет, мне всё же интересно, на основе чего эта нахалка пришла к выводу, что я убил жену? Про развод я ей рассказал, про делёж имущества — тоже. Когда бывшая приехала за буфетом, я ей спокойно объяснил, что не будем же мы его распиливать пополам. Надо сдать в комиссионный магазин, а продадут — поделим деньги поровну. После моих вполне разумных слов эта безбашенная явилась в моё отсутствие с каким-то работягой и циркулярной пилой и распилала буфет. Загрузили половину буфета (массив дуба) на грузовик и увезли... Назло мне.

Кроме того, она прихватила с собой и «Безумное море». Аномалия притягивает аномальных... «А картину почему ты заодно не распилала?» — поинтересовался я, позвонив ей. «Ой, так это же шедевр... Я её в ломбард сдала. Выкупишь, если она тебе нужна...»

О том, что жена год назад утонула, я ни словом попутчице не обмолвился... Или всё-таки сказал? Слушать эта особа умеет, вот и трещал, как тетерев на току.

От расследования отказались, дело ясное — несчастный случай. И всё же что-то этой бабе известно. Кого же она мне напоминает?..

Так. Теперь спокойно расставим всё по полочкам. Где она села в поезд? Там же, где и я. Могло ли быть так, что это продуманный ход? Вполне. Подсадная утка? Расчёт на то, что разоткровенничаюсь с попутчицей? Не зря же она на «Крейцерову сонату» намекала. Что там главное, в «Сонате»? Ревность? И у меня — ревность... Потому и развёлся.

Вернее, на развод подала жена. Ей надоело передо мной отчитываться... Так она сказала. Нет, не я утопил её. Никакого насилия. Подпоил — это да, было. И искупаться тоже я предложил. Но тут нет состава преступления. Все взрослые люди. Все отвечают за себя сами... Так что... никого я не убивал. И бояться мне нечего. Могу смело вернуться в купе и, если идиотка снова понесёт этот бред, расхожусь ей прямо в лицо.

Я рассчитался с официанткой и вернулся по трясущимся узким коридорам к себе. Открыв дверь купе, увидел, что попутчица куда-то вышла, наверное, в туалет, так как остановок за это время не было. Я сел и взял в руки газету, которую начал было

читать во время отправления поезда. Но в купе вошла эта особа, и я отложил газету в сторону.

Я и теперь не мог сосредоточиться, бросил газету на стол и стал ждать возвращения попутчицы. Мне не терпелось продолжить беседу и... расхохотаться ей в лицо.

Она всё не появлялась, и, когда моё терпение лопнуло, я пошёл сам её искать. Оба туалета в вагоне были свободны.

Проводник сидел в своём маленьком закутке и читал газету.

— Извините, вы не знаете, куда ушла дама из моего купе? — спросил я.

Он уточнил, из какого именно, заглянул в список пассажиров и удивлённо сказал:

— Так вы же один едете. Там никого, кроме вас, и не было.

Я молча смотрел на него.

— Вам скучно? Почитайте газету, — предложил он. — Тут есть одна интересная статейка. Мы раздаём газеты пассажирам бесплатно. Перед отправлением во всех купе разложили на столики.

Я вернулся к себе и дрожащими руками развернул газету.

Долго тупо смотрел на заголовок статьи: «Скелеты в шкафу».

Убить друга

Я не спешу.

Зачем торопиться? Ведь от того, как я совершу это преступление (мне не нравится это слово, но слово «убийство» нравится ещё меньше), зависит слишком многое: разбогатею ли я, наконец, вернётся ли Кристина, а главное, останусь ли я на свободе.

Время работает на меня — Алекс всё больше толстеет и стареет, Марта всё чаще заглядывает в бутылку.

Впрочем, наблюдать за тем, как человек строит дом, полагая, что строит его для себя, а на самом деле — для меня, — ни с чем не сравнимое удовольствие, которое имеет смысл растянуть.

Я готовлюсь уже два года, и есть все основания считать, что их особняк у меня уже в кармане. Возможно, даже и без моей помощи Алекса хватит апоплексический удар.

А Марта всё чаще останавливает на мне немного недоумевающий, слегка смущённый взгляд. Конечно, только тогда,

когда Алекс выходит на кухню за выпивкой (он прячет бутылки от Марты на антресолях, наивно полагая, что это хороший тайник, и выдаёт ей строго лимитированные дозы). Он и не догадывается, какие напитки приношу ей я, когда он отлучается в командировку. И как мы вместе поругиваем его за скаредность. Марте кажется, что именно из-за жадности он наливает ей только две рюмки. Я с удовольствием ей подпеваю и наливаю, сколько она хочет. А хочет она всю бутылку. Потом хочет, чтобы я сходил в магазин и принёс следующую. Я ничего не навязываю, всего лишь исполняю желание.

Вся загвоздка в том, как потом избавиться от Марты. К Алексу я не испытываю ни капли жалости. Он ничем не лучше меня, а всё в этой жизни досталось почему-то ему.

Даже Марта. Какая это была красавица! Теперь же ей удалось сохранить только улыбку. Странно. Неужели мне жаль Марту? Но стоит вспомнить Кристину, и мне не до Марты. В конце концов, в своё время Марта предпочла Алекса, хотя я на десять лет моложе, и оскорбила меня, сказав, что Алекс — человек деловой, а я — легкомысленный бездельник.

Плохо же она меня знает. Например, я уже целый год посещаю тренажёрный зал, ни разу не пропустил. Приходится тратиться, залезать в долги, но делать это незаметно, чтобы Алекс ничего не заподозрил. Кто-кто, а уж он в эти роскошные хоромы никак не вписывается. А ещё говорят, что дом, как и собака, всегда похож на хозяина, некая эманация его внутреннего мира во внешний. Мне же надо не только соответствовать моему будущему дому, но и сразить Кристину наповал.

Этот благодушный дурак Алекс доверяет мне целиком и полностью. Объясните, почему дураки в наше время зарабатывают огромные деньги? Ответ прост: значит, настало время дураков.

Мне же не приходит в голову доверять людям. Я не доверяю даже Кристине. Ей — особенно. Она моё наваждение, моя цель, а может быть, моё проклятие.

Рекс намного умнее своего хозяина. Этот пёс меня на дух не переносит, пристально наблюдает за каждым моим движением, словно подозревает, что я собираюсь свистнуть хозяйскую серебряную ложку. Успокойся, Рекс, ложка мне не нужна, я играю по-крупному. Но тебе, псина, тоже не жить.

Да, и ещё вопрос: зачем Алексу деньги? Красивый костюм он не купит — нет такого размера. И любовницы у него нет, что совсем не удивительно — он болен «зеркальной болезнью». Ну, вы знаете эту шутку — это когда у мужчины такой живот, что он может увидеть кое-что только в зеркале.

И Марту наряжать — всё равно что наряжать корову. Впрочем, у Марты прекрасные грустные, хоть и коровьи, глаза...

Я не просто люблю, я буквально помешан на Кристине, но когда мы поженимся (она и не подозревает, что мы поженимся, что я спланировал её жизнь точно так же, как спланировал смерть Алекса и Марты), я не буду отказывать себе ни в чём. У меня обязательно будут любовницы.

Пару раз Алекс пытался сесть на диету. Оказывается, ему всё-таки не безразлично, когда стрелка весов заходит за отметку «сто». Но где-то на третий день я являлся к ним в гости с его любимым блюдом — шашлыком, замаринованным по моему эксклюзивному рецепту. Приговаривая: «Ты голодай, а мы с Мартой хотим нормально поужинать», я затевал каминный вечер в их доме, в той части, которая уже готова.

«Нет уж, — неизменно отвечал Алекс, появляясь в дверях каминного зала и принюхиваясь к запаху готового шашлыка, — диету продолжу завтра. А сегодня — антракт». Я хорошо знаю эти «завтра». Когда Алекс срывается с диеты, то возвращается к ней не раньше, чем через месяц, а то и полгода, поэтому, можно сказать, расходы мои невелики. Кроме того, это скорее не расходы, а инвестиции, если вдуматься в их истинный смысл.

Алекс помешан на строительстве не меньше, чем я на Кристине. При мысли, что он «отдаст концы» раньше, чем достроит дом, меня охватывает лёгкая паника — я знаю, что не осилю начатое им. Конечно же, дом он строит не сам, а руководит рабочими, но вечно ими недоволен, ругает и выгоняет одну бригаду за другой. В чём его никак не упрекнешь — он прекрасно разбирается в чертежах, тогда как я в этом ничего не смыслю. Мне трудно представить, как всё будет выглядеть «в натуре». А он сразу говорит: да, на чертеже выглядит неплохо, а на деле коридор слишком узкий, вот об этот угол все будут стукаться... Но вот беда, по ходу строительства он эти чертежи всё время меняет, его постоянно охватывают новые идеи, как усовершенствовать дом. Теперь он планирует часть крыши третьего этажа сделать

стеклянной и разместить там оранжерею. Зимнего сада на первом этаже ему уже мало.

Зачем ему столько? Плодиться и размножаться они с Мартой не могут, ни детей, ни внуков у них нет.

Однажды я не выдержал и спросил у него:

— Зачем вам с Мартой так много?

Он просто не умеет сидеть сложа руки, был ответ. Кроме того, ему это, понимаете ли, нравится.

— А тебе не понравилось бы слетать куда-нибудь на Майорку, на Канары? При твоих возможностях...

— Мне гораздо интереснее создать Канары здесь, — глазом не моргнув, ответил Алекс. — И я это сделаю. Тебе, конечно, не понять, ты сибарит. Твой идеал — посидеть, потреться с друзьями в баре, выпить, покурить... Короче, убить время.

«Убить — вот единственное, что ты сказал правильно, друг мой Алекс».

Но разговор о Канарах не прошёл зря.

Теперь он носит с идеей устроить в своём доме, на южной его половине, зимний сад с пальмами. Ну-ну, посмотрим. Марта — такой садовод-любитель, что у неё засох даже кактус, который я подарил ей на Рождество. Кто будет поливать эти пальмы? Кстати, их необходимо ещё и опрыскивать раз в неделю. В этом уж я разбираюсь, работал однажды всё лето в садовой артели, переживая, когда найдётся что-нибудь поприличнее.

У Алекса беспрестанно звонит мобильный телефон, он постоянно ругает кого-то, кричит:

— Вы что, не могли в магазине проверить? Как они сумели всучить вам не тот оттенок? Я, что ли, должен всё проверять? Хорошо, я поеду! Ах, справитесь сами? Неужели? Я счастлив!

Марта морщится, слушая эти речи, я уверен, в глубине души она считает себя выше Алекса. Её любимое занятие — налить себе чашечку кофе, прикурить сигарету и раскладывать пасьянс, спрятав рюмку с ликёром между журналами на диванном столике или опрокинув её в чашку с кофе.

Алекс уезжает, опасаясь, что без его контроля на объекте обязательно что-нибудь покрасят не в тот цвет, а я достаю бутылку «Куантро», и мы с Мартой располагаемся за столиком у камина.

— Хочешь, разложу пасьянс? — спрашивает она, оживляясь после первой рюмки. — У тебя есть какая-нибудь мечта?

— Да, Марта, есть, — печально и загадочно говорю я и смотрю ей прямо в глаза.

Она вспыхивает и опускает глаза. Тут появляется проклятый Рекс, ложится на ковре у её ног и начинает сопровождать недобрым взглядом каждое моё движение.

— Марта, когда в доме имеется двор, псу надо находиться там. Я понимаю, люди держат собак в городской квартире, им просто некуда деться, а у вас такой огромный дом...

— Ох, скорее бы уж он достроил этот дом, — говорит Марта. — Мы всё строим и строим, а так хочется, наконец, начать жить... Рекси, выйди вон, иди во двор, солнце светит, птички поют...

Интересно, что она подразумевает под этим «начать жить»? Что изменится в её жизни, когда дом будет готов? Думаю, она точно так же будет раскладывать пасьянс, только в большой комнате на втором этаже — в общей спальне, кстати, там тоже будет небольшой камин... Перенесёт туда своё тучное тело, и всё. Я имею в виду, так было бы, если бы не я и мои планы.

А вот лично для меня изменится абсолютно всё. Алекса уже не будет, и я женюсь на Марте. Цирроз печени — дело недолгое, если вести себя так, как она. Я получу наследство, а потом женюсь на Кристине. Вот это — мой пасьянс. И ничто меня не остановит.

— Рекс, пошёл вон! — кричу я более грубо, чем мне хотелось бы.

Он огрызается, слегка оскаливает пасть, но поняв, что хозяйка на моей стороне, небрежно удаляется на кухню.

Я иду следом, выпроваживая его во двор, и злорадно шепчу: «Тебе всё равно не жить, псина».

— Я всё хочу спросить, ты только не обижайся, — говорит Марта, когда я возвращаюсь, — как у тебя обстоят дела с Кристиной? Что-то давно ты её не вспоминаешь. Прости, если тебе неприятен этот вопрос...

— Знаешь, Марта, я пришёл к выводу, что худые женщины вовсе не в моём вкусе, — и я многозначительно смотрю на Марту, вгоняя её в лёгкую краску.

— Ты её разлюбил? А мне казалось, ты буквально помешан на ней. Такое чувство не проходит. Никогда! — В этот момент мне хочется прижаться к её груди и расплакаться. Как она меня понимает! — Глядя на её ярко-красные когти, как-то жутко становилось, — продолжает Марта. — Какая-то она вся остро-

угольная и похожа на осу. Мне кажется, ты сумеешь найти себе хорошую жену.

— Надеюсь, — говорю я и, тяжело вздохнув, смотрю ей нежно в глаза. — Но где искать такую, как ты?

Марта густо краснеет. Я вижу, что ей приятны мои слова.

А время идёт. Впереди — снова праздники, город весь в новогоднем убранстве, опять надо искать подарки. Ну, наконец-то...

Строительство дома продвинулось за этот год неожиданно быстро. Может, на Алекса подействовали мои бесконечные насмешки, что его дом, как дом Большой Черепахи, или же дом, который никогда не достроится, как и сам Таллин. Но, как бы там ни было, всё уже почти готово.

Я не спрашиваю, сколько теперь весит Алекс, и так знаю, что он покупает одежду на два размера больше. И шнурки на ботинках сам завязать больше не может, ему помогает Марта. Иногда — я.

— Приятно, — говорю я, садясь за праздничный стол, — когда всё идёт по плану. За нас и за свершения!

В комнате тепло и уютно, в камине весело полыхает огонь. Но что происходит? Впервые в жизни Марта не поднимает рюмку вместе с нами!

— Я не буду пить, — извиняющимся тоном произносит она.

— Это же твой любимый ликёр, Марта, ты что?

— Теперь, когда дом готов, я решила более осторожно относиться к алкоголю. Наша мечта, наконец, сбылась — у нас с Алексом будет ребёнок, — я даже поперхнулся от неожиданности. — Точнее, двое детей. Мы ездили в детский приют, и нам позволили усыновить детишек — брата и сестру.

— Вы с ума сошли?! Там же проблемные дети!

— Мы с Алексом тоже проблемные, — смеётся Марта. — И всё равно, им будет с нами лучше, чем там. Документы оформлены, и как раз на Новый год детишки переселятся к нам. Они уже совсем большие — девочке семь, мальчику восемь... Мы будем заботиться о них, научим быть такими же заботливыми. Думаю, дети будут помогать Алексу завязывать шнурки, — весело подмигивает мне она.

Я молчу. Они меня *убили*... ☹

СЧАСТЛИВЫЙ И НЕСЧАСТНЫЙ...

Евгения Гордиенко

Браться за перо или — в современном варианте — опускать руки на клавиатуру, чтобы написать о Достоевском, — занятие неблагодарное. Кажется, что сказано уже всё. Уже все странички биографии изучены, не осталось ни одного дня, который бы дотошные биографы не разобрали на часы и минуты. Однако... всегда что-то есть. Всегда есть что вспомнить о человеке, который уже полтора века справедливо считается «лицом русской литературы» на Западе.

Однако не столько о литературном гении Достоевского хочется поговорить. Хочется увидеть человека — сына, брата, возлюбленного, мужа, отца, каторжника... Просто человека — счастливого и глубоко несчастного.

Мария и Федаша

Первая женщина, в которую без оглядки влюбляется всякий мальчишка, конечно, мама. В семье Достоевских в Марию Фёдоровну были влюблены все: и муж, Михаил

Андреевич Достоевский, уважаемый врач, и дети — их в семье было семеро, и прислуга, безмерно почитавшая «барыню» за почтительность к мужу, за любовь к детям и невероятную скромность и богобоязненность.

Фёдора — второго из семерых детей — в семье называли Федашей. Назвали его так в честь отца Марии Фёдоровны — купца Федора Тимофеевича Нечаева. Он частенько заходил в дом младшей дочери — побаловать внуков да поговорить с дочерью и зятем.

Федашу любили не только родители и бабушка. Нянька Алёна Фроловна, вырастившая всех детей Достоевских, смотря в его ясные глазки, говаривала: «Счастливым, видать, будет... А впрочем, бог рассудит!».

Фёдор был любимчиком матери. Она позволяла и лишний пряник, и катанье с горки, и гулянье. Не тайком от отца, разумеется, — такого Мария Фёдоровна себе бы никогда не позволила, просто разрешая иногда верной Алёне Фроловне чуть побаловать ребёнка.

Дом Достоевских никогда не был богатым. Вот что вспоминает один из братьев Фёдора, Андрей Михайлович, о квартире на Божедомке (ныне улица Достоевского): «Обстановка квартиры была очень скромная: передняя с детской окрашены темно-перловою краскою; зал — желто-канареечным цветом, а гостиная со спальней — темно-кобальтовым цветом... Три голландские печи громадных размеров сложены из так называемого ленточного изразца (с синими каёмками)... Меблировка тоже очень простая. В зале стояли два ломберных стола (между окнами), хотя в карты у нас в доме никогда не игравали... Далее помещался обеденный стол на середине залы и дюжины полторы стульев берёзового дерева под светлую политурую и с мягкими подушками из зелёного сафьяна...

...Гардин на окнах и портьер при дверях, конечно, не было, на окнах же были прилажены простые белые коленкоровые шторы без всяких украшений.

Ясное дело, что при такой небольшой квартире не все члены семейства имели удобные помещения. В полутёмной детской, которая расположена была в заду передней, помещались только старшие братья. Сестра Варя спала на диване. Что же касается до меня, а позднее до сестры Верочки, то мы, как младенцы,

спали в люльках в спальне родителей. Няня же и кормилицы спали в тёмной комнате, имевшейся при спальне родителей».

Но всё же, несмотря на скромность жилища, дом был «полной чашей». Держался он на уважении к отцу, на любви между Михаилом Андреевичем и Марией Фёдоровной, на том, что теперь называют «семьёй патриархальной».

И потому страшным и тяжёлым был тот день, когда Марии Фёдоровны не стало. Федаше тогда было пятнадцать, и он понял, что дом — закончился. Бесповоротно.

Михаил Андреевич, будучи врачом, видел, как постепенно угасает от чахотки жена, но при этом знал, что сделать ничего не может. Периодические выезды семьи в имение Даровое (старшая сестра Марии Фёдоровны Александра, бывшая замужем за богатейшим купцом Куманиным, как-то заметила: «Подаренная деревня? Никому не нужна?») не помогали. Осенью 1836 года мать из деревни привезли уже с трудом. Она пережила зиму, а в феврале велела остричь себе косы, наказав сестре положить их в гроб, и благословила детей. Всё сделала по правилам. И оставила их.

Учёба

Дома не стало. Двух старших сыновей — Михаила и Фёдора — отец определил в военное училище. За прочими обещала присматривать тётка Александра Куманина. Не имевшая своих детей, зато в изобилии имевшая деньги, Александра Фёдоровна не уставала баловать племянников, считая, что раз им бог послал отца строгого, пусть хоть от тётки получают они и конфет, и гуляний...

Петербург, позже ставший одним из главных героев Достоевского, поразил юного Фёдора Михайловича своим размахом и мрачностью. Мрачным был и Инженерный замок, где предстояло учиться, разумеется, предварительно сдав экзамен. Однако попасть на бюджетное, как сказали бы теперь, отделение Фёдору не удалось. Можно было учиться, но уплатив огромную для Достоевских сумму — 1000 рублей. Её согласилась внести Александра Фёдоровна, и обучение началось.

Ротный офицер Достоевского вспоминал: «Он настолько был не похож на других его товарищей, во всех поступках, наклонностях и привычках... что сначала всем это казалось странным, ненатуральным и загадочным, возбуждало любопытство и недоумение, но потом, когда это никому не вредило, начальство и товарищи перестали обращать внимание на эти странности. Фёдор Михайлович вёл себя скромно, строевые обязанности и учебные занятия исполнял безукоризненно».

Он старался и учился, редко участвовал в общих шалостях, скорее отговаривал товарищей от них. Однако первое же годичное испытание он провалил и остался на второй год. Отчаянию его не было предела. Но снова помогла Александра Фёдоровна, точнее, ее супруг — он сыскал связи и сообщил, что «больше Федашу на второй год не оставят».

И действительно, больше не оставляли. Но военная карьера всё равно не получилась. Фёдор Михайлович Достоевский должен был стать ординарцем, и для этого нужно было представляться великому князю Константину Павловичу — обратиться к нему «Ваше императорское величество». А он возьми и скажи: «Ваше благородие». Вот такая вышла незадача...

А вскоре из Дарового пришла весть о странной смерти отца. По официальной версии, его нашли в поле: жаркий день, человек немолод, после смерти жены много пил... Но ходили слухи, что Михаил Андреевич, чей характер после переселения в Даровое решительно испортился, поспорил о чём-то со своими мужиками, те его и порешили...

После смерти отца у Достоевского случился первый приступ эпилепсии, которая не оставляла его до конца жизни.

Петербург

Окончив училище, Достоевский поселился на Караванной улице и был зачислен в инженерный корпус при чертёжной Инженерного департамента. На службу ходил исправно, но друзей среди коллег не заводил, довольствуясь в свободное время любимым увлечением — литературой.

К 1844 году он окончательно понял, что быть военным — не его стезя, и подал в отставку. В это же время стал членом

литературного кружка в Петербурге, где близко познакомился с именитыми литераторами тех лет — Некрасовым и Белинским.

Но, помимо литературных, Федор Михайлович начал заводить и другие знакомства, которые повлияют на его жизнь ничуть не меньше, а, может быть, даже и больше. Он встретил первую, хоть и несколько запоздалую любовь — Авдотью Панаеву.

Об этой особе стоит сказать отдельно. Русская писательница, дочь актёров, жена малоизвестного писателя и возлюбленная знаменитого Некрасова, Панаева царила в литературных салонах времен Белинского и Добролюбова. Её мало интересовали мужчины, зато писатели — очень даже. И именно после выхода своего первого романа «Бедные люди», принёсшего Достоевскому популярность, он смог бывать на литературных вечерах и смотреть на обожаемую красавицу. Однако Панаева была увлечена Некрасовым.

И Достоевский, чтобы привлечь её внимание, быстро написал второй роман «Двойник». Однако спешка не лучший советчик, роман успеха не получил, более того, Достоевского стали считать выскочкой, и он понял, что вход в литературные салоны, а главное, в сердце красавицы Панаевой, ему теперь закрыт.

«Про себя скажу, что я решительно не знаю, что ещё со мной будет. Денег у меня нет ни копейки... Я пишу и не вижу конца работе... Скука, грусть, апатия...» — писал Фёдор Михайлович брату Михаилу.

От скуки он однажды и заглянул на вечер в кружок петрашевцев...

Что было далее — хорошо известно. Арест, ожидание вердикта, мучительные приготовления к казни. И, по жестокому повелению императора, помилование в последнюю минуту. Смерть заменили каторгой.

В другом письме Михаилу Достоевский написал: «... Брат! Я не уныл и не упал духом. Жизнь везде жизнь, жизнь в нас самих, а не во внешнем. Подле меня будут люди, и быть человеком между людьми и остаться им навсегда, в каких бы то ни было несчастьях, не уныть и не пасть — вот в чём жизнь, в чём задача её. Я осознал это. Эта идея вошла в плоть и кровь мою. Да, правда! Та голова, которая создавала, жила высшею жизнью искусства, которая создала и свыклась с возвышенными

потребностями духа, та голова уже срезана с плеч моих. Остались память и образы, созданные и ещё не воплощённые мной. Они изъязвят меня, правда! Но во мне осталось сердце и та же плоть и кровь, которая так же может и любить, и страдать, и желать, и помнить, а это всё-таки жизнь!»

Ссылка

Четыре года каторги для Достоевского были скрашены общением с теми, первыми, каторжниками, каторжниками Сенатской площади. Позже Достоевский писал: «Ссылльные старого времени (то есть не они, а жёны их) заботились об нас, как о родне. Что за чудные души, испытанные 25-летним горем и самоотвержением. Мы видели их мельком, ибо нас держали строго, но они присылали нам пищу, одежду, утешали и ободряли нас...»

В 1854 году Фёдора Михайловича отправляют рядовым в линейный батальон города Семипалатинска. Впрочем, город — довольно громко сказано. Небольшое поселение, где, однако, существовала и своя светская жизнь, высшее семипалатинское общество, среди которого по приезде и начал вращаться, благодаря литературной известности, Достоевский.

Знакомствам, завязанным здесь, рядовой Достоевский обязан получением 1 октября 1856 года офицерского чина, а немногим ранее ему был возвращён дворянский титул.

Женитьба и разочарование

В Семипалатинске Достоевский встретил и свою будущую жену — Марию Дмитриевну Исаеву. Для него это была скорее не любовь, а тоска по дому, по женской ласке, для неё — решение множества проблем. Её муж много пил, отчего вскоре и умер. Марии Дмитриевне, выросшей в обеспеченном доме, остаться без мужа, да ещё и с сыном на руках, было тяжело. А тут ещё учитель сына, бедняк Вергунов, стал свататься. Конечно, куда лучше было согласиться на предложение господина Достоевского — офицера с достаточным жалованьем...

В первую брачную ночь произошёл случай, который едва ли добавил счастья этому союзу. У Достоевского вследствие нервного напряжения случился приступ эпилепсии. Тело, бьющееся в конвульсиях на полу, пена, текущая из уголков его рта, — увиденная картина навсегда вселила в новоиспечённую супругу оттенок некоего отвращения к мужу...

В 1860 году супруги переехали в Петербург, и Достоевский снова окунается в мир литературы. Он становится руководителем политического журнала «Время», которым занимается вместе с братом Михаилом. Однако журнал просуществовал всего пару лет, после чего был закрыт цензурой...

Но Достоевский за это время успел познакомиться с молодой Аполлиной Суловой, пылкой и страстной, интеллектуальной и независимой, — в общем, полной противоположностью Марии Дмитриевны. Любительница всего революционного, Сулова сразу влюбилась в вернувшегося из политической ссылки Достоевского.

Впервые почувствовав себя любимым, Достоевский, несмотря на существование Марии Дмитриевны, сделал Аполлины предложение, но та отказала ему и уехала с другим мужчиной в Париж.

Федор Михайлович бросился следом за ними, и, хотя путешествие продолжилось уже вдвоем, Сулова была холодна с Достоевским. Он — совсем не то, чего она ожидала. Не противник режима, не революционер, а просто немолодой усталый человек, по-прежнему желающий тепла. Ей же такой был не нужен...

Чтобы отвлечься от мыслей о любимой женщине, Достоевский серьёзно увлёкся игрой. Со временем он проиграл всё, включая и драгоценности Аполлины. Естественно, любовные отношения окончательно сошли на нет, однако Достоевский и Сулова ещё долго продолжали переписываться...

Ещё одна жена

1864 год — тяжёлый для писателя. Умирает любимый брат Михаил, умирает от чахотки жена. Остаются одни долги — свои и брата.

Достоевский понимает всю безысходность положения. Но на всякую беду находится свой покупатель. Им стал известный

петербургский издатель Стелловский, предложивший Достоевскому три тысячи рублей за издание его трёхтомного сборника. Дополнительным пунктом к договору являлось обязательство писателя в счет уже заплаченных денег написать новый роман, рукопись которого необходимо было предоставить не позднее 1 ноября 1866 года. В противном случае Стелловскому переходило исключительное право собственности на все произведения. Достоевский, конечно, соглашается — другого выхода у него нет.

К началу октября не было написано ни строчки. По совету друзей он решает прибегнуть к помощи стенографистки. Так в доме появляется Анна Григорьевна Сниткина. Работа продвигалась так быстро и так успешно, что к нужному сроку роман был готов. Шутка судьбы — это роман «Игрок», роман об игре, которая и загнала Достоевского в такой коварный угол.

После окончания работы над романом Фёдор Михайлович очень не хотелось расставаться со стенографисткой. Между ними завязались особые, очень тёплые отношения, и в феврале 1867 года Анна становится женой писателя.

Однако жить в России супругам очень тяжело, и прежде всего Анне Григорьевне — на неё насаждает сын Марии Дмитриевны Пётр Исаев, считавший, что с новой женьбой отчима его содержание станет намного меньше. Недовольство новой невесткой выражала и жена покойного брата Достоевского, Эмилия Федоровна. Она везде и всюду злословила о руках, «ничего не умеющих делать по дому».

В конце концов Анна уговорила Достоевского уехать жить в Европу, даже не подозревая, чем это грозит семье...

Во время трёхлетних скитаний происходит много того, что мы назвали бы «семейной хроникой». В Женеве умирает первенец Достоевских — дочь Соня. В Дрездене рождается вторая дочь — Люба. Оставив жену с новорождённой, Фёдор Михайлович едет в Гамбург, где... снова начинает играть и проигрывает все семейные сбережения, деньги, взятые у друзей займы, закладывает золотые часы.

Анна Григорьевна отнеслась ко всему этому достаточно терпимо, понимая, что противостоять пагубной страсти муж не в силах. После одного крупного серьёзного разговора он клятвенно пообещал больше не играть, и супруги решили переехать в Баден-Баден. Но... здесь всё пошло по своему кругу заново.

Александр Аннин

Коттедж с видом на убийство

Пролог

Март 1991 года

Московский уголовный розыск

Старший оперуполномоченный МУРа Максим Бурцев в который раз перечитывал сообщение, поступившее от коллег из областного управления внутренних дел. Суть этой «цидульки» сводилась к следующему: в Домодедовском районе лыжник обнаружил в рощице неподалёку от магистрали трупы двух девушек с огнестрельными ранениями в голову. При них были простенькие золотые украшения, немного денег и документы. Областные стражи порядка без труда установили, что восемнадцатилетняя Ольга Бурцева и её ровесница Юлия Денисова работали медсёстрами в местной районной больнице. Обе проживали в общежитии медиков.

Казалось бы, ну и что? При чём тут, спрашивается, московский уголовный розыск? Трупы обнаружены в области, потерпевшие

проживали и работали в Домодедово. Вот пусть подмосковная милиция и распутывает это гиблое дело.

Всё вроде так, да не совсем. Было одно обстоятельство, и весьма существенное, которое требовало подключения столичных коллег. А именно: содержимое сумочек погибших девушек наводило на мысль, что скромное жалование медсестры вовсе не было основным источником дохода для Ольги и Юлии. Обилие презервативов и порнографических фотографий с изображением самих потерпевших (разумеется, тогда ещё живых и сексапильных), дало подмосковным следственным органам основание предположить, что погибшие девицы подрабатывали проституцией.

Именно поэтому областные «пинкертонеры» и поспешили свалить заведомый «висяк» на москвичей. И, между прочим, законно ссылались при этом на чёткое предписание генеральной прокуратуры.

Дело в том, что в столице за последнее время, а точнее в течение полутора месяцев, были совершены уже четыре аналогичных убийства. Некий маньяк выстрелом в голову методично убивал молодых девушек, выходивших «погулять» для знакомства с мужчинами.

Маньяка-невидимку муровские оперативники уже окрестили Абдуллой: на месте совершения преступлений были обнаружены окурки редких и весьма недешёвых сигарет «Абдулла». И ещё — все четыре убитые в Москве девицы были явно азиатского происхождения, но, похоже, как женщины они маньяка Абдуллу не возбуждали. Он не вступал в связь со своими жертвами, а просто брал спиртное и отвозил девушку в укромное место, каких в Москве пруд пруди. В результате очередная доверчивая Гюльчатай оставалась лежать в кустах, а то и в мусорном баке, с простреленной головой.

Маньяк действовал согласно некоему «расписанию» — все убийства совершал по воскресеньям, раз в две недели. И как только наступал очередной «урочный час», к Бурцеву было лучше не приближаться. Он ждал сводки происшествий, нервно расхаживая по кабинету. И дождался — позвонили из дежурки: обнаружен труп черноволосой девушки с пулевым ранением в голову...

При совершении убийств Абдулла использовал один и тот же, как показала экспертиза, пистолет Макарова. Максим Бурцев, считавшийся лучшим муровским аналитиком, пришёл

к определённым выводам. Скорее всего, серийный убийца — психически больной офицер, а может, уже вышедший в отставку. Похоже, Абдулла когда-то воевал в Афганистане, где какая-нибудь афганка заманила в смертельную ловушку фронтового друга Абдуллы, и теперь он мстит за погибшего товарища. А за неимением в Москве афганских девиц убивает тех, кто под рукой, — узбечек и таджичек.

И второе. То, что убийства совершались с одинаковым промежутком во времени, и именно по выходным, могло означать, что маньяк по каким-то причинам не имел возможности выходить на свою охоту в другие дни. Связано ли это с особенностями его работы? Возможно...

В целом информации, казалось бы, скопилось достаточно, чтобы в короткий срок вычислить Абдуллу. Уже были разосланы запросы во все необходимые инстанции, а главное — в военное ведомство. И вдруг — на тебе: двойное убийство девиц лёгкого поведения в Подмосковье. Экспертиза установила, что на этот раз они были застрелены не в воскресенье, а в субботу. Абдулла изменил «расписание» и географию? Или что-то резко поменялось в его жизненных обстоятельствах?

И ещё одна неувязочка. Из двух девушек, обнаруженных в подмосковном лесу, только одна здорово смахивала на азиатку, вторая имела чисто русскую внешность. Странный маньяк... Разве что блондинка была устранена «за компанию», как свидетельница.

Во всяком случае, Бурцеву предстояло отправиться в Домодедово и разобраться на месте. Вместе с ним и ещё одним оперативником в область выехал следователь московской городской прокуратуры Пётр Ванников, так как дело взяла под свой контроль Генпрокуратура СССР.

*Домодедовский район
Секретный НИИ Министерства обороны СССР*

Солнце светило почти по-летнему, но было зябко и ветрено. Четыре оранжевых теннисных корта, обнесённых высооченным ограждением из рабицы, пустовали с осени. Но сейчас к ним неспешно приближались две невзрачные фигуры в серых импортных

пуховиках и вязаных шерстяных шапочках. Тот, что пониже, — Альберт Васильевич Жучинский, сорокапятилетний заместитель директора по режиму и оргвопросам, шумно высморкался и шуточно проворчал:

— Пришёл марток — надевай трое порток, как говорила моя покойная бабушка. И почему это я в январский мороз могу без шапки ходить, а в марте непременно простужаюсь? Как ни кутайся...

— Я факс получил, — спокойно, с расстановкой произнёс директор НИИ академик Анатолий Семёнович Ардашкин, поджарый аскет лет шестидесяти со шкиперской бородкой и бесцветными глазами. — От Конторы. Завтра приезжает комиссия с проверкой.

— Что-то они зачастили... Никак понравилось у нас? — невесело усмехнулся Жучинский.

— Могут возникнуть проблемы, Алик...

— Состав комиссии тот же? — деловито осведомился Жучинский, доставая пачку сигарет.

— Да вроде бы... — неопределённо ответил Ардашкин.

— Тогда какие проблемы, Толя? Эти престарелые олухи царя небесного ни бельмеса не понимают. Прорвёмся, не первый раз, в конце концов!

— Слушай, Алик, по-моему, это ты ни бельмеса не понимаешь! — сквозь прищур посмотрел на него Ардашкин. — Завтра здесь будет генералитет, а тут крутится этот следователь из московской прокуратуры. Но это ещё полбеда. Он у меня особого беспокойства не вызывает. А вот муровский оперативник Бурцев просто достал меня до самых печёнок. Сегодня опять заходил «побеседовать».

— Роет землю, стало быть... — задумчиво пробормотал Альберт Васильевич. — Меня он пытал чуть не полтора часа. Слушай, как они ухитрились получить допуск на территорию нашего НИИ? Почему Язов подписал? Что вообще происходит? Может, там, — он ткнул пальцем в небо, — специально нас подводят под монастырь?

— Просто времена изменились, Алик, — вздохнул Ардашкин. — Я звонил в Контору, Самому... Обрисовал ему ситуацию... Думал, он вмешается. Ни хрена! Сказал, что ничего с прокуратурой поделывать не может. Не его епархия, видишь ли!

В учёном мире практически никто не имел понятия, каким таким образом Анатолий Ардашкин ещё при Брежневе «получил академика», не достигнув даже каких-то несчастных пятидесяти лет и, между прочим, минуя степень членкора. Но многие, конечно, догадывались, на кого он пашет и какого рода научные разработки числятся за Анатолием Семёновичем. Корректировка поведения, психики, подавление или усиление эмоционально-волевой сферы деятельности головного мозга — вот многолетний профессиональный конёк нынешнего директора секретного НИИ. В картотеке КГБ Ардашкин числился под кодовым именем «Корректировщик». И, естественно, возглавляемое им ныне учреждение имело весьма условное отношение к Министерству обороны, хотя и ставило своей задачей достижение военного превосходства над противником.

Когда-то Анатолий Семёнович сумел убедить ряд чиновников высшего ранга, что современной науке и лично ему вполне под силу разработать так называемое психотронное оружие, способное не только парализовать армии противника, но и заставить их выполнять приказы советского командования. Ему поверили — уж больно заманчивой была такая перспектива для гэбэшного, военного и партийного руководства. Академика вызвал тогдашний генсек Константин Черненко.

— Значит, вот что, кха, кха... Говоришь, за три года сделаешь? Кха... — уставился из-под седых бровей на академика генсек.

— Этот срок, три года, я, Константин Устинович, с учётом непредвиденных задержек обозначил, — почтительно сказал Ардашкин. — А реально, думаю, завершим научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы значительно раньше. Вот финансово-экономические и кадровые выкладки, — он протянул Черненко замшевую папку.

— Кхе... — пожевал губами Черненко, рассеянно кивая тяжёлой головой. Эта мимика означала, что он принял решение.

И в 1984 году в тридцати километрах от Москвы были ударно возведены первые корпуса нового закрытого НИИ, директором которого стал Анатолий Семёнович Ардашкин.

Штатное расписание института нормальному человеку показалось бы чем-то из разряда сюрреализма. Сюда нагнали всевозможных магов, экстрасенсов, гуру и прочих «подвижников» оккультизма,

знатоков нетрадиционной медицины разных народов, психиатров, уфологов, телепатов... В институте эту многочисленную, разношёрстную и разноязыкую группу именовали «психами». Все эти люди, по большей части откровенные шарлатаны, ещё вчера не имевшие на что опохмелиться, теперь получали фантастическую по советским меркам зарплату, жили в добротных квартирах институтского посёлка и бесперебойно снабжались дефицитными товарами. Естественно, никакого реального вклада в разработку психотронного оружия они внести не могли, да никто перед ними такой задачи и не ставил. Более того, само словосочетание «психотронное оружие» было для «психов» полной абракадаброй.

Техническое направление было представлено квалифицированными биологами, инженерами-электронщиками, специалистами в области волновой физики, лазерной техники, магнетизма воды и земной коры, метеорологами. Эти тоже звёзд с неба не хватало, но, во всяком случае, хоть чем-то занимались — постоянно что-то вычисляли, измеряли, сопоставляли... Эту группу спецов называли «ремесленниками». Подобно «психам», они никогда слыхом не слыхивали о психотронном оружии, но за семь лет сделали немало реальных открытий и разработок, которые затем успешно применялись в военной авиации, системах ПВО и радиолокации, навигационной технике.

А ещё было в институте человек двадцать по-настоящему талантливых учёных, так называемых «яйцеголовых», помешанных на «чистой» науке. Эти-то и представляли собой действительно секретное ядро НИИ. «Яйцеголовые», как правило, были узкими специалистами в области передачи информации на расстоянии, влияния магнитных и биологических полей на поведение человека и животных, тонких энергетических взаимосвязей между живой и неживой материей, воздействия информационных импульсов на принятие тех или иных решений. Каждый из них подчинялся непосредственно Ардашкину, докладывал о научных результатах только директору института и получал от него новые задания и корректировки.

— Так вот, — с лёгким раздражением посмотрел на Жучинского Ардашкин, — интересно, как, по-твоему, отреагируют члены завтрашней комиссии, когда узнают, что здесь ошиваются Ванников и Бурцев? С какой, спрашивается, стати на объекте появились

представители прокуратуры и МУРа? Бурцев, между прочим, может запросто подкатить к любому из них с расспросами, ведь это те же самые люди, что были здесь месяц назад... Да если они узнают, что тут случилось после их прошлого визита, кого-нибудь из этих патриархов точно удар хватит. А может, и не одного.

— Толя, — положил руку на плечо директора Жучинский, — обещаю тебе, что ни завтра, ни послезавтра эти двое из органов на территории института не появятся. Можешь быть спокоен. Времена сейчас, может быть, новые, но служба безопасности у меня, слава богу, старой закваски. Ни на какую бумажку не посмотрят, если я прикажу кого-нибудь «тормознуть».

— Ладно, — одобрительно кивнул Ардашкин. — Давай по завтрашнему дню. В общем, организуй всё как положено, на высшем уровне. И это... Скажи своему Ходжаняну, пусть девочек на всякий случай подготовит. Пяток. И парочку «на замену». Думаю, хватит. Только чтоб не получилось как в прошлый раз. Пусть набирает «бригаду скорой помощи» из наших лаборанток.

— Сделаем, Толя. Ходжаняну бы не в нашем институте завхозом работать, а сутенёром в Сочи...

Недели три назад, когда из Минобороны приезжала комиссия в составе пяти крупных чинов, случился, прямо сказать, непредвиденный казус, который имел крайне неприятные последствия. После демонстрации «достижений» института началась тривиальная пьянка. А ближе к полуночи один из престарелых генералов намекнул, что неплохо бы разбавить мужскую компанию прекрасным полом. К такому повороту в НИИ не подготовились. И Ходжаняну пришлось срочно выписывать буквально первых попавшихся девочек из близлежащего райцентра — Домодедово. Покинув утром «таинственное святилище науки», девочки принялись восторженным шепотком рассказывать «в кругу завистливых подруг» о минувшей ночи. По райцентру поползли ненужные слухи...

Вскоре Ардашкин по какому-то хозяйственному вопросу встречался с первым секретарём Домодедовского горкома партии Билановым, за которым прочно закрепилось прозвище Билл. Биланов боялся Ардашкина до онемения конечностей, никогда не произносил при нём ни одного лишнего слова, но тут вдруг принялся подробно докладывать, о чём говорят в городе:

какой-то секретный объект, маршалы, заказывающие девочек... «Даже слушать не хочу эту ерунду, — жёстко прервал Биланова академик. — А если вы позволяете таким слухам плодиться в вашем городе, то грош вам цена как первому секретарю».

Вернувшись в институт, Ардашкин немедленно вызвал на ковёр Ходжаняна. Бледный завхоз клялся партбилетом, что «конкретно» проинструктировал провинциальных гейш относительно последствий неразумного использования дара речи. Но что поделаешь, женщины... они и есть женщины...

Ходжаняну было предложено быстренько исправить ситуацию. Уже на следующий день, аккуратно в воскресенье, две девушки были найдены каким-то москвичом-лыжником с пулями в головах. После чего три оставшиеся на этом свете напрочь исключили из своего лексикона такие слова, как «генерал» и «маршал».

«Я не давал Ходжаняну прямых указаний решить проблему столь радикальным образом, — бушевал во время очередной «прогулки» с Жучинским академик Ардашкин. — Может, это всё-таки ты его надоумил пострелять девчонок?» — «Толя, за кого ты меня принимаешь? Я же не мокрушник какой-нибудь, — укоризненно отвечал Жучинский. — Просто он перестарался. Ты запугал его...»

На беду, как уже было сказано, перед этим по Москве прокатилась волна убийств азиатских девушек. Журналисты подняли вой в газетах и на телевидении, а к ним мгновенно подключилась и западная пресса. Генпрокуратура, осуществлявшая контроль за следствием, предписала местным органам правопорядка сообщать в МУР и прокуратуру Москвы об аналогичных убийствах ночных бабочек, чтобы объединить подобные факты в одно дело. Поэтому, когда в области обнаружили два свежих трупа, а местная милиция установила, что потерпевшие были девицами лёгкого поведения, следственно-оперативная бригада появилась в опасной близости к секретному НИИ.

Первое, что предложил Ардашкину Жучинский, — срочно ликвидировать Ходжаняна.

— Значит так, — вынес резюме директор. — Убирать его пока не будем. К тому же на территорию института даже следователь прокуратуры попасть не сможет.

Однако всё получилось иначе, а точнее совсем наоборот. На трёх подружек погибших девушек, выезжавших с ними по вызову

Ходжаняна, Ванников и Бурцев вышли сразу, в первый же день. Но насмерть перепуганные девчонки отказывались сообщить хоть что-нибудь вразумительное, несмотря ни на какое давление и угрозы со стороны Ванникова.

Максим Бурцев предпочитал иные методы сыска, и в тот же вечер в местном одиозном баре узнал всё, что нужно: и про таинственный комплекс где-то посреди лесного массива, и про генералов с маршалами... «Ольгу и Юльку за длинный язык грохнули», — услышал он разговор двух раскрашенных девиц.

Доступ следственной бригаде на территорию секретного НИИ Минобороны был получен на самом высоком уровне. Генеральный прокурор лично обратился к генсеку. А весной 91-го был уже вовсе не Черненко, слепо веривший академику Ардашкину.

Услышав о ликвидации девушек, выезжавших обслуживать членов комиссии Минобороны, хозяин Кремля пришёл в состояние истерии:

— Они там что, вконец оборзели, что ли? Мало того что дармоеды, семь лет голову морочат, понимаете ли... Разгоню всех на хрен! — и тут же по телефону приказал министру обороны выписать допуск следственной бригаде на территорию закрытого НИИ. А когда генпрокурор покинул кабинет, глава государства распорядился направить в секретный институт внеочередную комиссию с проверкой результатов научной работы.

Помимо постоянных членов комиссии, в неё должны были войти как минимум два действительно грамотных специалиста, способных реально оценить состояние дел по проекту «Дельта» — так незамысловато именовались работы по созданию психотронного оружия.

Гениальная диспозиция, годами тщательно выстраиваемая академиком Ардашкиным, рухнула в одночасье. Рухнула из-за какого-то пустяка, пшика — банального убийства на сексуальной почве. Двойного, правда, убийства, но сути это не меняет...

О внезапной смене расклада ни Ардашкин, ни Жучинский знать не могли, потому и готовили к приезду комиссии стандартный сценарий демонстрации своих достижений.

— Покажем им изменение направления светового потока, устроим аттракциончик с замедлением времени — якобы под влиянием новейшего генератора магнитного излучения...

Пусть колдунишки постараются, растрясут энергетику, — скучно перечислял Анатолий Семёнович. — Ну, и для личных впечатлений что-нибудь. Парочка экстрасенсов, например, будет читать мысли этих... заслуженных ветеранов, а текст будем выводить на электронное табло... А?

— Ой, старо всё это, Толя, лажа полнейшая, — простонал Жучинский. — Слушай, у меня есть одна идея. Давай какой-нибудь эффектный прибор выкатим — лазерную пушку, например, и объявим, что это и есть опытный образец психотрона!

— У тебя довольно наивные представления о психотроне, Алик.

— Я же не учёный, — обиделся Жучинский. — Смотри, что дальше: направляем этот «психотрон» на кого-то из членов комиссии, а какой-нибудь гуру будет ему внушать всякие образы, побуждения...

— Ладно, валяй, — нехотя согласился Ардашкин.

— Кстати, — загорелся Жучинский, — под это дело можно попытаться дополнительное финансирование выбить. Мол, опытный образец может влиять на поведение только одного человека, да и то на небольшом расстоянии. Надо увеличивать мощность, чтобы издалека воздействовать на крупное воинское подразделение.

— Об этом даже не мечтай. Денег больше не дадут. Интуиция у меня, знаешь ли... Боюсь, «там» уже подумывают, как бы нас прихлопнуть.

— Что-о?!

— Именно так. Да и пора уж... Хватит, пожили за счёт социалистического отечества. Поверь мне, Альберт, скоро институт почует в бозе. А наша с тобой задача — стать его душеприказчиками. То бишь грамотно распорядиться наследством.

— И ты так спокойно об этом говоришь? — ужаснулся Жучинский.

— А что? Мало мы с тобой денег нахапали? Пора заняться честным бизнесом, старина. Как там, кстати, идут дела с новым клубом? Я же просил тебя постоянно держать руку на пульсе.

— Всё нормально, Толя. И по доходам, и по персоналу, и по значимости членов. Могу смело сказать: клуб «Монреаль» — самый элитный и престижный бордель в Москве.

— Что Егоршин? Оправдывает доверие?

— Славный мужик, просто прирождённый организатор игорного бизнеса, шоу-программ... Думаю, пора снимать круглосуточную слежку за ним. Лучшего подставного владельца тебе просто не найти.

— Из этих, — Ардашкин ткнул пальцем в небо, — в клуб уже многие вступили?

— Да почти все. Или вступили, или хотя бы пару раз побывали. Ну, кроме, конечно, Самого...

— Гм... Пока всё не утрясётся, надо бы отправить в отпуска некоторых хороших людишек. В Сочи, конечно, сейчас ехать рановато, но ничего, ты им побольше денег выпиши. А список людей я тебе представлю.

— О'кей, сделаем.

Жучинский не понимал, почему Ардашкин так равнодушно говорит о возможной ликвидации НИИ. А ответ был прост: Анатолий Семёнович действительно уже получил от своей затеи с институтом почти всё, на что рассчитывал с самого начала. Но этот естественный вывод почему-то не приходил в голову Альберту Васильевичу Жучинскому...

Собственно говоря, на этом история секретного НИИ Минобороны завершилась. Следствие по делу об убийствах девушек — и в Москве, и в Подмосковье — закрыли по целому ряду причин. Во-первых, регулярные отстрелы мифическим Абдуллой юных девиц из Средней Азии почему-то прекратились в апреле того же года. Во-вторых, экспертиза установила, что домодедовские медсёстры были застрелены из другого пистолета. Дело сначала распалось, а по прошествии установленного срока следствия было прекращено и сдано в архив. Максим Бурцев получил внеочередное звание подполковника, а следователь Пётр Ванников перешёл на работу в Генеральную прокуратуру.

Глава первая

В огромном подземном гараже гулко прозвучал выстрел, и Алексей Каморин метнулся за квадратную колонну, лихо радочно вытаскивая пистолет, который, как назло, цеплялся за полу пиджака.

— Хау, хау, хау! — трижды выстрелил он в безжизненную пустоту гаража.

Впрочем, не совсем безжизненную: кто-то прятался за длинной вереницей капотов, кося глазом в сторону притаившегося за колонной оперативника.

Идя на эту встречу, назначенную в анонимном письме, Каморин заранее предполагал, что всё может произойти именно так. И что шансов на то, чтобы вновь глотнуть бодрящий воздух улицы, у него не много. Но, зная это, он почему-то постеснялся доложить о странном «приглашении на казнь» подполковнику Бурцеву. Решил провести операцию самостоятельно.

А то что же получается? За последние полтора года он превратился в некое сопровождающее лицо при легендарном Максиме Бурцеве. Алексею срочно требовалось реабилитироваться — прежде всего перед самим собой. И перед Ириной, конечно...

Сыщик снова уловил чью-то тень, метнувшуюся за автомобилями.

Тишина... Потом вдруг — слепящая вспышка света. Это сразу все лампы включились под потолком, все фары сотен машин дали полный свет. Алексей инстинктивно распластался на полу, дыша, как загнанная собака.

Гулкие, неторопливые шаги приближались к его вжтому в бетон телу. Каморин выпростал из-под себя руку с пистолетом, направил его на чёрный силуэт... Клинк! Осечка? Клинк! Всё, приехали, граждане. Патроны кончились. А перезарядить обойму, конечно же, ему не позволят.

Шаги смолкли в полуметре от Каморина, и послышалось клацанье передёргиваемого затвора.

— Щенок! Безмозглый, слепой, непрофессиональный щенок, — раздался презрительный голос подполковника Бурцева, и Алексей мгновенно проснулся. Какое-то время он был просто не в состоянии пошевелиться. Потом, как сомнамбула, извлёк себя из кровати и поплёлся в ванную. Этот скверный тягучий сон преследовал молодого оперативника уже несколько месяцев.

На кухне гремела посудой, что-то напевая, жена Ирина, и на душе у Каморина как-то само собой просветлело.

— Завтрак готов, — боярским жестом повела над столом Ирина.

Алексей с напускной критичностью осмотрел тосты с сыром и яйцом, ветчину, зелень, йогурты... Вдохнул густой запах кофе и удовлетворённо уселся на табуретку.

Глянув в окно на лютовавшую непогоду, он буркнул:

— Раньше в этот день не работали.

— Сейчас тоже не работают. Только название праздника изменили — кажется, День национального примирения... А милиция всегда 7 ноября выходила на службу. Помню, у нас в этот день по традиции вечером в клубе сходились парни с двух концов деревни — с кастетами, цепями, ножами. Участковый не вмешивался: с ним была особая договорённость. Всякий раз — один-два трупа, одного-двоих — в тюрьму...

— Преувеличиваешь, — вяло ответил Алексей. — Так бы у вас через десяток лет молодёжи вообще не осталось.

— Может, и не осталось бы, — согласилась Ирина, — да, слава богу, времена изменились. Я как в деревню приезжаю, диву даюсь: Васька Камень, который полдеревни в своё время искалечил, теперь супермаркетом владеет, церковь на свои шиши восстанавливает.

Алексей помолчал, жуя ветчину. Вспомнилось...

Глава вторая

В 17 лет Каморин поступил в Московский авиационный институт, закончил его — правда, не с отличием, но с вполне достойными оценками. Приехал к бабушке, хвастался дипломом. «Это ты что же теперь, лётчиком будешь?» — поинтересовалась она.

Алексей ступешался. Ну как объяснить ей, что он всего-навсего будет сидеть в конструкторско-технологическом бюро и получать невесть какую зарплату непонятно за что?

Но и эта невесёлая перспектива вскоре стала представляться ему чуть ли не Парнасом: работы по специальности для Каморина не нашлось. Бывшие его однокурсники давным-давно торговали на рынке, ездили челноками в Турцию и Эмираты, а кое-кто, удачно женившись, уже владел собственным бизнесом или сидел в банковском офисе.

Но для сироты, пусть даже и не казанской, а московской, эти варианты были трудноосуществимы. Кроме разве что ры-

ночной торговли, но эта сфера деятельности почему-то претила душе Алексея.

Безысходность положения отчасти была скрашена получением однокомнатной квартиры в Южном Чертаново. Как ни странно, какие-то социальные программы в стране ещё действовали, причём иногда даже для простых смертных.

Бабушкина уверенность, что у Алексея будет всё хорошо, каким-то чудесным образом воплощалась в действительность с неотвратимостью пророчества. Как-то вечером он возвращался в свою квартиру после безуспешных толканий по отделам кадров, и его остановил милицейский наряд для проверки документов. Постовым что-то не понравилось в паспорте Каморина, а может, им хотелось побыстрее оказаться в тёплом помещении райотдела... Одним словом, Алексея доставили в милицию для выяснения личности. Здесь его радушно приветствовал грузный майор Зотиков, сразу начав разговор за жизнь:

— Безработный, говоришь? Авиатор, говоришь? Ну-ну... Сейчас, брат, на гражданке не жизнь. Или воруй, или побирайся. Иди лучше к нам — и заработки нормальные, платят вовремя, и отпуска хорошие, льготы... Знаешь, надоела лимита, а ты свой, москвич. И жильё тебе не нужно. В армии служил?

— Нет, — понурился Алексей, — но я на сборах был, лучший стрелок курса!

— У тебя, стало быть, военная кафедра была, — задумался майор. — Какое звание?

— Лейтенант.

— Оперативником в районный угрозыск пойдёшь? Ребята там ничего, более-менее толковые, тоже с техническим образованием. Короче, найдёте общий язык. Они тебя поднатаскают, объяснят, что и как.

Так началась для Комара новая, милицейская жизнь. Правда, тогда он ещё Комаром не был — это прозвище намертво приклеится к нему только после встречи с Буравом. А пока тянулись месяцы нудной, но, в общем, вполне сносной оперативной службы в обычном московском райотделе.

Через полгода службы Алексея порезали. Ночью в составе опергруппы он выехал на квартирную поножовщину, с разбегу высадил дверь и угодил прямо на перо подкарауливавшего

за косяком дебошира. «Ты был прямо как стрекоза на булавке», — мрачно шутили потом коллеги.

В неразберихе Каморина доставили в ближайшее медицинское учреждение — Научный институт клинических исследований. И, как выяснилось, у Алексея был повреждён брюшной нерв, а в клинике как раз дежурил сам Иван Иванович Дуров — крупнейший нейрохирург и главный врач этого святилища медицинской науки. Дуров лично корпел над Камориным всю ночь и всё утро, несмотря на свой почтенный возраст. И опасное ранение обошлось для лейтенанта без видимых последствий.

Но кто мог тогда подумать, что вскоре, через каких-то полтора месяца, насильственная смерть настигнет самого профессора Дурова! Его задушили в собственном кабинете за неделю до Нового года. Алексей, услышав эту новость в дежурке, не мог поверить своим ушам. Как? За что? Кому мог помешать безобидный нейрохирург, этот любимый всей округой «Доктор Айболит»?

Коллеги прятали от Каморина глаза, понимая его состояние.

— Сейчас на место происшествия прибывает бригада из МУРа, — сказал Алексею майор Зотиков. — Говорят, между прочим, — он сделал значительное лицо, — что розыск будет вести сам Бурав.

Глава третья

Хоть и недолго служил в органах лейтенант Каморин, но о легендарном муровском сыщике, подполковнике Бурцеве, по прозвищу Бурав, Алексей был наслышан основательно. Конечно, к устным преданиям о гениальности Бурцева примешивалась изрядная толика небылиц — уж, как водится, не без того.

— Дуй в клинику, — подмигнул Каморину Зотиков. — Ты ведь, поди, рвёшься поучаствовать в розыске убийцы?

Когда Алексей появился в кабинете Дурова, там вовсю кипела работа. Эксперт-криминалист снимал отпечатки пальцев, судебный врач нудно диктовал следователю прокуратуры первоначальное заключение о смерти.

Маленький профессор неестественно скрючился в массивном кресле, борода запрокинулась, а на вздувшееся лицо лучше было не смотреть. В правой руке убитого повисла кофейная чашечка.

На столе Каморин увидел изящный кофейник, пустой молочник, сахар в серебряной вазочке и миниатюрные щипчики. В стороне лежали какие-то бумаги, а прямо перед профессором — стопочка долларов.

— Кто таков? — окликнул Каморина коренастый чернявый дядька средних лет в тёмном строгом костюме.

Один из оперативников райотдела, также находившийся в кабинете главврача, что-то прошептал на ухо коренастому, и тот слегка потеплел.

— Прими мои соболезнования, парень. Видишь, убили твоего благодетеля... А я подполковник Бурцев, отдел убийств московского уголовного розыска.

— Алексей Каморин, оперуполномоченный районного ОВД, — растерянно представился в ответ лейтенант.

— Поганое дельце, а? — доверительно подмигнул ему Бурцев.

— Угу. У вас уже есть какая-нибудь версия?

— Хм... Есть кое-что, но тебе это вряд ли понравится, он ведь жизнь тебе спас, — вполголоса ответил Бурав.

Сыщики подошли к письменному столу.

— Вот смотри, в этих бумагах, — подполковник ткнул пальцем в кожаную папку, — перечень сильнодействующих наркотических препаратов — запрос клиники на предстоящий год. Внушительный список, лейтенант. И объёмы значительно больше прежних. Правда, тут прилагается обоснование, с собственноручной подписью Дурова. А на столе — две тысячи зелёных. Похоже, брат, здесь был торг.

Каморин нахмурился. Какие-то махинации с наркотиками? И Дуров, этот славный доктор Айболит, был в них замешан? Не может быть... Хотя... В наши дни может быть абсолютно всё.

Он оглядывал кабинет, отмечая про себя детали обстановки. Вот знакомый эспандер, висит себе на гвоздике, и никогда больше профессор не возьмёт его в руки... Возле вешалки в углу валяется скомканный белый халат. Каморин подошёл поближе и разглядел на лацкане красиво вышитую надпись: «И. И. Дуров». Странно... Покойный профессор, без всякого сомнения, был человеком аккуратным. Почему же халат на полу? Озадачило Алексея и то обстоятельство, что водопроводный кран был завёрнут не до конца, и вода, шипя, струилась в раковину. Комар осторожно повернул вентиль, и кран, поворачивая, затих.

— Не трогай ничего, идиот! — раздражённо крикнул Бурцев, и Алексей, сконфузившись, вышел из кабинета.

Глава четвёртая

В административном отсеке клинического института было тихо. Каморин, поколебавшись, толкнул дверь ближайшего кабинета.

Заместитель главврача по лечебной части Мелёшин выглядел чересчур бодро для такого момента. Бурцев уже опрашивал его, но словоохотливый эскулап, казалось, с удовольствием повторял то, что было ему известно.

— Знаете ли, у нашего старика была привычка пить кофе с молоком с половины первого до часу дня. Да-да, как раз в это время его и убили. Так вот, это питье стало для него неким интимным ритуалом: сам варил напиток по какому-то хитроумному рецепту, колол сахар старинными щипчиками, смаковал каждый глоток.

— Невинное чудачество, — пожал плечами Комар.

— Да не чудачество, тут всё дело в том, что в былое время шеф за день вливал в себя чашек по пятнадцать крепчайшего бразильского кофе, но мотор начал сдавать, и теперь он позволяет себе только две чашечки, да и то с молоком... Я хотел сказать, позволял. И, представьте, все дела на это время откладывал, никого не принимал. Мы и войти-то к нему боялись во время этого священнодействия.

— То есть убийца мог не опасаться свидетелей, — задумчиво пробормотал Алексей. — А были у Дурова враги в клинике?

— Как вам сказать... Младший медперсонал просто молился на шефа, но что касается больничного начальства, тут у него друзей не было. Скажу по секрету: бывало, соберёмся тайком от босса раздавить коньячку, так первый тост, чтоб Дуров околел на своём посту... Что поделать, мы, врачи, народ грубоватый. Понимаете, Иван Иванович был человек тяжёлый, старой закваски. Время таких, как он, прошло.

— Что вы имеете в виду?

— Да вот, к примеру, наш заместитель по экономике Серков. Уж сколько раз он предлагал Дурову перевести на коммерческую основу некоторые наши процедуры: массаж, лазерную терапию, фитолечение... И всякий раз — отказ. Медицина, мол, должна быть

бесплатной, народ и без того обнищал. А где нам брать деньги на развитие, скажите на милость?

Каморин сделал пометку в блокноте: «Серков. Коммерция. Дуров мешал заколачивать «левые»?»

Мелёшин засопел, покосившись на блокнот, но тем не менее продолжил:

— Или, допустим, главный кардиолог Баландин. Человек столько лет работал над докторской диссертацией, так знаете, что сделал Дуров? Поставил на ней жирный крест. Да ещё сказал при всех, что таких, как Баландин, близко к науке нельзя подпускать. И карьера Баландина — тью-тью. Ведь Дуров — член всех мыслимых президиумов и учёных советов!

— Был, — уточнил Алексей и сделал очередную запись. — Насколько я понимаю, теперь Баландину ничто не мешает осуществить мечту своей жизни и стать доктором наук?

— Видимо, так, — кивнул Мелёшин. — Хотя насчёт его диссертации старик, по-моему, был прав. А вот вам ещё случай. Гринёвой, нашему главному анестезиологу, недавно предложили прекрасный контракт: пять лет в Австралии. Между нами говоря, шикарная бабёнка, пальчики оближешь. Так Дуров не подписал ей рекомендацию, и контракт повис.

— А почему же Иван Иванович ей отказал?

— В принципе, я его понимаю. В последние годы Гринёва перестала практиковать, занималась кадровой работой, снабжением... Да и прежде от неё как от врача было мало проку. Ну, не для того она создана!

— Как же она стала начальником?

— О, господи! Да как все красивые бабы. Говорят, есть некий высокий покровитель в Минздраве, — недвусмысленно усмехнулся Мелёшин.

— Стало быть, отныне препятствий для работы Гринёвой в Австралии нет, ведь с этой минуты вы — и. о. главврача? А мадам Гринёва, как вы только что изволили выразиться, «шикарная бабёнка, пальчики оближешь»...

Мелёшин смутился, а Каморин нахмурился. Этот пухлый, изрядно потасканный ловелас откровенно не нравился оперативнику.

— Вам, простите, сколько лет? — поинтересовался Алексей.

— Пятьдесят семь, — нервно забарабанил пальцами по столу Мелёшин.

Лейтенант прищурился. Выходит, у зама тоже были причины желать смерти своему патрону. Самому скоро на пенсию, а Дуров уступать место главврача не собирался, берёт сердце, делал упражнения с эспандером... В общем, покойный профессор здорово мешал сразу четырём главным сотрудникам клиники. Уж не прикончили ли они его сообща?

Во всяком случае, Каморин почувствовал некоторое облегчение: принципиальный облик профессора Дурова никак не вязался с версией подполковника Бурцева о махинациях с наркотиками. Другое дело, что эту версию мог подбросить убийца. Не поспешил он и на две тысячи долларов. Впрочем, если делить на четверых, выходило не так уж и много.

Глава пятая

Выйдя в коридор, Алексей огляделся. Кабинеты всех четырёх подозреваемых располагались тут же, в административном отсеке. Других здесь попросту не было. Любой из четвёрки мог войти к Дурову и без помех совершить убийство.

Однако опрос обитателей кабинетов не дал практически ничего нового. Эффектная Гринёва вела себя вызывающе, хмурый Серков вообще отказался говорить, заявив, что уже всё рассказал подполковнику Бурцеву. Тощий Баландин, похоже, успел здорово принять на грудь и настойчиво предлагал выпить Каморину. В общем, толку от них было не много. И всё-таки кто-то из этих людей отправил на тот свет своего начальника — в этом Алексей был уверен.

Он снова заглянул в кабинет Дурова. Бурав отдавал какие-то распоряжения по телефону, остальные члены оперативно-следственной бригады занимались кто чем. Судмедэксперт Сергей Груздин рассматривал импортные медицинские журналы. Криминалист Слава Зарезин зачем-то снимал отпечатки пальцев с подоконника...

Каморин подошёл к столу. «Странно, — подумал он, — кофейник почти полон, профессор успел налить не больше половины чашечки. А молочник почему-то пуст, хотя в него входит никак не меньше четверти литра». Алексей заглянул в чашечку. Сомнений не осталось: Дуров не доливал туда молоко, просто не успел.

На дне засохла чёрная кофейная гуща. Может быть, молочник был опрокинут в борьбе? Нет, нигде нет никаких следов молока. Выпил убийца? Ну, это уже сущий бред...

И почему халат профессора валялся на полу?

С такими мыслями он попрощался со всеми и направился к выходу. Поджидая лифт, заметил на лестнице старуху-уборщицу, громко жаловавшуюся самой себе:

— Двадцать лет тут работаю, а такого со мной не случилось. Да я отродясь не разводила ни сырости, ни грязи. Меня Иван Иванович всегда в пример ставил. Вот, говорил, как нужно работать, царство ему небесное... А тут, видите ли, я халатик кому-то испачкала! Сами грязнули, начальники хреновы...

Старуха продолжала бубнить, но тут подошёл лифт, и Каморин, занятый своими мыслями, позабыл о ней. Сейчас его мучила загадочная пропажа молока со стола Дурова. Именно здесь, чувствовал он, и кроется ключ к решению задачи с четырьмя неизвестными.

Изрядно проголодавшись, Алексей завернул домой. Ирина уже приготовила что-то вкусненькое — из духовки распространялся ароматный запах. Тогда они ещё не были женаты, и девушка только сегодня утром приехала к нему в гости из своей деревни. Быстро она освоилась с обязанностями хозяйки!

Уплетая обед, Алексей рассказал подруге об убийстве профессора Дурова. Ирина расстроилась до слёз, она так и не успела связать для Ивана Ивановича тёплые носки из козьего пуха — в благодарность за спасение жениха.

Однако она внезапно встрепенулась и трянула густыми локонами:

— Слушай, Лёша, тут чувствуется женская рука. Среди твоих подозреваемых случайно нет бабы?

— Есть... Как ты догадалась? — опешил Каморин, ведь он успел лишь описать место преступления.

— Мужик вряд ли знаком с такими хитростями, да и дело тонкое. Молоко, к твоему сведению, обладает очень интересными свойствами. Вот у нас в деревне была корова. Чего мы только не делали из молока! Дед, когда дрожжей не было, даже самогон научился из молока гнать — брагу сквашивал. А холодное молоко обладает ещё одним свойством...

И Ирина вкратце описала картину преступления.

— Эх, Иришка! — схватился за голову Комар. — Если бы хоть какой-нибудь свидетель... Пстой! — осенило Алексея. — Есть и свидетель!

Он вспомнил ворчашую старуху-уборщицу...

Глава шестая

Ирина попала в точку: главврача задушила красавица Гринёва. С подачи Каморина следствие восстановило ход событий. Наркотические препараты оказались ни при чём, не было и «заговора четырёх».

Без пятнадцати час Гринёва отправилась в кабинет Дурова, чтобы без свидетелей вручить патрону взятку в обмен на необходимую ей рекомендацию. Дуров с гневом отказался, поклявшись ославить Гринёву и с позором выгнать её из клиники. Обезумев от страха и ярости, Гринёва бросилась на престарелого главврача и задушила его, но на её белом халате осталась неоспоримая улика — кофейное пятно на груди. Профессор как раз налил себе полчашечки, когда убийца набросилась на него, и во время короткой борьбы кофе выплеснулся ей на халат.

Первой мыслью убийцы было поменять свой испачканный халат на халат самого Дурова, висевший в углу на вешалке. Однако Гринёва обнаружила на его лацкане вышитые инициалы и в досаде швырнула халат на пол.

Лихорадочный взгляд убийцы упал на молочник. Ей, как и Ирине, было прекрасно известно, что холодное молоко моментально выводит кофейные и шоколадные пятна. Скинув свой халатик, она промыла его молоком над раковиной, обдала раковину водой и, снова напялив халат, выскользнула из кабинета убитого главврача.

Будучи главным анестезиологом, Гринёва была хорошо осведомлена о повышенном запросе клиники на наркотические препараты, и потому оставила на столе свои деньги. И, как показали дальнейшие события, на какое-то время ей удалось заставить следствие принять за основу версию о махинациях с наркотиками.

Но невезение преследовало убийцу: в коридоре она столкнулась с Мелёшиным. Он, как обычно, принялся распускать руки и сразу нащупал влажное пятно на её упругой груди. Мелочь

вроде бы... Но Гринёва, будучи в нервном состоянии, вместо того чтобы просто отмахнуться от дурацкого вопроса — ты что, мол, такая мокрая? — стала спешно изобретать какую-то несусветную чушь. Дескать, её окатила стружкой воды уборщица, мывшая лестничную клетку этажом выше. И Мелёшин, не подозревая, что тем самым погубит свою (и не только свою) любовницу, решил по-начальственному отчитать старуху за неаккуратность.

Вскоре разнеслась весть об убийстве Ивана Ивановича, и Мелёшин позабыл про инцидент с уборщицей. Но Каморин, выслушав версию Ирины, тут же вновь кинулся в клинику, нашёл старуху, всё выпросил и вновь оказался в кабинете заместителя главврача по лечебной части. Юному оперу повезло ещё и в том, что подполковник Бурцев, следователь Шаравин и кое-кто из оперативно-следственной группы до сих пор находились в клинике, перепроверяя сведения, которые по тем или иным причинам не укладывались в общую картину.

— Вы делали сегодня нагоняй уборщице за то, что она якобы окатила врача Гринёву водой с верхнего этажа лестницы? — буквально набросился Каморин на дородного заместителя.

- Ну, да, — пожал плечами Мелёшин.
- Подпишите официальные показания?
- Да что за важность, в конце-то концов?

Об этом Мелёшин узнал, когда «шикарную бабёнку» Гринёву на основании его показаний и показаний уборщицы задержали по подозрению в умышленном убийстве профессора Дурова, совершённом из корыстных побуждений. Впоследствии экспертиза подтвердила, что на халате главного анестезиолога остались микроскопические частицы кофе и молока, совпадавшие по биохимическим данным с теми, что были в чашке и молочнике Ивана Ивановича Дурова.

Убийцу увезли в изолятор, и Каморину почему-то было жалко смотреть на размазывавшую слёзы и косметику Гринёву, жалко аж до смертной тоски. Хотя кому-кому, а ему-то очень хотелось справедливой кары для убийцы профессора, ставшего ему, по сути, вторым отцом...

Потом, спустя месяцы, Алексей узнал из разговоров, что главным врачом престижного Института клинических исследований стал Мелёшин. Он тут же вместе с Серковым развернул в стенах клиники бурную коммерческую деятельность, и общедоступное

лечебное учреждение быстро превратилось в заведение для богатых. Мелёшин скоренько построил себе шикарный загородный дом и ушёл на покой.

На посту главврача его сменил Баландин, к тому времени без помех защитивший докторскую диссертацию по кардиологии...

Но всё это было потом, а в тот день, когда Каморин, захлёбываясь от возбуждения, описывал хмурому подполковнику Бурцеву молочно-кофейную картину убийства, лейтенант и представить себе не мог, что судьба его дала очередной, причём весьма нетривиальный крен.

Когда Гринёва под конвоем отправилась в изолятор временного содержания при ГУВД Москвы, Бурав некоторое время задумчиво расхаживал по кабинету Дурова, теребя нос... Вдруг неожиданно остановился и в упор посмотрел на Каморина:

— Ну, так как, Алексей, пойдёшь работать к нам в МУР, в отдел убийств? Понимаю, ездить на работу подольше придётся, да ведь ты вроде не старик... Зато звание повысим быстро, ну, где-нибудь через полгода. Будешь старлеем. Со всеми вытекающими. То бишь прибавкой к зарплате.

Алексей никак не мог прийти в себя от всего услышанного, и просто сказал:

— Я согласен, улаживайте вопрос с моим начальством.

Когда спустя две недели он появился в МУРе, сотрудники отдела убийств, не сговариваясь, принялись сразу называть его «Комар». И Алексей был вполне доволен — хоть прозвище и отводило ему весьма скромную роль, однако как бы само собой подчёркивало, что действует он в тандеме с великим Буравом!

И ещё самолюбию Комара льстило то обстоятельство, что он был один из немногих, кому Бурав позволял обращаться к себе на «ты», хотя подполковник годился Каморину в отцы. Они пили на брудершафт на свадьбе Алексея и Ирины, куда Каморин пригласил весь отдел. И на глазах у всех захмелевший Бурав громко объявил, что, мол, этот парень заслуживает того, чтобы быть на «ты» с великим Бурцевым. А ведь к тому времени Комар проработал в отделе убийств МУРа всего-то пару месяцев...

Вскоре после свадьбы Алексей узнал о смерти бабушки — она в последнее время была так плоха, что не могла присутствовать на торжестве, которого ждала всю свою жизнь...

...Обо всём этом и вспоминал Комар в промозглый ноябрьский день, который когда-то был общесоюзным праздником. Вот уже год и десять месяцев он служил в МУРе — практически под началом подполковника Бурцева, и всё ещё, как говорится, подавал надежды...

Глава седьмая

Тридцатидвухлетняя Елена Хрипунова никогда не изменяла мужу — ни до свадьбы, ни после. Они жили вместе уже двенадцать лет, на столько же лет Марат был старше её — короче, идеальное соотношение возрастов и семейного стажа.

Белокурая Елена была спокойной, тихой женщиной, жила своей малопонятной жизнью. Она искренне считала, что любит своего мужа — такого занятого, крупного человека, известного в обществе.

Лет пятнадцать назад Лена впервые появилась в редакции небольшой, но «зубастой» газеты и с головой окунулась в журналистику и журналистскую тусовку. Марат Хрипунов казался ей небожителем, человеком эпохи. Будучи главным редактором, он вступал в бой с гигантами коммунистического режима и безжалостно поражал их в голову, как Георгий Победоносец.

Елена знала, конечно, что их газета обильно финансируется нарождавшейся буржуазией и сама по себе является убыточной. Понимал это и Марат Петрович. Умные люди говорили ему: «Марат, сейчас ты нужен, тебе дают деньги, а когда власть сменится и цели будут достигнуты, ты не получишь от победителей ни копейки». И Хрипунов создал при газете дочернее книжное издательство, оснастил его импортным оборудованием и стал переводить на его счета львиную долю выделяемого «хозяевами» бюджета.

После 1991 года, как и ожидалось, газету пришлось прикрыть: в ней больше ни у кого не было надобности — ни у политиков, ни у капиталистов, ни у массового читателя. «Марат сделал своё дело, Марат может уходить», — злорадно шутили в кулуарах власти.

И тут выяснилось, что Марат Петрович является не кем иным, как единоличным владельцем дочернего издательства, уже, кстати, прочно занявшего свою нишу на книжном рынке. Хрипунов

печатал научную литературу, словари, туристические, финансовые и юридические справочники. Всё это имело хороший сбыт, Марат Петрович стремительно богател, открывал новые издательства, скупал пакеты акций бумаго-картонных предприятий, и потихоньку в обществе заговорили об «империи Хрипунова».

Его стали приглашать на правительственные и думские тусовки, интересовались мнением по глобальным вопросам... Все эти бесконечные рауты и приёмы подпитывали чувство восхищения мужем со стороны Елены.

Детей у Хрипуновых не было; врачи установили, что «вина» лежит на Елене. Но Марата Петровича это, казалось, нисколько не волновало.

А Елена тайком от мужа стала ходить в церковь. Хрипунов полагал, что его жёнушка, «белокурая газель», как он её называл, тратит выделяемые ей суммы на какие-нибудь бабские глупости, а на самом деле Елена жертвовала деньги любимшемуся ей храму Новомучеников и исповедников российских в Старом Бутово. Эта бревенчатая церквушка посреди дубравы, за кольцевой автодорогой, была дорога Елене до слёз. Срубили её в 1996 году, и Хрипунова была одним из тайных спонсоров строительства. Первая служба состоялась 16 июня, в День памяти всех святых, и этот праздник совпал с днём рождения Елены!..

Сегодня она отправилась в Бутово спозаранку, сначала до метро «Южная», там села на автобус, доехала до высокого железного креста, высящегося на пятом километре старой Варшавки, и пошла пешком через промозглый, заиндевелый лес, кутаясь в шерстяную косынку...

В руке у неё был большой полиэтиленовый пакет с тщательно завёрнутой иконой Илии Пророка — очередной её дар маленькой церкви. Нынче была особая служба. Как-никак, 7 ноября, годовщина Октябрьского переворота 1917 года, положившего начало гонениям на Церковь.

В маленькой церквушке было полно народу, но Елена успела переговорить с отцом Глебом...

Вот уже несколько месяцев, как муж резко изменился к ней, стал раздражительным, подозрительным, придирчивым. И каким-то озлобленным, ироничным.

— Э, матушка, — утешал её отец Глеб. — При чём тут ты, твой муж? Ты что ж, милая, хотела в церковь ходить, иконы

и деньги на храм жертвовать, и чтоб бес тебя за это не донимал, не злился на тебя? А через кого ему сподручнее тебе козни творить? Конечно, через самого близкого человека, через мужа. Тем более что вы невенчанным браком живёте, вот лукавый и нашупал трещинку, теперь бьёт в неё.

От этих простых слов Елене сразу стало как-то покойно и радостно. Она причастилась у Святых Тайн и поехала в коттеджный посёлок «Серебряные ключи», отказавшись от приглашения на трапезу в церковном доме, приготовленную по случаю прибытия владыки Арсения. Ей хотелось поскорее приехать домой, обнять мужа, поговорить с ним... Сколько же лет они не разговаривали по-человечески, по-простому? Уж и не помнит. Елена не знала, как она начнёт разговор, о чём он будет, но чувствовала, что всё получится само собой, всё сложится хорошо.

То, что произошло в коттедже, оглушило Елену, словно ударом обуха. Вся её жизнь рухнула в один момент.

Не успела «белокурая газель» переступить порог особняка, как Марат Петрович, не глядя на неё, отрывисто сообщил, что срочно улетает в Лондон.

— Зачем? — растерянно спросила Елена и сама почувствовала, как глупо это прозвучало.

Хрипунов, нервно метавшийся по гостиной, вскинул на неё искажённое злобой и обидой лицо:

— Ну, какое твоё дело, зачем? А? И почему я не вижу ликования по поводу моего отъезда? Давай, не стесняйся, улюлюкай!

Елена кинулась к мужу, захлёбываясь слезами, стараясь поймать его за руки:

— Марик, не уезжай! Пожалуйста, останься, отложи поездку! Марик! А можно мне поехать с тобой? Поедем вместе, возьми меня с собой!

Хрипунов вплотную приблизил к ней своё страшное лицо и процедил сквозь зубы:

— Я еду один, понимаешь? О-д-и-н!

Он чуть не выкрикнул, что его телохранитель Шаргин остаётся в Москве, и ей незачем отправляться в Лондон, чтобы там, в номере с видом на Букингемский дворец, оказаться в объятиях любовника, придётся довольствоваться российским пейзажем за окном... Но Марат Петрович сдержался — ни к чему обнаруживать свою осведомлённость...

— Марик... — Елена цепко держала его за руки.

Хрипунов вырвался и изо всех сил несколько раз ударил её по ладоням, вопя во всё горло:

— Руки! Прочь руки! Стерва!

Он выскочил за дверь, и через несколько секунд взревел двигатель шестисотого «мерседеса»...

Елена осталась сидеть на краешке стула, положив руки на колени и глядя в одну точку. Она больше не любила Марата Петровича. Не было и ненависти. Просто в ней что-то умерло — что-то большое, тёплое и такое доброе...

Подойдя к письменному столу, она достала визитницу мужа. Нужную ей карточку отыскала сразу — «Генеральный штаб Вооружённых сил Российской Федерации...»

«Белокурая газель» ещё долго, будто в сомнамбулическом состоянии, расхаживала по гостиной, сжимая в руке визитную карточку и механически повторяя напечатанный на ней текст.

Глава восьмая

— «А первая пуля ранила коня...» — вопль голоса напевал доктор Градов, разливая в бокалы мартини. — Воля твоя, друг мой, но я всё-таки тебя не понимаю. Гм... — он пригубил хваленый итальянский вермут, одобрительно кивнул самому себе и повторил: — Нда-с. Не понимаю-с. Хоть убей.

Гость доктора Градова, Марат Петрович Хрипунов, взял свой бокал и тяжело вздохнул.

— А чего же тут, скажи на милость, непонятного? Я ведь обычный мужик, с нормальной, то есть домостроевской психологией. Мне, Вячеслав, ихний феминизм не просто до лампочки, я бы расстреливал тех, кто изобрёл все эти теории о половой независимости женщины...

— Опоздал с расстрелами, — усмехнулся доктор Градов. — Перемены в общественной психологии не остановишь, Марат... Опомнись, дружище. На дворе давно уже двадцать первый век!

— Стало быть, и ты тоже, как продвинутый психиатр, склоняешься к новомодным учениям о свободе в брачных отношениях? А? Нет, брат, позволь уж мне в таком случае оставаться консерватором.

За окном монументального градовского особняка сгустились ноябрьские сумерки, падал снег с дождём. Но оттого ещё отраднее было находиться в бильярдной на втором этаже благоустроенного кирпичного коттеджа. Мягкий свет лился из прямоугольного абажура, выхватывая из полумрака зелёное сукно бильярдного стола.

Доктор взял в руки длинный тяжёлый кий и наклонился, примеряясь к лузе.

— А по-моему, ты никакой не консерватор, и уж тем более не домостроевец. — У тебя, дружище, застарелый бред ревности, сопряжённый со склонностью к мазохизму. Не обижайся, это я тебе как специалист говорю. Да-с!

И послушай моего совета, отдохни хотя бы пару недель в моём санатории. Подлечи психику. Денег я с тебя не возьму, а обслуживание, обещаю, будет на самом высоком уровне.

Марат Петрович, вздохнув, уже в который раз посмотрел в окно, где сквозь ноябрьскую непогоду проступали очертания его собственного, не менее шикарного коттеджа. Владения Градова и Хрипунова своими фасадами выходили на параллельные улицы престижного посёлка миллионеров, но торцом примыкали друг к другу.

— Заманчивое предложение... Только, извини, как же это получится: я, значит, буду нежиться в твоём «виповском» санатории, а Елена в это время без помех станет наставлять мне рога? Очередные рога, между прочим, — и, непроизвольно взглянув на ветвистую оленью голову, Хрипунов нахмурился. Удар не получился, шары бестолково заметались по зелёному полю. Книгоиздатель окончательно расстроился...

«Боже мой, а ведь Градов абсолютно прав, я нравственный мазохист!» — с горечью подумал он.

Глава девятая

В его жизни, казалось, было всё: деньги, увлекательная, азартная деятельность, творческая, политическая... Но не хватало какой-то изюминки. И выходило так, что в последние месяцы этой самой изюминкой стала изнурительная, сладострастная ревность к собственной жене, красотке Елене... Прекратить эти

страдания — значило бы лишить себя чего-то очень существенного, даже дорогого...

Вот уже полгода Марат Петрович Хрипунов терзал себя подозрениями, что его легкомысленная, порхающая по жизни жёнушка, эта «белокурая газель», путается с начальником службы его охраны Шаргиным. Но Шаргин когда-то был чекистом, и застучать благоверную с предполагаемым любовником Марату Петровичу никак не удавалось.

Доктор Градов уже не раз за последнее время предлагал Хрипунову попросту уволить соперника, но издатель мычал в ответ что-то невразумительное — в том смысле, что это не по-мужски... «Ах, не по-мужски? Ну, так вызови его на дуэль! — издевался Градов. — У меня в коллекции есть пара дуэльных пистолетов Лепаж, готов дать их вам напрокат!»

Вот и сейчас, в бильярдной, Градов не удержался и, подмигнув Хрипунову, спросил с усмешкой:

— Так что? Не решил насчёт дуэли? А то смотри... Лепаж стволы роковые... — продекламировал он строчку из «Евгения Онегина».

«Ты-то уж точно не стал бы церемониться, — с лёгкой завистью посмотрел на друга Марат Петрович. — Всадил бы Шаргину заряд картечи между глаз, и вопрос был бы закрыт».

Четверть века назад Слава Градов, паренёк из обеспеченной московской семьи, по недоразумению попал в Афганистан, где, как ни странно, показал себя героем. Он не ведал, что такое страх, первым шёл в атаку на моджахедов и душманов, наводя на них ужас своим звериным воем. И не приведи Аллах столкнуться с этим шурави в рукопашной! Легенды о нечеловеческой «истребительной мощи» сержанта Градова ходили не только среди советских войск, но и среди формирований противника.

Однако Славик вовсе не был заговорённым, и судьба не собиралась вечно хранить его в целостности и невредимости. На втором году службы Градова комиссовали в связи с ранением. Орден Боевого Красного знамени, два ордена Красной Звезды, медаль «За отвагу», орден «Дружбы народов» — с такими трофеями вернулся Слава Градов в Первопрестольную...

Вновь наполнив бокалы мартини, психиатр не выдержал и подошёл к пирамиде с ружьями и винтовками. Вот они, его любимцы... Здесь и итальянская одностволка «Бенелли» — две-

надцатый калибр, пятизарядный полуавтомат, и американский браунинг — тоже пятизарядная одностволка, полуавтомат двенадцатого калибра. Достойное место в коллекции занимает и отечественная комбинированная двустволка Иж-94. Из классики — одноствольный переломный штуцер калибра 7,62 миллиметра и американский «Ремингтон» — любимая винтовка в собрании доктора Градова...

Марат Хрипунов испытывал нечто вроде комплекса неполноценности, глядя на друга-ветерана. Сам-то книгоиздатель ничегошеньки не смыслил в оружии. Его юность отнюдь не была героической. Работа в райкоме, потом в горкоме комсомола, постоянные интриги, подглядывания, подслушивания, доносительство... Вот и теперь, будучи уже миллионером новой формации, Марат Петрович мыслил по-старому. Он не придумал ничего лучшего, чем устроить слежку за собственной женой.

Пару дней назад, когда Елены не было дома, Хрипунов уломал Градова на дикую, с точки зрения нормального человека, выходку: незаметно для постороннего глаза провести в коттедж психиатра параллельный телефон от хрипуновского аппарата. Градов согласился скрепя сердце: а то ещё, если он будет препятствовать Хрипунову в его маниакальных идеях, тот, чего доброго, вообразит, будто между Еленой и Вячеславом Кирилловичем что-то было...

Позавчера скрытые высоченным забором миллионеры, чертыхаясь, тянули телефонный провод от Хрипунова к Градову. Им удалось довольно надёжно замаскировать его за бордюром садовой дорожки, ведущей к небольшой бане. Друзья вынули доску из забора, разделяющего их владения, и пролезли на участок доктора. Кое-как закрепив доску на прежнем месте, они, уже не заботясь о маскировке, протянули шнур в бильярдную на втором этаже градовского особняка.

И теперь, находясь в гостях у психиатра, Марат Петрович мог прослушивать все разговоры жены. Часа полтора назад он сказал Елене, что срочно вылетает в Лондон дня на два — на три, а сам загнал машину в гараж к Вячеславу Кирилловичу и с трепетом дежурил возле спаренного аппарата. Жена долгое время никому не звонила, а теперь никак не могла соединиться с каким-то неведомым абонентом. «Шаргину звонит, стерва», — думал Марат Петрович.

Доктор Градов закурил и налил ещё мартини.

— А почему ты не хочешь развестись? — пожал он плечами.

— Щас! Бегом побежал! — Хрипунов действительно забегал по бильярдной. — Ты соображаешь, что говоришь? А коттедж? А банковские счета? А вилла в Маракеше? Квартиры в Москве, Питере, Сочи... В случае развода всё это придётся делить пополам! Мы ведь женаты двенадцать лет, всё моё имущество нажито в браке. Нет, дорогой друг, это тебе надо лечиться! И всерьёз, медикаментозно.

— Тогда объясни, зачем вся эта слежка... — начал было Градов.

Но в этот момент аппарат, соединённый с телефоном в соседнем коттедже, вновь затренькал. Елена в очередной раз набирала номер. Хрипунов кинулся к столу...

По его напрягшемуся лицу Градов понял, что жена Марата Петровича наконец-то дозвонилась.

«Приёмная Генерального штаба, слушаю вас», — услышал Хрипунов хорошо поставленный голос военного, и его нижняя челюсть непроизвольно отвисла...

Глава десятая

Боевой генерал Павел Чухлов выглядел так, как и положено bravому вояке в неполных пятьдесят лет: тронутый сединой бобрик жёстких волос, резкие, медальные черты лица, статная фигура. Служба в Генеральном штабе не изменила его спартанского образа жизни — Чухлов по-прежнему посещал тренажёрный зал, бегал на лыжах, соблюдал строгую диету.

Правда, с тех пор как его имя стало упоминаться в связи с теми или иными политическими событиями, генерал взял за правило появляться на великосветских тусовках, где неизменно пользовался повышенным вниманием со стороны дам. В средствах массовой информации Чухлова уже осторожно называли донжуаном, и генерал никак не мог понять, выгодно это для его имиджа или не очень.

С Хрипуновыми Чухлов познакомился на рождественском приёме в Кремле. Они пили шампанское, заедая его тарталетками с икрой, шутили... Марат Петрович, продолжая мнить себя по-

литической фигурой, спрашивал Чухлова, верно ли, что генерал собирается примкнуть к партии «Сила Руси». Бравый вояка ухитрился так и не дать определённого ответа на вопрос Хрипунова.

После этого Марат Петрович несколько раз приглашал Чухлова к себе в гости, в коттеджный посёлок «Серебряные ключи». Неожиданно для самого себя генерал почувствовал, как в нём зашевелился червячок зависти... Надо же, вот это открытие! Оказывается, он способен завидовать чьему бы то ни было материальному достатку... Это неприятно поразило Чухлова, который всегда гордился своим презрением к обществу потребления.

Сегодня, в День национального примирения, Павел Чухлов дежурил по Генштабу, когда Елена неожиданно позвонила ему на службу и пригласила к себе в особняк. Причём недвусмысленно заявила, что будет одна, муж улетает в Лондон. Генерал ничуть не удивился такому откровенному предложению, уже привыкнув к тому, что женщины теряли всякое представление о гордости и нравственных барьерах, когда он оказывался в пределах их досягаемости. Генерал усмехнулся, вспомнив Хрипунова, этого надутого индюка, никогда в жизни не нюхавшего порошу. Богат, как набоб, это верно. Однако существуют вечные ценности, которые всегда останутся главными для женщин. Елена Хрипунова — очередной тому пример.

Сдав дежурство, Чухлов отпустил телохранителя-шофёра, сел в свою генеральскую «Волгу» и поехал в «Серебряные ключи». Мешавшую ему кобуру с табельным пистолетом Макарова генерал отстегнул и бросил на соседнее сиденье.

С недавних пор Чухлов постоянно носил при себе оружие.

Глава одиннадцатая

Элитный дачный кооператив «Серебряные ключи», возникший на берегу Москвы-реки ещё при Сталине, весь порос соснами и елями. Но размеры участков, определённые ещё до войны, никак не соответствовали архитектурно-монументальным представлениям новых русских. И если прежде какой-нибудь маршал или нарком вполне вольготно чувствовал себя на двенадцати сотках, то нынешней дачной публике — пивоварам,

рыночным оптовикам, депутатам и финансовым воротилам — было страсть как тесно среди этого хвойного великолепия.

Ветхие деревянные дачки с мезонинами и застеклёнными верандами сменились коттеджами-крепостями, большей частью безвкусными, аляповатыми. Вот, например, хоромы доктора Градова: со стороны дом смотрелся обыкновеннейшим кубом — с прямой, залитой битумом крышей, и лишь вблизи были заметны минимальные архитектурные изыски.

Среди чахнувших в броне асфальта сосен и порыжевших, полуосыпавшихся елей особняки торчали словно мощные, коренастые боровики. Эти дома-мастодонты были сплошь утыканы спутниковыми антеннами, прожекторами и камерами наружного наблюдения. Все как один — из красного облицовочного кирпича, они занимали львиную долю территории, и чтобы хоть как-то развернуться на оставшихся вокруг них полосках земли, владельцы нещадно искореняли вековые реликтовые сосны, густые, мохнатые ели...

На всё это варварство с душевной болью взирал бывший следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры России Пётр Игнатьевич Ванников. «Серебряные ключи», этот островок живой природы и райского уединения на окраине бурлящей столицы, постепенно превращался в мрачное скопище угловатых денно и ночью охраняемых резиденций. Причём на въезде в посёлок, огороженный высоченным забором, охрана была, мягко говоря, формальной: въезжай и входи, кто хочет. Лишь малахольный дедок в пятнистом камуфляже и бутафорской фуражке важно восседал в будке у постоянно открытого шлагбаума.

Имелось в виду, что каждый домовладелец должен сам заботиться о собственной безопасности. «Идиотизм, да и только!» — качал головой шестидесятилетний Ванников.

А впрочем, скажите на милость, какое, собственно, дело Петру Игнатьевичу, почтенному пенсионеру и бывшему госслужащему со скромным окладом, до всяких там причуд новых русских, скупивших участки у наследников советских маршалов, академиков и министров? Да самое что ни на есть непосредственное, ведь господин Ванников тоже был полноправным членом дачного кооператива, владел кирпичным коттеджем в «Серебряных ключах».

Правда, если не принимать в расчёт сохранившиеся кое-где ветхие деревянные домики с мансардами, если ориентироваться на вышеописанные коттеджи-мастодонты, то у Ванникова был, пожалуй, самый скромный дом во всём посёлке миллионеров. Полуторазэтажный кирпичный особняк, ломаная кровля из металлочерепицы... Среди внушительных громадин, высящихся по соседству, коттедж Ванникова смотрелся как прогулочная яхта на фоне эсминцев.

Несмотря на непогоду, Пётр Игнатьевич и сегодня не стал нарушать своего распорядка. Облачившись в старомодный плащ на меху, валенки с галошами и фетровую шляпу, раскинув над собой прочный механический зонт, бывший следователь отправился на прогулку. Пользы в этом, как он прекрасно понимал, было немного, но нельзя давать себе поблажку. В его возрасте очень легко превратиться в апатичного сибарита.

Он неспешно вышел из своей калитки на бетонную дорожку. Вот, кстати, одна из последних «могиканок» — дощатая двухэтажная дача довоенного образца, крытая ещё листовым крашеным железом. Участок порос дремучими ёлками, а окна веранды сплошь увиты плющом. Когда-то дача принадлежала всесильному академику Ардашкину... Как тесен мир! Ведь в определённой степени благодаря покойному Ардашкину бывший следователь недавно стал владельцем собственного особняка.

Глава двенадцатая

Теперь здесь, на старой даче, обитала вдова академика — на редкость зловещая старуха, которая почти не появлялась на людях. Однажды Ванников решил-таки напроситься к ней в гости. Его на склоне лет заинтересовали кое-какие факты из жизни Анатолия Семёновича Ардашкина — бывшего, можно сказать, подследственного Петра Игнатьевича. Отставного служаку мучили вопросы, на которые Ванников так и не успел найти ответ в 1991 году. Тогда дело, возникшее вокруг секретного НИИ Минобороны, возглавляемого Ардашкиным, так и не было доведено до конца. Может, из-за того, что академик застрелился, а может, по каким-то другим причинам...

Он уже знал, что лучший способ свести дружеское знакомство с вдовой — купить бутылку (а то и две) мексиканской текилы. Ванников обнаружил искомую текилу в поселковом минимаркете и запросто отправился к Ардашкиной: мол, посидим по-соседски, по-стариковски. Вера Ильинична молча достала пузатенькие стопочки, они церемонно выпили. «Между первой и второй промежуток небольшой», — облизнула морщинистые губы вдова и налила по новой... И тут у неё в прихожей зазвонил телефон.

Ардашкина с расширившимися от ужаса глазами слушала трели, а Пётр Игнатьевич недоумённо ждал, когда она соблаговолит подойти и снять трубку. Наконец Вера Ильинична, видимо, осознав всю нелепость ситуации, словно сомнамбула, двинулась в прихожую, а через считанные секунды вернулась оттуда с бледным искажённым лицом и кинулась к Ванникову:

— Это он! Это опять он звонил!

— Да кто, кто он? — отдирая её от себя перепуганный Пётр Игнатьевич, хотя уже прекрасно понимал, кого имела в виду его собутыльница, и от этого понимания последние волосы неслышно вставали дыбом на голове бывшего следователя генпрокуратуры.

— Он! Он! Муж мой покойный! — загробным голосом провыла старуха, и Пётр Игнатьевич, взвизгнув, вырвался от неё и стремглав сбежал по гнилым ступенькам крыльца ардашкинской дачи.

«Она сумасшедшая, — успокаивал себя Ванников. — Допилась до белой горячки. А может, ещё и мания преследования наложилась».

Больше Пётр Игнатьевич не подходил к калитке дачного участка зловещей вдовы.

А вот напротив Ардашкиной — особняк Марата Хрипунова. Может, зайти? Да ну его. Этот расплывшийся не по годам толстосум, как ни странно, тоже казался Ванникову едва ли не безумным. Надо же, вздумал приревновать свою прелестную жену к Петру Игнатьевичу, ничем не примечательному старцу!

Елена Хрипунова, надо признать, нравилась бывшему следователю прокуратуры, она была единственным нормальным, живым существом среди этого «музея восковых фигур», паноптикума новых русских. «Луч света в сером царстве», — шутя назвал её как-то Пётр Игнатьевич.

Белокурая Елена, как и Ванников, с болью переживала уничтожение сосен и елей, она вообще любила природу, деревья, птиц... Какая же замечательная женщина! Мужлан Хрипунов, не понимавший, каким редким сокровищем владеет, как-то грубо одёрнул Елену в присутствии Ванникова: «Делать тебе нечего, дорогуша, вот и возишься со своей смородиной да клубникой. Срамота! Перед людьми стыдно! Ещё будут говорить, что Хрипунов — скряга, питается подножным кормом. Да я тебе тонну этих ягод на рынке куплю!»

Пётр Игнатьевич с жалостью смотрел на Елену. Она как-то виновато потупилась, а потом не стерпела обиды и тихо заплакала. И Ванников еле удержался, чтоб не обнять её...

Следователь-пенсионер немного постоял, глядя на окна коттеджа Хрипуновых, потом повернулся и медленно зашагал к своему дому.

Глава тринадцатая

А в это самое время начальник службы безопасности и, по сути, личный телохранитель Марата Хрипунова, бывший чекист Владимир Шаргин пребывал в непривычном для себя нервно-возбуждённом состоянии. Неожиданное утреннее заявление босса, что ему срочно нужен авиабилет до Лондона, повергло Шаргина сначала в недоумение, а затем чуть ли не в панику.

Во-первых, Хрипунов всегда извещал о подобных вояжах заранее: это был основательный, неторопливый бизнесмен, он не любил принимать быстрых решений. Во-вторых, Марат Петрович всегда брал с собой в поездку Шаргина — тот был незаменим не только как охранник, но и как «организатор жизни».

Шаргин знал и то, что Хрипунов давно не садился за руль, стал даже побаиваться автомобиля. И вдруг хозяин раздражённо, безо всяких объяснений потребовал от своего ближайшего помощника, чтоб тот не задавал лишних вопросов, оставил его в покое — он, дескать, сам поедет в аэропорт, а «мерседес» бросит на платной стоянке.

Чудно! И не просто чудно, а подозрительно. Обладавший незаурядным опытом и интуицией Шаргин чувствовал, что происходит нечто из ряда вон выходящее. И не только в судьбе

Хрипунова, но и в судьбе всего его издательского комплекса. И, значит, в судьбе начальника службы безопасности — а это, собственно, и есть самое главное...

Шаргин попробовал взять себя в руки и проанализировать ситуацию. Для начала он влез в Интернет и внимательно просмотрел сводки новостей за последние дни. Шут его знает, вроде бы ничего экстраординарного, ничто не наводит на размышления... Ну просто тишь да гладь! Но уж больно смахивает этот внезапный отъезд шефа в Лондон то ли на бегство, то ли на экстренное конспиративное свидание с кем-то могущественным, таинственным...

Как бы то ни было, Владимир Климентьевич продолжал методично «копать», разъясняя ситуацию. Позвонил председателю правления банка «Норд-Вест» Вадиму Биланову, которого знал ещё с советских времён по партийно-чекистской работе:

— Привет, Билл, как дела?

— А, не спрашивай. Как сажа белая...

— Что так?

— Да ну тебя, ты совсем заплесневел на старости лет...

За новостями не следишь.

— А что за новости? — насторожился Шаргин.

— Медицинские новости, — ответил Биланов, будто перерывивая кого-то. — Ты слышал, что турецкие власти предоставили российской стороне участок побережья под строительство крупного санатория для душевнобольных?

— На что ты намекаешь? Меня это, слава богу, не касается, — мрачно ответил бывший чекист.

— А вот меня коснулось, — вздохнул банкир. — Мой, бляха-муха, вкладчик, нувориш от психиатрии, некто Градов, решил вложиться в этот проект и перевёл в Турцию из моего банка чуть ли не все свои авуары, то бишь денежки. А это, брат, не один миллион долларов...

— Сочувствую, — протянул Шаргин. — Слушай, Билл, а как там другой твой крупный вкладчик — я имею в виду моего босса? С его, как ты выразился, авуарами всё в порядке?

Биланов недовольно засопел в трубку.

— Ладно, понял тебя, — усмехнулся Шаргин. — Совесть банкира, понимаете ли... Давай так. Я говорю первую строчку стихотворения, и если счета в неприкосновенности, то ты молчишь,

не продолжаешь. А если он что-то куда-то перевёл по крупному, ты говоришь вторую строчку. Идёт?

— Давай, — невесело ответил Биланов.

— В лесу родилась ёлочка...

Банкир молчал.

— Ну, спасибо, дружище, утешил, — обрадованно вздохнул Шаргин.

— Я просто забыл продолжение, — хихикнул Биланов. — Шучу, шучу, не дёргайся...

Шаргин положил трубку и задумался. С одной стороны, вроде бы нет никаких подтверждений его беспокойству, а с другой — именно отсутствие каких-либостораживающих деталей очень часто говорит о тщательной подготовке крутых перемен. К тому же у Хрипунова есть счета и в других банках, не только в «Норд-Весте»...

В общем, пора выходить в поле. Он лично будет следить за боссом, сядет ему на хвост. В случае чего всегда можно оправдаться чрезмерной заботой, рвением по службе. Какую машину взять? Пожалуй, «Волга» чёрного цвета в самый раз будет...

Глава четырнадцатая

Рабочий день в управлении уголовного розыска — понятие растяжимое, и порой он тянется чуть ли не до утра. Старший оперуполномоченный Максим Бурцев, можно сказать, дневал и ночевал на службе, благо был холостяком. Куда хуже приходилось Каморину. После семи вечера мысли Алексея неизменно устремлялись к домашнему очагу, возле которого оперативника дожидалась очаровательная жёнушка.

Сегодня, седьмого ноября, день был как бы не вполне рабочий, праздничный, но коридоры и кабинеты МУРа, почти как в будни, пестрели многолюдьем. Все торопились использовать внеплановые двадцать четыре часа, чтобы «подчистить хвосты» или, как любил выражаться с грубой прямоотой начальник отдела убийств полковник Хлынов, «подобрать сопли».

Часы в кабинете показывали половину восьмого вечера, когда Бурав вернулся от Хлынова.

— Убийство в «Серебряных ключах», Комар, — сообщил он напарнику. — Кто-то устроил бойню в одном из коттеджей. Поедешь со мной?

Алексея, который совсем закинул над отчетом, не нужно было долго уговаривать. Оперативники сели в «Жигули» Бурцева, и подполковник, невзирая на плохую дорогу и довольно интенсивное движение, включил четвертую скорость.

— Один из пострадавших ещё жив, — пояснил он. — Надо успеть допросить его, пока он не предстал перед вечным судом.

Дежурная бригада отбыла в дачный посёлок в усечённом составе. В муровском микроавтобусе «мицубиси» разместились следователь городской прокуратуры Константин Шаравин, судмедэксперт Сергей Груздин и криминалист Слава Зарезин. Это был обычный приём подполковника Бурцева — появляться на месте преступления отдельно от остальных членов бригады, «без помпы», чтобы по-тихому «половить рыбку в мутной водичке». А тут ещё предоставлялась возможность получить ценные сведения от одного из пострадавших. Возможно, ключевые сведения об убийце. Только бы успеть...

«Шестёрка» подполковника буквально ворвалась на территорию Института Склифосовского, и Бурав с Комаром, на ходу застёгивая белые халаты, в сопровождении дежурного врача заспешили в реанимацию.

— Хрипунов Марат Петрович, сорок три года, черепно-мозговая травма, — тараторил врач, еле поспевая за оперативниками.

— Тот самый Хрипунов? — перебил его Алексей. — Ну, который был редактором...

— Да, тот самый. Диагноз — удар рубящим предметом, огромная кровопотеря. Ранение, на первый взгляд, не слишком тяжёлое, но у него просто никакая свёртываемость крови, её не удалось вовремя остановить...

— Жить будет? — на ходу бросил Бурцев.

— Почти никаких шансов, — авторитетно заявил врач. — Начались необратимые изменения во внутренних органах, прежде всего — в головном мозге. Мы, конечно, делаем переливание крови и плазмы. Но это уже вряд ли поможет.

Перед дверью в палату врач перевёл дух:

— Он только что пришёл в себя. Это ненадолго. Мы ему, конечно, не сказали правду, так что, сами понимаете...

Бурав и Комар уже входили в отдельную палату, где с перевязанной головой лежал под капельницей Марат Петрович Хрипунов. Жизнь угасала в его глазах.

— Моя жена... Белокурая газель... — слабым голосом пролепетал он.

— Она скончалась, — буднично ответил Бурцев. — Пулевое ранение в голову. У меня к вам один вопрос: кто убийца? Вы видели его?

Хрипунов молчал.

— Послушайте, Марат Петрович, — с досадой произнёс Бурцев. — Вам осталось жить считанные минуты...

Врач укоризненно всплеснул руками, а Хрипунов вдруг тихонько засмеялся:

— Ну уж, дудки! Я ещё вас переживу. Не дождётеся!

— Да я не возражаю, — скривился Бурав, — только сначала скажите, кто напал на вас? Вы его знаете?

— Да. Это был генерал Чухлов, — судорожно сглотнул Марат Петрович и закрыл глаза.

Бурцев подошёл к врачу и спросил вполголоса:

— Послушайте, а в результате этой травмы у него крыша поехать не могла?

Врач не успел ответить, он вдруг метнулся к пациенту, делая Бураву и Комару знаки удалиться.

В конце коридора Бурцев взял Каморина за пуговицу халата:

— Поганое дельце, а? Чувствую, сейчас такая каша заварится...

— Подполковник! — услышали они за спиной голос врача и резко обернулись. Врач стоял, подняв над головой руки, сложенные крест-накрест.

— Хрипунов умер, — констатировал Бурцев. — Поехали в «Серебряные ключи».

Комар, смутно помнивший, как они в интернате тайком от взрослых читали антисоветскую газету Марата Петровича, внутренне поразился причудливости судьбы. Давнишний ниспровергатель коммунизма покинул этот мир в день годовщины Октябрьской революции...

Глава пятнадцатая

На въезде в «Серебряные ключи» у покосившегося шлагбаума дежурила милицейская машина. Бурцев вышел из своих «Жигулей» и распорядился никого не выпускать из посёлка без особого разрешения следственно-оперативной группы. Связь держать по рации. Толку от этого, как прекрасно понимал подполковник, немного, но всё-таки...

— Ну что, отец, — обратился Бурав к потешному старику в камуфляже. — Кто тут мимо тебя проезжал в последнее время? Я имею в виду, кроме милиции, скорой... Соображаешь?

— Дак ведь понятно, — рассудительно отвечивал дедок. — В общем, ездют сейчас мало — непогода. По домам сидят, праздник празднуют. Около пяти вечера «Волга» чёрная в посёлок проехала, кто за рулём был — не видал, окна тонированные. Потом, где-то через час, ещё одна чёрная «Волга» мимо проехала — и всё направо, в одном направлении. И обе — не из наших. А обратно... Обратного-то никто из них не выезжал, вот ведь штука какая! Остальные-то машины я все знаю, а эти — нет...

— А есть в посёлке другой въезд-выезд? — встрял Каморин.

— Есть-то он есть, — почесал затылок охранник. — Только им уж давно не пользуются, там свалка, и туда разве что самосвалы за мусором пару раз в году приезжают.

— Ладно, давай, дед, будь здоров... Празднуй свой праздник.

Бурцев снова сел за руль, и они с Комаром въехали в заповедный посёлок. Дорога к коттеджу Хрипунова, как сказали постовые, поворачивала направо...

Перед особняком Марата Петровича виднелись милицейские машины — уазик и «мицубиси», около стоящей тут же «труповозки» маялись испитые санитары.

Бурцев выключил двигатель, вышел вслед за Комаром из «Жигулей», захлопнул дверь, зачем-то подёргал ручку и неспешно осмотрелся.

Свет горел лишь в нескольких домах, но у подполковника было такое чувство, будто из тёмных окон особняков за проходящим вокруг коттеджа Хрипунова наблюдают десятки глаз. И электричество погашено специально, чтоб лучше видеть, как на носилках выплывет в осеннюю хмарь укрытый простыней

труп молодой женщины... А кое-кто из соседей не утерпел-таки, выполз из своей берлоги, чтоб вблизи поглазеть на смерть.

Внимание Бурцева привлекла живописная старуха, стоявшая у калитки ветхого двухэтажного деревянного дома, что притулился напротив хрипуновского коттеджа. Тощая бабка куталась в драный лисий воротник и курила сигарету с длинным мундштуком. Бурав с Комаром подошли к ней, и Каморин ощутил явственный запах перегара.

— Вы что-нибудь видели или слышали? — спросил Бурцев, отметив про себя, что вблизи старуха и сама-то здорово смахивает на воплощённую Смерть.

— Разумеется, — хрипло произнесла старая дама. — Сначала, около шести, к Хрипуновым подъехала чёрная «Волга», из неё вышел статный такой военный. Понятное дело, к Елене. А тут, гляжу, и Марат Петрович на своём «мерседесе» пожаловал. Ну, думаю, сейчас будет потеха! — старуха икнула. — И точно: в доме пальба поднялась...

— Сколько было выстрелов? — вставил вопрос Комар.

— По-моему, два. Почти и не слышно за такими стенами-то, я бы и значения не придавала, если б не ожидала чего-то подобного. Звук — будто кто в ладоши хлопает. Ну, жду, что дальше будет. Минут через десять выходит этот самый военный, садится в свою «Волгу» и уезжает. Потихоньку, даже фары не включил.

— Что ж вы милицию не вызвали? — укоризненно спросил Каморин.

— А у меня телефон за неуплату отключили, вот что! — злобно бросила старуха и выдохнула дым в лицо Алексею.

Вера Ардашкина кривила душой. Телефон она испортила сама, без вмешательства АТС, зато теперь могла спокойно жить, не опасаясь сводящих с ума звонков...

— Ладно, смотрю дальше, — продолжала вдова. — Вижу, доктор Градов к дому подходит, он на соседней улице живёт. Наверное, тоже выстрелы услышал. Толкнул калитку, она открыта. Ну, тут и я осмелела, стала одеваться — выйду-ка узнать, в чём дело. Вошла к Хрипуновым, а там прямо поле боя: Леночка лежит посреди гостиной, Марат у камина кровью истекает, а Градов по телефону звонит... Меня на улицу выпроводил, велел, чтобы я скорую встречала.

— Вы сказали, что когда увидели чёрную «Волгу», то сразу поняли, что это приехал гость к Елене Хрипуновой, — заговорил подполковник. — Значит, вы уже видели здесь эту «Волгу» и этого военного?

— Конечно, — фыркнула свидетельница.

— И он приезжал в отсутствие хозяина дома, что говорит о его близких отношениях с потерпевшей? — гнул своё Бурав.

— Нет, я этого сказать не могу, — раздражённо проговорила старуха. — Как раз наоборот, он раньше, то есть до сегодняшнего дня, приезжал в гости, когда Марат был дома. Раза два или три. Но я была уверена, что рано или поздно всё кончится именно так. То есть они заведут шуры-муры за спиной у Марата.

— А что, Елена Хрипунова часто флиртowała с мужчинами? — спросил Бурцев.

— Ах, ничего я не знаю, — отмахнулась дама с мундштуком. — Только и дураку ясно, что эта богатая бездельница имела любовничков, это уж как пить дать. По-другому не бывает.

— Бывает, — раздался вдруг поблизости суровый мужской голос.

Оперативники разом оглянулись и различили в полумраке скорбленную фигуру бывшего следователя по особо важным делам Генеральной прокуратуры Петра Ванникова.

— Пётр Игнатьевич? — подполковник Бурцев искренне удивился присутствию ветерана в «Серебряных ключах».

— Нда-с, собственной персоной, — склонил голову в приветствии пенсионер.

Вид у Ванникова был скорбный, но тем не менее чувствовалось, что ему приятно льстит замешательство знаменитого муровца. Как же, ведь Пётр Игнатьевич — обитатель посёлка миллионеров! Вряд ли Бурцев мог даже мечтать о чём-то подобном.

Мир, как известно, тесен, а мир столичных правоохранительных органов — и подавно. Несколько раз за минувшие десятилетия Бурцев и Ванников сталкивались по долгу службы и уважительно относились друг к другу, несмотря на то что иной раз их сугубо ведомственные интересы, прямо скажем, не совпадали.

— Помнится, мы с вами в 91-м расследовали серийные убийства девушек, — помолчав, проговорил Пётр Игнатьевич.

— Проституток? — почему-то счёл нужным уточнить Бурцев. — Да, было дело. Только следствие вела вы, а я убийцу-

маньяка искал. Как говорится, почувствуйте разницу... Меня ведь ваша контора отстранила от дела, причём аккурат в тот момент, когда я вышел на серьёзных людей, замешанных в этих убийствах. А вы вроде бы и после меня продолжали заниматься расследованием, если я не ошибаюсь?

— Какое-то время — да, но вскоре дело прикрыли. Как принято говорить, возникли новые обстоятельства.

— Пётр Игнатьевич, давайте всё-таки поговорим о сегодняшнем убийстве, — мягко перебил его Бурцев. — Мне показалось, что у вас есть о чём рассказать, не так ли?

Старуха алчно следила за их разговором, и все трое — Бурав, Комар и пенсионер — двинулись по бетонной дороге вглубь посёлка.

Вопреки ожиданиям Бурава, Пётр Игнатьевич Ванников не сообщил ничего существенного — во всяком случае, на первый взгляд. Его показания смахивали скорее на эмоциональные впечатления поэта, нежели на сухое изложение фактов устами опытного прокурорского работника. Главная мысль в рассказе бывшего следователя заключалась в том, что Елена Хрипунова, о смерти которой он только что узнал от старухи с мундштуком, была чуть ли не образцом женской святости. Впрочем, Ванников подтвердил, что к Хрипуновым действительно подъезжала чёрная «Волга». Пенсионер как раз выходил подышать воздухом, когда машина проехала мимо его участка.

— Да, кстати, — с какой-то загадочностью произнёс вдруг Ванников, — сейчас я пишу мемуары... — он почему-то запнулся, и Бурцев иронично вставил:

— Вот как? Достойное занятие.

— Я хотел сказать, что мемуары эти повествуют как раз о событиях 1991 года, и вы, между прочим, там упоминаетесь. Но я не за этим вам говорю о мемуарах. Там фигурируют весьма высокопоставленные деятели той поры, замешанные в чудовищной ситуации с убийствами девушек...

— Да-да, я помню, — нетерпеливо перебил пенсионера Бурцев. — Секретный оборонный институт в Подмоскowie, военные тузы, развлекавшиеся с девицами... Потом, кажется, директор института застрелился?

— Да, верно. Фамилия этого академика была Ардашкин. Только что вы разговаривали с его вдовой.

Последняя фраза прозвучала весьма эффектно, однако Бурав был не из тех, кого можно легко шокировать какими бы то ни было невероятными совпадениями.

— И что дальше? — спросил он Ванникова.

— А вот что, — упорно продолжал пенсионер. — Дело в том, что написать мемуары о том секретном расследовании мне заказал не кто иной, как потерпевший Марат Петрович Хрипунов, которого увезли на скорой.

— Теперь уже можно сказать — покойный Хрипунов, — поправил его Бурцев. — Он умер в «Склифе» примерно час назад.

— Под капельницей, буквально на наших глазах, — зачем-то добавил Комар и сам почувствовал, как нелепо прозвучала его фраза.

Взгляд Ванникова заметался от Бурава к Комару, пенсионер был явно потрясён этим известием.

— Хрипунов мёртв? — на лице Петра Игнатьевича отобразился мистический ужас, казалось, он вот-вот осенит себя крестным знаменем. — Н-да... Вы знаете, в таком случае я не удивлюсь, если через какое-то время будет обнаружен и мой бранный труп.

— Ну, разумеется, — кивнул Бурцев. — К тому времени как будет обнаружен ваш бранный труп, вы действительно утратите способность чему-либо удивляться.

Пётр Игнатьевич неожиданно оценил чёрный юмор подполковника, от души рассмеялся и пригласил оперативников после завершения осмотра места происшествия зайти к нему в коттедж на чашку чая.

— Уж не откажите, по старой памяти, — церемонно склонил голову набок ветеран прокурорской службы. — Заодно и побеседуем, в тепле-то, да за чаем с наливкой, оно комфортнее будет...

Однако Бурцев с отчётливой прохладцей отказался.

— Да, и вот что ещё, Пётр Игнатьевич, — как бы между делом осведомился он. — У вас имеется оружие?

— Имеется, наградной пистолет Макарова, — с готовностью ответил Ванников. — За долгую и безупречную службу, знаете ли...

— Гм... Я, конечно, понимаю, что в свете надвигающегося покушения на вашу персону пистолет вам необходим как никогда, и всё же прошу одолжить его нам на пару дней для проведения экспертизы.

— Что ж, извольте... — картинно развёл руками Пётр Игнатьевич. — Порядок есть порядок. Кому, как не мне, это понимать...

Покончив со старухой и Ванниковым, оперативники направились в коттедж, где совсем недавно разыгралась бойня.

...Бурав совершил, казалось бы, совсем небольшую оплошность — он поддался эмоциям. Подполковник отказался от приглашения Ванникова по одной-единственной причине: он был уверен, что, если бывший следователь Генпрокуратуры имеет коттедж в «Серебряных ключах», это означает простую вещь — «важняк» получил в своё время взятку. И, скорее всего, не одну.

Если бы Бурав, проигнорировав возникшую в его душе неприязнь к Петру Игнатьевичу, поговорил с ним в спокойной обстановке, возможно, он сделал бы исключительно важные во всех смыслах открытия. Но Бурав лишь сухо распрощался со стариком. А впоследствии этот чисто эмоциональный промах оперативника вырос до размеров непростительной ошибки.

Что ж, бывает...

Глава шестнадцатая

Зрелище, представшее глазам Бурава и Комара в гостиной на первом этаже готического коттеджа, действительно ужасало. Криминалист Зарезин фотографировал убитую Елену Хрипунову. На молодой женщине было чёрное вечернее платье с бриллиантовой брошью, на стройных ногах красовались изящные туфельки. И всё бы хорошо, если бы не то обстоятельство, что у хозяйки дома недоставало... половины головы. Вряд ли Марат Петрович назвал бы сейчас свою жену белокурой газелью.

Возле столика с напитками и закусками сидел, уткнув лицо в ладони, доктор Градов. При появлении оперативников он встрепенулся:

- Как там Марат? Вам что-нибудь известно?
- Скончался в реанимации, — буднично ответил Бурав.
- Скончался? — переспросил Градов. — Вы хотите сказать, что он умер?

На лице доктора было написано изумление.

— Ну да, умер, отправился к праотцам, преставился, отошёл в мир иной — как вам будет угодно, — пояснил подполков-

ник. — Ёлки-палки, почему всех так поражает смерть господина Хрипунова? А? Разве в ней есть что-то, противоречащее законам мироздания?

Комар крикнул: ясно было, что после разговора со стариком Ванниковым у подполковника резко испортилось настроение.

Бурцев между тем повернулся к Зарезину, и тот протянул ему полиэтиленовый пакетик с гильзой:

— Похоже, пистолет Макарова, товарищ подполковник. Женщина убита выстрелом с расстояния 2,5-3 метра. Что касается мужчины, которого ещё до нашего появления увезла скорая, его, скорее всего, ударили вот этим предметом, — Зарезин указал на изящную чугунную кочергу. — На металле — следы крови. Но отпечатков пальцев не обнаружено.

— Теперь вы рассказываете, — обратился Бурцев к психиатру.

Градов в нерешительности покусывал нижнюю губу. Говорить ли ищейкам о спаренном телефоне, который они с Хрипуновым провели в коттедж доктора? Срамота какая-то. Он, известный психиатр, будто пацан, играет в шпионов... Пожалуй, лучше промолчать. А вот хронологию событий он изложит подробно и обстоятельно. Ну, лишь немного придаст всей истории более-менее пристойный вид...

Согласно показаниям Градова, Хрипунов давно подозревал свою жену в супружеских изменах. Конкретно — Марат Петрович называл имя начальника своей службы безопасности, бывшего чекиста Владимира Шаргина.

Сегодня после обеда, часа в четыре, Хрипунов заехал к доктору по пути в аэропорт — якобы собирался лететь в Лондон. И вновь, как обычно, делился с другом своими тревогами. Вдруг Хрипунов занервничал: он увидел, что из трубы его коттеджа показался дымок. Это было в шесть — в начале седьмого.

«Елена никогда не топит камин, если одна дома, — заявил Марат Петрович. — Как-то сильно обожглась... Значит, у неё кто-то есть!» Удержать Хрипунова оказалось невозможным, он сел в «мерседес» и отправился вокруг квартала к себе в коттедж. Градов в тревоге вышел на балкон. Прошло всего несколько минут, как вдруг до него слабо донёлся звук выстрела.

— Выстрел был один? — уточнил подполковник.

— Не уверен, — покачал головой доктор. — Ведь я сразу кинулся в дом, мог и не услышать другие выстрелы. Я набросил пиджак и пошёл к Хрипунову.

— По пути вам никто не встретился?

— Не помню... Хотя постойте, какая-то чёрная легковушка ехала навстречу, я еле успел посторониться. Но вот марку не заметил... Темновато было, а он ехал с выключенными фарами.

— Что было дальше?

— Возле коттеджа Хрипуновых я увидел шестисотый «мерседес» Марата. Калитка и входная дверь в дом были открыты, я вошёл и обнаружил убитую Елену. Марат лежал на полу без сознания, в луже крови. Я вызвал скорую и милицию.

— Двойка вам, доктор, — покачал головой Бурцев. — Что ж вы не могли кровотечение остановить у Хрипунова? Ведь рана-то у него была не такая уж серьёзная, он умер от потери крови!

— Вообще-то я психиатр, а не врач скорой помощи, — с достоинством ответил Градов.

— Ну да, ну да, — издевательски согласился Бурав. — Вы знаете генерала Павла Чухлова?

— Кто ж его не знает... — пожал плечами Градов. — Известный ястреб, политик с радикальными взглядами. Кажется, русофил и юдофоб...

— Хватит политинформации! — нахмурился Бурцев. — Я имел в виду, знакомы ли вы с ним лично?

— С профессиональной точки зрения? Нет, Чухлов никогда не был моим пациентом, если вы на это намекаете. Но даже если бы он и обращался ко мне за помощью или консультацией, я не вправе говорить вам об этом. Вы же понимаете, врачебная тайна.

— Вам приходилось встречаться в обществе?

— Н-нет... Хотя... — Градов наморщил лоб, что-то припоминая. — На минувшем рождественском приёме в Кремле, где собрался цвет нации, был и Чухлов...

— И вы тоже, разумеется, — насмешливо вставил подполковник.

— Конечно, — подтвердил доктор. — Не понимаю вашего тона. Между прочим, на том приёме я встретил генерала в одной компании с супругами Хрипуновыми. Они очень мило разговаривали.

— Чухлов приударял за Еленой? — быстро спросил Бурцев. Градов осуждающе посмотрел на своего собеседника.

— Ну, знаете ли... За кого вы меня принимаете? За сплетника?

— Ладно, идите домой, — устало сказал подполковник. — И имейте в виду, что вас, скорее всего, ещё вызовут.

Градов молча вышел.

Глава семнадцатая

— Макс, можно её увозить? — спросил Бурцева судмедэксперт Груздин.

— Пожалуй... Распорядись там, Сергей, пусть забирают...

Пока санитары грузили на носилки труп Елены Хрипуновой, Бурав подошёл к туалетному столику возле зеркала в дубовой раме и вытряхнул на его поверхность дамскую сумочку из крокодиловой кожи. Помимо обычных женских аксессуаров его внимание привлекла квитанция, на которой значилось название магазина — «Антиквариат». Товарный чек был выписан на особо крупную покупку, поэтому внизу красовалась собственноручная подпись владельца магазина, рядом с которой разборчиво читались его фамилия и инициалы: А. С. Безлепкин.

— Икона Илии Пр., сер. 17 в., дерево, лёвкас, темпера. 67 X 55 см. Оклад: серебро, лалы, бирюза, эмаль. Цена 9200 у. е., — по слогам прочитал подполковник. — Ну, и где же этот шедевр церковного творчества, хотелось бы знать? А? Квитанция датирована первым ноября...

В этот момент к Бурцеву подошёл один из милиционеров и протянул ему рацию:

— Вас, товарищ подполковник.

— Бурцев слушает, — выдохнул в микрофон Бурав.

— Тут чёрную «Волгу» на выезде из посёлка задержали, — донеслось сквозь треск из рации. — Похоже, та, что мы разыскиваем.

— Молодцы! Давайте сюда вместе с водителем, или кто там ещё есть...

Через минуту в гостиную ввели хмурого Шаргина. Бурцев внимательно посмотрел на этого детину лет пятидесяти от роду и холодно произнёс:

— Представьтесь, пожалуйста.

— Шаргин Владимир Климентьевич, руководитель службы безопасности господина Хрипунова...

— Ну-с, и что мы подельвали в Серебряных Ключах, Владимир Климентьевич?

— Мне скрывать нечего, — начал Шаргин. — Сегодня утром шеф распорядился заказать ему билет в Лондон на вечер, с выкупом непосредственно в Шереметьево.

— В этом было что-то необычное?

— Скорее да, чем нет. Хрипунов — человек осторожный и, как бы сказать, любит пускать пыль в глаза. Без охраны редко куда ездит, тем более так далеко.

— Ясно. У элиты свои правила игры, свой этикет, — кивнул Бурцев.

— Да ведь и за руль он давно не садился, — Шаргин чувствовал себя всё более уверенно. — И, представьте себе, вдруг он нервно так, даже злобно приказывает оставить его в покое, то есть совсем одного, и не сопровождать даже до аэропорта. Я, знаете, человек не слишком-то мнительный, но тут забеспокоился. У меня сложилось впечатление, что он действует не по своей воле, а по чьему-то принуждению.

— Что-то подобное уже когда-нибудь случалось? — поволил себе вопрос Каморин.

— Нет... Но когда по телевизору постоянно показывают шантаж, бандитские наезды, мозги сами начинают работать в этом направлении. И я на свой страх и риск решил держать Хрипунова в поле зрения тайно от него. Приехал сюда, в Ключи, около пяти часов вечера, встал в проулке между домами и за перекрёстком начал наблюдать, чтобы, когда Марат Петрович в аэропорт поедет, незаметно за ним пристроиться. Около шести часов по направлению к дому Хрипуновых проехала чёрная «Волга»...

— Номер запомнили? — быстро спросил Бурцев.

— Конечно, — пожал плечами Шаргин. — И даже записал, вот он.

Владимир Климентьевич протянул Бураву кусочек бумажки. «Проверь», — кивнул тот Комару, и Алексей пошёл к телефону. Между тем Шаргин продолжал:

— Буквально через пятнадцать минут показался «мерседес» Марата Петровича, но ехал он не от дома, а с параллельной

улицы. Не доезжая до меня, Марат Петрович повернул к своему коттеджу. Прошло ещё минут пятнадцать, и вновь показалась та же «Волга»...

— Откуда вы знаете, что именно та? — прищурившись, спросил Бурцев.

— По номеру, конечно, — удивился Шаргин. — Он ехал с выключенными фарами, словно крадучись, но у меня всегда под рукой прибор ночного видения... Так вот, эта «Волга» не поехала к выезду, а на перекрёстке резко повернула и направилась вглубь посёлка.

— Понятно... Что было дальше?

— Дальше? Показался мужчина в пиджаке, он шёл оттуда, откуда выехал «мерседес» Марата Петровича. Смотрю, человек сворачивает в сторону коттеджа Хрипунова. Жду, жду — нет машины шефа. Заволновался: до вылета в Лондон времени в обрез, а он чего-то медлит. А тут — мать честная! — вереница машин появляется: милиция, скорая, «труповозка»... Я постоял-постоял, вижу — скорая отъехала, кто там — шут его знает. Но чувствую — это всё Хрипунова касается, как пить дать. Ещё немного подождал и решил: поеду-ка от греха, потом всё узнаю... Тут ваши люди меня на выезде и задержали.

— Хорошо, — пробормотал Бурцев. — Константин, ты всё зафиксировал в протоколе?

— Угу, — отозвался следователь Шаравин.

— Тогда, Владимир Климентьевич, распишитесь, и... вы задержаны по подозрению в причастности к убийству Хрипунова Марата Петровича и Хрипуновой Елены Александровны.

— Как вы сказали? — переспросил Шаргин. — Они убиты? Оба?

— Да, ничего не поделаешь. Люди смертны, а главное — внезапно смертны, — процитировал классика подполковник Бурцев. — И сдайте ваше оружие. У вас ведь пистолет Макарова, верно?

Комар, закончивший говорить по телефону, повернулся к Бураву:

— Чёрная «Волга» с указанным номером — служебная машина генерала Павла Чухлова.

Глава восемнадцатая

Вера Ильинична Ардашкина тоже хорошо знала булгаковское изречение о внезапной смертности человеческой особи. Но внезапность — штука несговорчивая, её не подгадаешь, не приблизишь. Шестидесятипятилетняя Вера Ильинична устала ждать смерти, а больше ей ждать было нечего.

Она подошла к окну своей дачи со стаканом неразбавленной текилы. Ишь, суетятся, шерлоки холмсы и доктора ватсоны... Суетись не суетись, а законы жизни не переделаешь. Вон Елена-святоша и в церковь-то втайне от мужа ходила, и перед иконами дома молилась, и мужиков к себе не водила... А всё один конец: как только надумала вильнуть хвостом, так и смерть тут как тут. Умерла-то изменницей! Да ещё и мужа с собой прихватила. Эх, Марат, уж как ты, бедный, вкалывал день и ночь, баловал эту стерву...

А она даже ребёночка родить не сумела, пустоцвет раскрашенный. Вот оно как бывает. А у неё, Веры Ардашкиной, сыночек был... Вера Ильинична одним махом опрокинула винный стаканчик текилы и зажмурилась.

Однажды Анатолий Семёнович, уже ставший академиком, уехал на какое-то международное сборище в Варне, и Вера Ильинична развернулась от всей души. Сколько мужчин побывало в их квартире за ту памятную неделю — никто не ведаёт, даже она сама. Во всяком случае, Вера Ильинична так и не узнала, от кого впоследствии родила сына Тёмку. Потом она неоднократно со смехом рассказывала подругам: «Мой-то, дурак, радуется, думает, его сын! Вот ведь идиот, а ещё академик хренов, чтоб он сдох!». Незаметно для себя Вера Ильинична всё чаще в мыслях и разговорах желала смерти своему супругу.

И что же? Мальчуган получился вылитым Анатолием Семёновичем. Отец и сын быстро подружились, пацан дожидаться не мог, когда папа придёт с работы, и Анатолий Семёнович всеми правдами и неправдами стремился освободиться пораньше, взять дела на дом.

Ардашкин сам покупал мальчику детское питание, мыл ему попу по утрам и вечерам, рассказывал перед сном сказки... Веру он практически перестал замечать, а однажды, когда Тёмке было уже лет семь, она услышала, как Анатолий Семёнович говорил

мальчугану: «Вот скоро подрастёшь, и мы с тобой будем жить вдвоём. Сейчас ты ещё маленький, тебя от мамы не отпустят»...

Едва ли меньше, чем мужа, Вера возненавидела и ребёнка — глазастенького весёлого мальчика Тёму. Болезненного, тщедушного. Ублюдка. А что? По всем понятиям он и был ублюдком. На тебе, называла так мужа, а отозвалось на сыне. Смешно!

Был лютый январский мороз, да с ветром, со снежной крупкой, когда Анатолий Семёнович уехал в Сидней на симпозиум. «Давай-ка, сынок, закаляйся, чтобы, когда папа вернётся из Австралии, ты ему похвастался своей закалкой», — предложила Вера Ильинична сыну. Тёма, никогда не слышавший от мамы ни одного ласкового слова, терпевший от неё только ругань и побои, обрадовался: оказывается, мама хорошая!

Вера настезь распахнула балкон и заставила мальчика голышом выполнять физические упражнения. «Холодно, мама, — хныкал ребёнок, — может, пока хватит?» — «Не обращай внимания, ты ведь мужчина!»

Так продолжалось почти час. К вечеру у Тёмы поднялся жар, он уже ничего не соображал и не понимал, зачем мама одевает его и несёт на улицу. А Вера Ильинична посадила мальчика рядом с собой на лавочку и, здороваясь с проходящими мимо соседками, рассказывала ему разные истории до тех пор, пока сама в конце не закоченела в своей енотовой шубе.

Под утро Тёма умер, приехавший врач с соболезнованиями констатировал скоротечное крупозное воспаление лёгких. Мальчика похоронили на Калитниковском кладбище, где уже покоилась мать Веры Ильиничны.

Когда Анатолий Семёнович приехал из Сиднея с подарками для маленького Тёмы — чучелом крокодилчика, роликовыми коньками, забавными плюшевыми кенгуру — он увидел закрытые чёрной тканью зеркала, поставленную на попа детскую кроватку...

— Это ты во всём виноват, — спокойно сказала Вера Ильинична. — Если бы ты не катался по всяким заграницам, то мальчик был бы жив. Ты сумел бы спасти его, у тебя ведь большие связи. А я — я никто, так, пустое место...

Анатолий Семёнович молчал, уткнув лицо в ладони.

— Да ладно, ты уж очень-то не переживай, — презрительно продолжала она. — Ребёнок был не от тебя. Я никогда

тебя не любила и не хотела от тебя рожать. Мне проще было от первого встречного родить, чем от тебя, этакого небожителя с голубой кровью.

— Зачем же ты замуж за меня выходила? — глухо спросил академик.

— А чтоб тебе жизнь мёдом не казалась, вот зачем. А то ты уж больно правильный, прямо крылышки за спиной режутся. И ещё думала, что с твоими деньгами по-людски поживу, в свете поворачаясь, как жена учёного. Думаешь, мне не хотелось жить как нормальные люди? Я с детства одну мерзость видела...

— Наконец-то мы заговорили по-человечески... Что Тёма не мой биологический сын, я знал, — вздохнул Анатолий Семёнович. — Но это не мешало мне любить его как родного.

— Знал? — взвизгнула Ардашкина. — Экспертизу тайком провёл, гад?

— Зачем, — пожал плечами академик. — Просто твои подружки мне всё рассказали.

— И ты поверил, да? Значит, заранее считал меня способной на такое? Ты подонок! Надо было послать моих подруг куда подальше, а не слушать их грязные сплетни!

— Ты же сама только что сказала, что это правда.

— Ты не мужик! Ты урод, ублюдок!

Анатолий Семёнович молча поднялся, собрал вещички. Потом подошёл к притихшей Вере Ильиничне, плюнул ей в лицо и вышел из квартиры. Для неё — навсегда.

Это было в середине семидесятых.

Глава девятнадцатая

Бурав устало зевнул и подозвал к себе Алексея.

— В общем, Комар, картина более-менее ясна. Проводив мужа в командировку, Хрипунова пригласила в гости другого мужчину — судя по свидетельским показаниям, генерала Павла Чухлова. Это подтверждает и визитная карточка Чухлова, лежащая возле телефона. А муженёк-то, как на грех, заметил дымок над трубой и сообразил, что дыма без огня не бывает... Похоже, его мнимая поездка в Лондон — своего рода провокация. Он ждал чего-то подобного и заранее планировал застукать жену с любов-

ником. Согласно показаниям доктора Градова, Хрипунов думал, что это его телохранитель Шаргин. Шаргин отрицает, что у него была связь с женой хозяина... Однако он был поблизости во время убийства, и роль его во всей этой истории мне ещё до конца не ясна. Хотя его показания полностью вписываются в показания Градова и Ардашкиной.

Старуха Ардашкина заявляет, что визитёр был в шинели и фуражке. Хрипунов опознал в человеке, который нанёс ему удар кочергой, генерала Чухлова. Как была убита его жена, Хрипунов не видел, потерял сознание.

Итак, складывается определённая последовательность событий. Поняв, что у Елены кто-то есть, Марат Петрович ринулся к себе в коттедж. Мог бы, между прочим, прихватить с собой доктора Градова, но, видно, гордость не позволила. Заплатить за такой снобизм пришлось собственной жизнью... Хрипунов недооценил своего соперника. Вместо того чтобы на коленях умолять о пощаде, генерал хватил Марата Петровича кочергой — видимо, как раз в этот момент ворошил угли в камине. Елена запаниковала, сочтя мужа убитым. Закричала... И Чухлов, будучи человеком военным, принял молниеносное решение избавиться и от неё, как от свидетеля убийства. Но бить женщину по голове кочергой — это, извините, моветон. И он застрелил её из табельного пистолета Макарова. Чухлов уже не раз бывал здесь и мог знать о втором выезде из посёлка. Туда он и направил свою «Волгу». Вот почему сторож на главных воротах не видел, как выезжала машина генерала, — Бурав подошёл к камину, снял телефонную трубку и набрал номер: — Алло. Это Бурцев. Генерала Павла Чухлова — в розыск. Немедленно. Основание — подозрение в совершении особо тяжких преступлений. При обнаружении задержать. И осторожнее: он вооружён и, как я понимаю, сначала стреляет, а уж потом извиняется.

Комар не сомневался, что даже если бы Бурав объявил в розыск начальника Генерального штаба, его распоряжение было бы тут же выполнено.

Когда на следующее утро Алексей пришёл в МУР, Бурав уже давно был на месте. Первое, о чём он сообщил Комару, так это об исчезновении генерала Чухлова. Точнее до сих пор московская

милиция так и не смогла его найти, а на службу в Генштаб Чухлов пока что не явился.

— Что будем делать? — озадаченно посмотрел на Бурава Алексей. — Может, съездить в Серебряные Ключи, осмотреть там всё ещё разок? Ну, при свете дня...

— Хочешь позабавиться? — перебил его подполковник, но ничего весёлого его тон не предвещал. — Поехали в антикварный магазин на Таганку. Ну, тот самый, где Елена Хрипунова неделю назад икону приобрела. Этот Безлепкин, хозяин магазина, мой старый знакомец... И знаешь что, Комар? Интуиция мне подсказывает, что сейчас мы поможем тамошним аптекам сделать план по продаже сердечно-сосудистых препаратов...

Остановив выдавшие виды «Жигули» прямо под огромной вывеской «Антиквариат», Бурцев вальяжно выпростался из-за руля, жестом приказав Комару следовать за собой. Войдя в магазин, подполковник тут же перевернул на двери табличку, которая стала возвещать о том, что капище раритетов временно закрыто для покупателей.

— Московский уголовный розыск, отдел убийств, подполковник Бурцев, — громогласно объявил Бурав, и редкие посетители как-то бочком двинулись к выходу. — Да-да, выходите, не стесняйтесь, мне нужен хозяин.

Из недр магазина появился встревоженный Андрей Степанович Безлепкин, тщедушный мужчина лет пятидесяти с каким-то нездоровым, аж до неприятности, лицом.

— Слушаю вас, господа, в чём дело?

Бурцев протянул ему товарный чек, изъятый из сумочки убитой Елены Хрипуновой, и с едва уловимой издёвкой произнёс:

— Славная икона, верно? И цена хорошая. Это ведь донионовское письмо, историческая ценность. Вы обязаны иметь подробное описание таких шедевров, поступающих к вам на комиссионную продажу. Более того, вы обязаны ставить в известность о подобных поступлениях Петровку, 38. Так?

— Так, — согласился Безлепкин, теребя в руках квитанцию, и на секунду Комару показалось, что старьёвщик сейчас примется рвать избочливающую бумажку на мелкие кусочки. Но Безлепкин вернул квитанцию Бураву и продолжил: — Но, как вы понимаете, в жизни иногда всё получается... мм... проще... С неделю назад некий мужчина принёс эту икону. Дело было под вечер, он ска-

зал, что хотел бы проконсультироваться о её цене... Но мы уже закрывались и предложили ему оставить икону у нас до утра, он согласился. А утром пришла наша постоянная клиентка, очень богатая дама, и я решил показать ей этот образ. Она обычно именно иконами интересуется. Мы сторговались. Тут как раз и хозяин позвонил, цена его устроила. Он приехал за деньгами, вот и всё. Все довольны.

— Нет, — покачал головой Бурцев. — Нет, любезный. Я не доволен. А это в корне меняет дело. И может изменить всю вашу дальнейшую судьбу.

Безлепкин под немигающим взглядом Бурцева вдруг ощутил всю свою беспомощность и оглянулся вокруг. Его вооружённый охранник демонстративно отвернулся, глядя за окно, двое крепких, натренированных продавцов делали вид, что сверяются с отчётными книгами... Боже мой, если бы этот сыщик с внешностью убийцы принялся прямо здесь резать хозяина магазина на кусочки и пожирать, никто не заступился бы за него!

И в глубине души Безлепкин отлично понимал своих слушающих: от подполковника Бурцева веяло какой-то парализующей, потусторонней, наводящей ледяной ужас силой.

— Эге, да ведь мы встречались, — зловеще подмигнул Безлепкину Бурав. — Не помните? Ну, какой вы забывчивый, право слово, даже обидно как-то.

Безлепкин утрачивал восприятие реальности. Нити, соединяющие его с внешним миром, рвались одна за другой. Куда там, забывчивый! Нет, не забыл он подполковника Бурцева, да и до конца своих дней не забудет, это уж как бог свят...

— Два года назад ваш магазин якобы ограбили, убили охранника, — прищурясь, продолжал Бурав. — Вот-вот, вижу, что вспомнили. Потом похищенные цацки всплыли на аукционе в Сотби, а на ваш банковский счёт в оффшоре поступила кругленькая сумма. И сидеть бы вам, любезный, до скончания жизни, да у вас нашлись мощные покровители. Как говорится, пронесло тогда вас. Но... худой знак, барин, совсем худой, — покачал головой подполковник. — Кто два раза попадает Бурцеву на пути, обычно долго не живёт. Я имею в виду — на свободе. Это в лучшем случае.

— А в худшем? — зачем-то спросил антиктвар, постепенно превращаясь в безвольного зомби.

— Ну, иногда такого человека его же дружки-подельники быстренько убирают. Чик — и готово. Чтоб, значит, в третий раз, не дай бог, человек со мной не встретился, — Бурцев небрежным шелчком сбил с лацкана пиджака воображаемую пылинку.

— Стало быть, угрожаете? — всхлипнул антиквар.

— Угрожаю? — изумился Бурцев и вплотную приблизил к Андрею Степановичу своё лицо. — Запомни, ты, золотарь: Бурцев не угрожает. Бурцев уничтожает.

Безлепкин потерял сознание. Во всяком случае, так ему казалось. В каком-то звенящем сне он передал оперативникам цветную фотографию иконы Илии пророка, её подробное описание...

А после ухода страшных визитёров ещё около полутора часов принимал успокоительные препараты, пока, наконец, не решился позвонить крутому авторитету, по кличке Бургас. Откровенно бандитская структура Бургаса уже не первый год крышевала антикварный магазин и ювелирную мастерскую Безлепкина.

В конце концов, нет таких проблем, которые не мог бы решить Бургас — самоуверенный, наглый и безжалостный хряк. Впрочем, хряк лощёный, всячески старающийся придать себе вид уважаемого бизнесмена. Он всё уладит. Так утешал себя донельзя выбитый из колеи антиквар Безлепкин.

Глава двадцатая

— Бурцев? — взревел на другом конце провода голос Бургаса. — И вы так спокойно об этом говорите — «опять тот самый Бурцев»! Это не просто «тот самый» Бурцев, это наш с вами гроб, один на двоих! Знаете, как в старых сказках — «они жили счастливо и умерли в один день». Не знаете? Ладно... Немедленно дуйте к нам в офис. Хотя... За вами, поди, уже «хвоста» прицепили. Вот ведь послал бог лоха! Так, через полчаса будьте в «Трёх пескарях».

Отношения Безлепкина и Бургаса давно утратили былой паритет, и криминальный заправила уже не утруждал себя соблюдением приличий в общении со своим подопечным антикваром. Виной этому был, конечно же, сам Андрей Степанович. После инсценированного им и Бургасом два года назад ограбления собственного магазина Безлепкин как-то сник, утратил волевые

качества, когда-то присущие этому удачливому торговцу драгоценностями.

Вот и на встречу в ресторане «Три пескаря» Андрей Степанович явился как бедный родственник. С недавних пор он взял за привычку сутулиться и наклонять голову набок, слушая собеседника.

— Присаживайтесь, — бросил ему Бургас слегка дружелюбнее, чем во время телефонного разговора. — Ну, выкладывайте, что там у вас с уголовным розыском в лице чудовищного Бурцева.

— Да уж, нагрянул так нагрянул, хуже налоговой полиции, — заискивающе начал Безлепкин.

— Это с ним бывает, — кивнул Бургас. — Ох, и не любит он нас, смерть как не любит...

— Кого это — нас? — насторожился антиквар.

— Жуликов да убийц, милейший Андрей Степанович, кого ж ещё?

Антиквар отвёл взгляд в сторону и как можно более равнодушно поведал про случившуюся «оказию» с иконой, происхождение которой действительно было весьма сомнительным.

— А что, говорите, за клиентка-то? — как бы вскользь поинтересовался Бургас.

— О! — поднял вверх палец Безлепкин. — Елена Хрипунова — мечта любого торговца драгоценностями! В камнях, художественной работе разбирается прекрасно и платит по-царски.

— Хорошая, стало быть, клиентка? — каким-то странным тоном уточнил его собеседник.

— Ну, да...

— О хороших людях забывать нельзя, грех. Так что сходите в церковь, помолитесь за упокой души рабы божьей Елены. Её зверски убили вчера в собственном доме. Вместе с мужем. А икону, выходит дело, теперь ищут. Пропала, стало быть, икона. Одна только квитанция с вашей подписью осталась.

На минуту-другую Безлепкин лишился дара речи. Он механически продолжал делать жевательные движения, хотя во рту у него давно было пусто. Авторитет с интересом наблюдал за движениями потрясённого антиквара, потом вздохнул.

— Как же это вы, Андрей Степанович, до сих пор ничего о подполковнике Бурцеве не знаете? Я в Москве всего-то года три,

и то слышан об этом деятеле. А вы ведь, если не ошибаюсь, лет пятнадцать в столице дела ведёте?

— Четырнадцать, — уточнил Безлепкин. — До того в Риге бизнесом занимался...

— А, ну да, я понял. Бурцев ведь убийствами занимается, а вы всё больше по торговле, хищениям, скупке краденого...

— А что, этот сыщик — он инопланетянин, что ли? — попробовал пошутить Андрей Степанович, но вместо иронии в голосе прозвучал страх. — Ему деньги, загородный дом, красивые бабы не нужны?

— Насчёт баб не знаю, свечку не держал, — обсасывая косточку, сказал Бургас, — но мысль интересная. А вот насчёт денег — могу одну поучительную историю поведать, — и он так посмотрел на Безлепкина, что тот горько раскаялся в своём любопытстве относительно сребролюбия подполковника Бурцева. — Так вот, слушайте. Захотели как-то одни хорошие люди прикупить товарища Бурцева — тогда он ещё майором был. И прислали к нему доброго такого детину. Дитина положил перед Бурцевым кольт сорок пятого калибра и толстую-толстую пачку долларов — так сказать, на выбор. Идиот, гангстерских фильмов насмотрелся. И что же? Дитина оглянуться не успел, как кольт уже оказался в руках Бурцева, и пришлось тому сожрать всю стопку долларов. А Бурцев после этого возьми да и прострели ему брюхо. Так что в «Склифе» у дитины из желудка пинцетом бумажку за бумажкой вытаскивали — прямо через пулевое отверстие. Остальные он выблевал. Я слышал, с тех пор этот бедолага на деньги даже смотреть не может — сразу тошнить начинает. Прямо хоть в монастырь уходи, — видя, как побледнел Безлепкин, Бургас ухмыльнулся: — Может, это всё байки, так что вы уж не умирайте от страха, повремените немножко. Вы нам ещё пригодитесь. Пока, — многозначительно добавил авторитет.

Помолчав, он допил «Твиши», вытер губы салфеткой и спросил как бы между делом:

— А кто, говорите, второй-то с ним был?

— Чёрт его знает, явно фашистского типа молодчик, — покачал головой Безлепкин. — Выглядит как ариец: белобрысые волосы, скуластенький, глаза голубые, ледяные... Джинсы чёрные, а рубашка и куртка — коричневые. Да, коричневые! Такой зарежет — глазом не моргнёт... Ни слова за всю встречу не произнёс!

— Ну, оставим в стороне вашу впечатлительность, однако, судя по всему, этот молодой человек тоже личность серьёзная. Да с другими Бурцев и дела иметь не будет, не то что в напарники взять... — Бургас посмотрел на часы. — Значит так, Андрей Степанович, давайте резюмировать. Вы, как дешёвая проститутка, польстились на какого-то корнета, когда вас уже заказал генерал. Хотели успеть дать и тому и другому. Заработать рубль на корнете и тыщу — на генерале. Ай-яй-яй, нехорошо это, Андрей Степанович, так нехорошо, что прямо-таки даже плохо, из рук вон плохо! Ну, какого лешего вы, занимаясь с нами делами на десятки тысяч долларов, связались с этой несчастной ворованной иконой? А? И ещё. Вы документы у этого Бурцева посмотрели? Там же чёрным по белому написано — отдел убийств! Понимаете? Если к вам приходил Бурцев, значит эта икона замазана в убийстве! И не рядовом убийстве — Бурцев такими делами не занимается. Следовательно, он будет землю рыть. И куда прикажете прятаться? Под землю? В могилу? Если вы спешите, то — пожалуйста. Но, извините, компанию вам я составить не могу. Увольте.

— Да хватит уже пугать, Николай Павлович! — истерично выкрикнул Безлепкин. — Давайте о деле говорить.

— О деле? О каком деле? О нашем совместном, которое вы бездарно, не за понюх табака завалили? Ну, почти завалили. Что ж, извольте. Давайте поговорим о деле. Отныне ваша доля снижается в полтора раза против первоначальной ставки. Это гуманно, Андрей Степанович. Я и так в своё время определил для вас чересчур завышенные дивиденды. Ведь, по сути, всю работу и весь риск берут на себя мои люди, а ваше дело — только переставлять камушки с одной цапки на другую. Согласны со мной?

Антиквар обречённо кивнул. Похоже, кончилась хорошая жизнь. А как славно было получать от людей Бургаса краденую ювелирку и с помощью опытных мастеров лпать из неё новые, не значащиеся в розыске украшения! И, в общем-то, риск минимальный: ничего не знаю, ничего не ведаю — пришёл клиент, попросил переделать старый браслет, согласно последним веяниям моды...

— Второе, — жёстко продолжал Бургас. — Свой антикварный магазин на Таганке вы сегодня же закрываете. На учёт, переучёт, по санитарным соображениям — придумывайте, что вашей душе угодно. И откроется он не раньше, чем наше — обратите внимание:

я всё ещё говорю «наше» — дело, развёрнутое МУРом вокруг этой злосчастной иконы, будет полностью закрыто. Я ясно выражаюсь?

Безлепкину было всё ясно. Куда уж ясней! Во всяком случае, приведение приговора в исполнение Бургас отложил на неопределённое время. А это уже неплохо. В конце концов, Бургас — выскочка, вор новой формации. А за ним, Безлепкиным, — опыт работы в глубоком подполье, при советском-то режиме. Да и Бурцев не бог весть какая птица. Ещё и не таких, как он, оставлял в дураках Андрей Степанович — сам КГБ с ним в Риге маху дал, так-то... Это вам не хухры-мухры. Для виду же он деловито проговорил:

— Вот вы, Николай Павлович, весьма убедительно донесли до меня, что подкатывать к этому зверюге Бурцеву с деньгами бесполезно, да и опасно. Но ведь есть и другие способы исправить ситуацию. Как говорил великий вождь и учитель, нет человека — нет проблемы...

— Это мудрое высказывание, — согласился Бургас. — Но не всё то, что мудро сказано, можно легко воплотить. И уж коли инициатива исходит от вас... — Безлепкин протестующе замахал руками, пытаясь возразить, но Бургас жестом осадил его. — Так вот, коли инициатива ваша, давайте так: вы обеспечиваете финансовую сторону решения проблемы, а мы — техническую. Так что с вас — пятьдесят тысяч баксов.

— Побойтесь бога... — продребезжал антиквар.

— Поверьте, милейший Андрей Степанович, — прижал руку к сердцу авторитет, — всевышний — единственное существо, которого я боюсь. И потому сумму называю разумную. Выпишете чек или подвезёте деньги наличными? Лучше, конечно, наликком.

Безлепкин буквально раскалывался надвое. Бургас, видя его замешательство, спокойно пояснил:

— Видите ли, этот человек, Бурцев, он какой-то... Ну, скажем так, необычный клиент для сами знаете кого. И потом, Андрей Степанович, ваша мысль насчёт решения проблемы подобным способом не оригинальна.

— Что, уже пытались?

— Угу. И каков результат? Иных уж нет, а те — далеке.

Не знаю, как вы, антиквары, а киллеры — народ суеверный. Так что, уверяю вас, даже за названную сумму к нам не выстроится очередь из желающих попытать счастья.

— Дайте время подумать, Николай Павлович, — предложил компромисс Безлепкин.

— Думайте, дорогой товарищ, думайте. Вам много о чём есть подумать...

Глава двадцать первая

Вера Ардашкина допоздна наблюдала за суетой возле коттеджа Хрипуновых, то и дело наполняя стаканчик жёлтой текилой. Она так и не уснула, несмотря на обильные возлияния.

Когда в середине семидесятых Ардашкин внезапно бросил её, она чуть не помutilась рассудком. Мир перевернулся в представлении Веры Ильиничны. Оказывается, её собственная судьба и судьбы других людей вовсе не обязаны развиваться по приглянувшемуся ей сценарию. Выходит, и здесь её обманули... Кто? Да всё.

Как же так? Ардашкин, столько лет терпевший её издевательства, измены, капризы и откровенное сживание со свету (а Вера Ильинична даже писала на него анонимки, обвиняя в антисоветизме), этот самый Ардашкин, оказывается, в любой момент мог вот так взять и уйти от неё. О, нет, в это невозможно поверить! Как же ей жить дальше? С кем?

Действительность, впрочем, оказалась гораздо безрадостней, чем предполагала Ардашкина. Исчезновение объекта издевательств, эмоциональная пустота — это, оказывается, ещё не самое ужасное. Уже через пару дней на квартиру в сталинской башне нагрянули два милиционера и, проверив документы Ардашкиной, попросили гражданочку «отправляться по месту прописки». Дело в том, что жадная Вера Ильинична не хотела терять довольно хорошую жилплощадь своих стариков, потому и не выписалась от отца и не прописалась у Ардашкина, будучи абсолютно уверенной, что апартаменты в сталинской башне со шпилем никуда от неё не денутся...

Вера Ильинична уселась в кресло и категорически заявила милиционерам, что никуда выезжать из квартиры своего законного мужа не собирается. Похоже, этого-то стражи порядка и ждали. В их глазах сверкнули какие-то нехорошие искорки. Для проформы старший сказал ещё раз:

— Гражданочка, убедительно просим вас отправляться по месту прописки. Вы имеете право взять всё необходимое, а мы сейчас вместе с вами составим опись того, что вы возьмёте.

Вера Ильинична гордо молчала, но подсознательно уже чувствовала, что ввязалась куда-то не туда, что надо бы покориться. Она вдруг с ужасом осознала собственную незащищённость! Понятно, что милицейские выполняют волю могущественного Ардашкина. Без его санкции никто не посмел бы тронуть жену академика-чекиста!

— Вы отказываетесь выполнять требования представителей закона? — плотоядно осведомился один из бугаев.

— Да, отказываюсь, — по инерции сказала Ардашкина.

Больше переговоров с ней не вели. Она не успела опомниться, как ей профессиональным движением вывихнули левую руку, и острая, непереносимая боль заполнила собой пространство и время. А потом посадили в милицейский уазик...

Утром следующего дня Вере Ильиничне вклеили два административных штрафа: за проживание без прописки и за противодействие органам милиции в выполнении ими служебных обязанностей. Она, не вникая в суть, расписалась в протоколе...

Молоденький сержантик кое-как вправил ей опухшую руку, и Вера Ильинична, качаясь, поплелась на квартиру к своему отцу Илье Викентьевичу, где и была официально прописана. Благо родительский кров находился рядом.

Раннее утро само собой предполагало присутствие в отчем доме ещё двоих похмельных персонажей, отпаивающихся жидким чаем. В глазах Веры Ильиничны поплыл розовый туман ярости:

— А ну все вон отсюда, алкаши вонючие!

— Верка? — слегка удивился отец. — Знакомьтесь, мужики: моя дочь, жена академика, между прочим. Извини, Верунчик, угостить тебя нечем.

— Вот я вас сейчас сама угощу, — вскипела Вера, пытаясь выволочить из-за стола обрюзгшего выпивоху.

— Илья, да что ж это такое? — зывал к хозяину квартиры недоумевающий гость.

Боль в руке дала себя знать, и Вера выпустила мужика. В коридоре сняла телефонную трубку, вызвала милицию.

— Предлагаю всем смываться, сейчас милиция приедет, — заявила она собравшимся.

— Да пусть едут, ты же и штраф платить будешь, — отмахнулся отец. — С нас всё равно взять нечего.

Ошибка Веры Ильиничны заключалась в том, что здание, в коем проживал её отец, располагалось на участке того же отделения милиции, что и сталинская башня со шпилем. Из этого-то самого отделения гражданку Ардашкину и выпроводили с полчаса назад. Поэтому возникшие в квартире Ильи Викентьевича милиционеры реагировали на вызов и так называемую потерпевшую чуть ли не с улюлюканьем:

— Что, Илья, и тебе житья не стало с этой дамочкой? — подмигнул сержант отцу Веры Ардашкиной.

— Вот, из дому гонит, — пожаловался бывший интеллигент.

— Плохо, знать, ты её воспитывал, — назидательно промолвил сержант. — Но, говорят, учить никогда не поздно, не так ли, папаша? Пошли, гражданочка, в отделение. Вы нарушаете общественный порядок.

С тех пор Вера Ильинична превратилась в просто Верку, безропотно бегала за бутылкой в ближайший гастроном, готовила нехитрую закуску для гостей отца...

Она всё ещё оставалась Ардашкиной, то есть формально — замужней дамой, Анатолий Семёнович почему-то не настаивал на разводе. И присылал деньги — аккуратно раз в месяц. Об этом заранее знала вся гоп-компания: два бывших журналиста, один художник, один поэт, один писатель и ещё — поклонник каких-то древних волхований... Пили весело, за Верочкой изысканно и картинно ухаживали все по очереди. До секса, естественно, не доходило — водочка, понимаешь... Но все искренне радовались общению и по-настоящему дружили. Иногда Вера Ильинична с удивлением ловила себя на мысли, что эти несколько лет жизни с отцом — самое счастливое время в её судьбе.

На праздники академик Ардашкин присылал цековский продуктовый набор: водка «Посольская», коньяк «Армянский», две девяностограммовых баночки чёрной икры, две стосорокаграммовых баночки красной, печень трески, балык мясной и рыбный, финский сервелат, сливочное масло, сыр...

— Славный всё-таки у тебя муж, Верунь, — нахваливал яства её отец. — Ну да ладно, не судьба так не судьба... Одно жаль, кабы Тёмка-то не умер, ты бы сейчас такие алименты получала —

закачаешься! Ну, ладно, молчу, молчу... Дело божье... А ты у меня живи, я тебя люблю, дочка. В обиду не дам никому.

Так и шли годы. Глубокой осенью 1991-го в дверь позвонили, и двое в штатском велели Вере Ильиничне следовать за ними.

— С вещами? — покорно спросила она.

— Зачем? — удивился чекист. — Сейчас в морг поедем на опознание трупа. А потом вас обратно привезём.

Приехали в Лефортово, спустились в подвал мрачного, глухого здания. В просторной комнате с запахом формалина и кафельными стенами лежал на железном столе голый сухощавый, весь жёлтый мертвец с хорошо знакомой шкиперской бородкой. На месте правого виска чернела рваная дырочка.

Влажная пелена застелила глаза Веры Ильиничны. Неужели он всё-таки был ей дорог? Странная штука — человеческая душа...

— Вот, распишитесь, — ткнули Вере Ильиничне какую-то бумажку. — Мол, опознаю в предъявленном мне трупе мужчины моего мужа, Ардашкина Анатолия Семёновича...

— Но я не успела как следует рассмотреть, — вытирая глаза, забормотала Вера Ильинична.

— Подписывайте, подписывайте, — доброжелательно, будто обращаясь к душевнобольной, проворковал ей грузный человек средних лет.

А другой подвёл к зарешеченному окну под потолком и мечтательно вздохнул:

— Эх, Вера Ильинична, у природы нет плохой погоды! Жить-то как хорошо, даже в такую слякоть... И каково этому бедолаге, вашему мужу, — сделал он нажим на двух последних словах, — лежать голым на металлическом столе... Представить страшно... Страшно ведь, Вера Ильинична? — его голос превратился во вкрадчивый шёпот.

Она посмотрела на своего собеседника и отшатнулась от его холодного пронизательного взгляда. Затем автоматически шагнула к столу и, с трудом сдерживаясь, чтобы не упасть в обморок, подписала всё, что от неё требовалось.

По факту самоубийства академика Ардашкина было возбуждено уголовное дело, но его быстро прикрыли. Тогда многие партийные, военные и чекистские чины пускали себе пули в лоб, прыгали с балконов... К тому же была найдена предсмертная за-

писка Ардашкина, где он объяснял причины своего добровольного ухода из жизни: мол, при новой власти его дело на благо родины будет обречено на ошельмование и непонимание.

Ирония судьбы заключалась для Веры Ильиничны в том, что унаследовать «фатеру» — так Ардашкин шутливо называл хоромы в сталинском доме — она не смогла. Жильё было казённым. Точно так же и квартира в жилом посёлке при секретном НИИ Минобороны в Подмосковье. Единственное, чем разрешили пользоваться вдове академика «вплоть до дальнейшего распоряжения», — это дачей Анатолия Семёновича в Серебряных Ключах. Что же касается вкладов академика в сберкассе, деньги эти были в начале девяносто второго практически аннулированы, а забрать их до роковой денежной реформы Вера Ильинична не могла по закону — требовалось выждать полгода...

Правда, жалкие остатки удалось перевести в доллары — на это у Ардашкиной соображения хватило. Какое-то время из-за рубежа продолжали поступать «убитые» налогами гонорары за совершенно непонятные монографии Анатолия Семёновича, переведённые на другие языки. К тому же спустя какое-то время власти смилостивились и всё-таки выписали Вере Ильиничне крошечную пенсию за мужа-самоубийцу (и, как поговаривали, казнокрада).

Вера Ильинична распростилась с отцом, обещав выслать ему по возможности копеечку-другую, и переехала в Серебряные Ключи, благо здесь были проведены и газ, и вода. Вот так, на птичьих правах, в бревенчато-дощатой даче, доставшейся Ардашкину «по эстафете» от наследников какого-то сталинского научного светила, и доживала свой век Вера Ильинична.

Обследова древний шифоньер, она кое-что обнаружила. Но не испугалась, а лишь усмехнулась. Это был пистолет Макарова — тот самый, из которого якобы застрелился её муженёк. Вся обойма цела, и документы на месте...

Интересно, а кому же досталась их квартира в сталинской высотке? Однажды Вера Ильинична со скуки поехала туда... Знакомая консьержка охотно пропустила её, сказав, что в семьдесят третьей квартире уже с 1991 года проживает некто Маслов Юрий Георгиевич, какой-то заслуженный пенсионер.

Лифт не работал, Вера Ильинична пешком пошла наверх, сама не зная, зачем. Навстречу ей спускался какой-то бодренький

старичок, семенивший сверху, смешно раскорячивая ножки. Ардашкина посторонилась, старичок миновал её. Вдруг его шаги стихли, и Вера Ильинична непроизвольно обернулась. Незнакомец пристально смотрел на неё снизу, улыбаясь неподвижной улыбкой, потом мягко сказал:

— Маслов, Маслов моя фамилия. Маслов Юрий Георгиевич. Фатера семьдесят три.

— Сколько раз я тебе говорила: не фатера, а квартира, — услышала Вера Ильинична свой голос как бы со стороны. — А Тёмочку убила я. Сама. Заморозила насмерть.

Маслов смотрел на неё, всё так же неподвижно улыбаясь, и, как буддийский болванчик, кивал головой.

...Она очнулась на кухне в квартире отца — перед ними стояла початая бутылка водки. Оказалось, что провал в памяти составлял больше трёх часов. А ведь Вера Ильинична всё это время что-то делала, передвигалась в пространстве и при этом вела себя вполне адекватно — не привлекая общественного внимания в лице скорой или милиции. Жуть какая-то!

С тех пор эти ничем не спровоцированные провалы в памяти начали происходить с Верой Ильиничной периодически. И она молила бога лишь об одном: чтоб в этом сомнамбулическом состоянии не натворить невесть чего! Может быть, поэтому и старалась с утра пораньше нагрузиться текилой — таким образом у неё хотя бы ограничивались двигательные способности.

Всё что угодно, только не дурдом! Уж лучше самоубийство, твёрдо решила Вера Ильинична. Она максимально замкнулась от мира. Ни телевизора, ни радио, а теперь — и телефона. Даже о смерти отца она узнала случайно, спустя месяца два или три — никто из их тесной гоп-компании не ведал, где её искать, да и не хотел особо хлопотать.

...За ночной суетой возле коттеджа Хрипуновых наблюдала не только «текиловая вдовушка», как прозвал Ардашкину бывший следователь Генпрокуратуры Пётр Ванников. Покуривая на балкончике и зябко кутаясь в турецкий халат, за следственно-оперативной бригадой пристально поглядывал доктор Вячеслав Градов. Его, естественно, волновало лишь одно: как бы кто-нибудь из этих шустрых оперов не обнаружил телефонный шнур, ведущий от особняка Хрипунова к коттеджу Градова. Известному психиатру с солидной клиентурой вовсе не улыбалось прослыть

пособником чьей-то слежки за неверной женой, да к тому же закончившейся двойным убийством.

Как и предполагал Градов, никто из сыскарей не сунулся в мокрый сумрачный сад — ну, чего там искать, скажите на милость, если всё действие происходило внутри дома? И доктор с облегчением вздохнул, когда машины, одна за другой, отчалили из посёлка. «Даже дежурную охрану в коттедже не оставили, — подумал Градов. — Как это всё-таки по-советски! Боже мой, когда же я, наконец, уеду из этой страны...»

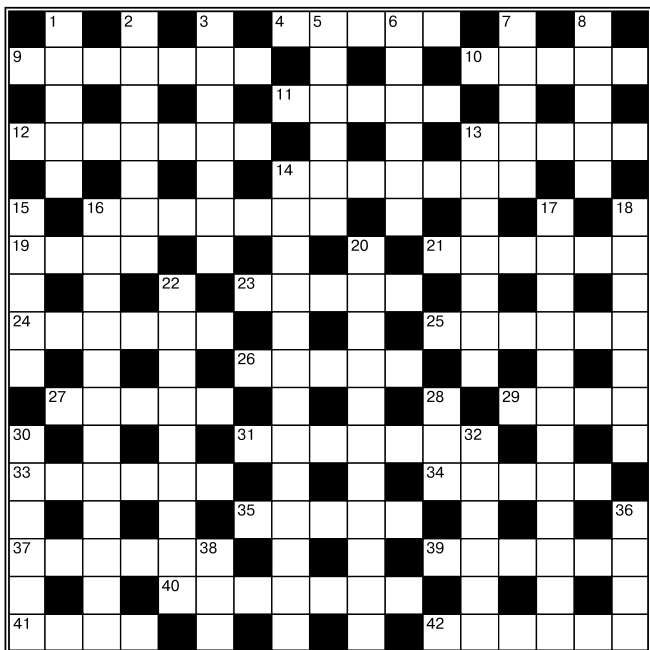
Доктор надел тёмный плащ, спустился в сад и подошёл к сплошному дощатому забору, разделявшему владения Градова и Хрипунова. Здесь он потянул на себя слегка закреплённую доску, которую они с Маратом совсем недавно вынимали, и проник на участок соседа. Покойного соседа... Н-да. Постоял, прислушиваясь. Лишь ветер завывал в кронах уцелевших сосен. Градов принялся шарить в темноте возле бани...

Тонкий пластиковый шнур он нашёл быстро, оборвал его и кинул конец ко входу в баню. Пусть, в случае чего, какой-нибудь умник придёт к глубокомысленному заключению, что покойный Хрипунов проводил себе в баньку параллельный аппарат.

Перебравшись на свою сторону, Градов тщательно заделал дыру в заборе, подобрал «свой» конец провода и двинулся к коттеджу, по пути сматывая шнур. Теперь ничто не говорило о его участии во вчерашней трагедии — даже косвенном.

Он подошёл к своему двойному кирпичному гаражу, проверил запоры, зевнул и пошёл домой — спать, спать...

Окончание следует

По горизонтали: 4. «Ваше благородие, госпожа ..., для кого ты добрая, а кому иначе».

9. Кто из тургеневских героев так хвалил любимую женщину: «Богатое тело. Хоть сейчас в анатомический театр»? 10. Газ, чей запах хорошо знаком шахтёрам. 11. «Лобовой ракурс». 12. Что висит в домике Карлсона на том же гвоздике, что и картина? 13. Какая река приняла в подарок от грозного атамана персидскую княжну из песни «Из-за острова на стрежень»? 14. Жертва «одноруких бандитов». 16. Какой минералкой лечился русский царь Николай II? 19. Какое масло используют для христианского обряда «соборование», чтобы на больного снизошла «божественная благодать»? 21. Какую певицу любил всю свою жизнь Иван Тургенев? 23. Джордано ... предлагал поменять имена зодиакальных созвездий на названия дюжины людских добродетелей. 24. «Замена папы с мамой» для сироты. 25. Портьерный материал для платья Скарлетт. 26. «Пускай капризен ..., он выбирает из тех, кто может первым посмеяться над собой!» (из песни). 27. На парижском кладбище Монпарнас есть могила Александра Алёхина с надписью «... шахмат России и Франции». 29. Какой самоцвет сохнет без влаги? 31. Когда юной художнице Джине Лоллбриджиде предложили сниматься в кино за тысячу лир в день, она гордо ответила: «За..., так и быть!» 33. Кто сдаёт в аренду капитал? 34. Индийская руководительница, чей муж умер в раннем возрасте, старший сын погиб в авткатастрофе, младшего

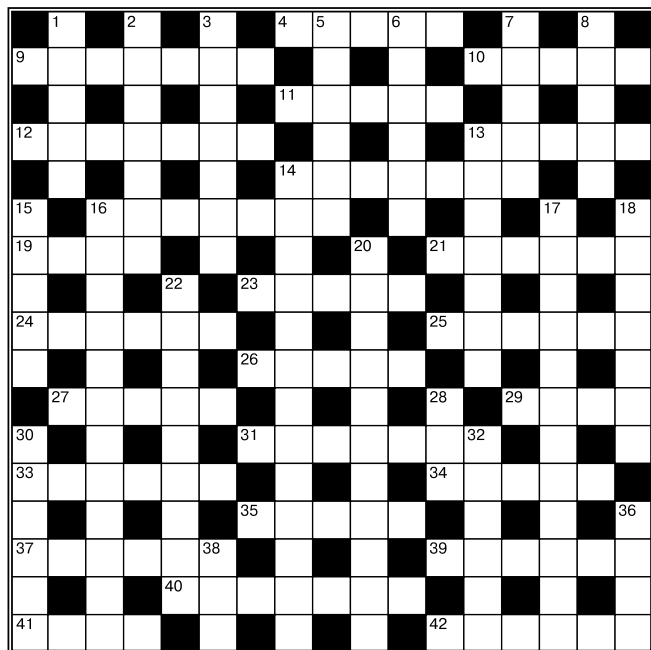
взорвали террористы, а сама она была расстреляна в упор из автомата. 35. Братья Гонкур утверждали: «...при своём появлении никогда не бывает шедевром: она им становится». 37. Какой зверёк стал символом штата Северная Дакота? 39. Компьютерный «ксерокс». 40. Мишень для баскетболиста. 41. Носатый пришелец из сериала. 42. Подрывает и основы семьи, и основы государства.

По вертикали: 1. Неаполитанский ... запечатлён на картинах Ивана Айвазовского. 2. Наш киноактёр, вроде как получивший от отставного генерала Вольфа ящик коньяка после выхода на экраны телефильма «Семнадцать мгновений весны». 3. «Каждая лошадь думает, что её ... самая тяжёлая». 5. Русский император Пётр Великий любил повторять: «Кому... дороже чести, тот должен оставить службу». 6. Хотя он и не мореплаватель вовсе, а лётчик, но на его памятнике в Нижнем Новгороде нарисована карта Северного Ледовитого Океана. 7. Про него Брижит Бардо говорит так: «Конечно, Аллен красив. Но комод в стиле Людовика XVI в моей гостиной тоже очень красив». 8. Какой фрукт тайцы перед съедением посыпают перцем и солью? 13. Единственная страна, чьё население вырастает не естественным путём, а вследствие продвижения по службе. 14. Любимое направление в живописи для Сильвестра Сталлоне. 15. Русский писатель, полагавший, что, «если против какой-нибудь болезни предлагается очень много средств, то, значит, болезнь неизлечима». 16. Повод взять «декретный отпуск». 17. «Финал» первой в мире истории любви. 18. Кто отдал Золотой ключик Буратино? 20. «Аристократ духа». 22. Какой приз вручают на Каннском кинофестивале режиссёру, снявшему самый скучный фильм? 28. Если бы ... внимал молитвам людей, то скоро бы все люди погибли, постоянно желая зла друг другу. 30. Рыба на крабовые палочки. 32. Средство защиты хирурга от советов пациента во время операции. 36. Музыкальный инструмент Евлампии Романовой из детективов Дарьи Донцовой. 38. Международный бестселлер «... да Винчи» от американца Дэна Брауна.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 6

По горизонтали: 3. Суббота. 7. Ранг. 10. Фирма. 12. Благородство. 13. Кросс. 15. Легенда. 16. Комикс. 19. Пат. 20. Квебек. 24. Эссе. 25. Ретроград. 27. Пруд. 28. «Тетрис». 29. Кабачок. 30. Рокфор. 31. Жаркое. 33. Бог. 36. Лавра. 37. Матадор. 40. Венок. 42. Таран. 43. Счастье. 44. Клико. 45. «Битлз». 46. Стеллаж.

По вертикали: 1. Гидра. 2. Смысл. 4. Уэллер. 5. Бигуди. 6. Таро. 8. Автоинструктор. 9. Гроссмейстер. 11. Идиот. 14. Север. 16. Карат. 17. Эксперт. 18. Девушка. 21. Кенар. 22. Архар. 23. Агроном. 26. Деканат. 29. «Кодак». 32. Кречет. 34. Галька. 35. Земля. 36. Лодка. 38. Дания. 39. Ралли. 41. Осёл.

По горизонтали: 4. Рукописный шрифт «Остромирова евангелия». 9. Военное общежитие. 10. Язык, в котором знал толк Велимир Хлебников. 11. Если прожить в Эфиопии четверть века с одной женой, то получишь... «За супружескую верность». 12. Марк Твен составил список из 27 вещей, которые надо спасать, если в доме случится пожар: на первом месте в нём стоит ..., а на последнем тёща. 13. «Говорящая труба» из повести «Котлован» Андрея Платонова. 14. Любимая марка пистолета для Джеймса Бонда. 16. Игра из новеллы «Человек, который смеялся» американца Джерома Сэлинджера. 19. Около ста тонн жидкого воздуха переработал Уильям Рамзай, чтобы получить благородный газ. Какой? 21. «Остров добровольного изгнания» Виктора Гюго. 23. Роль Александра Вертинского, когда он первый раз снимался в кино у Ханжонкова. 24. Помните у Осипа Мандельштама: «Я на лестнице чёрной живу, и в висок ударяет мне вырванный с мясом ...»? 25. Что оборвало жизнь Антисфена? 26. Какой великий французский художник написал свой последний шедевр, будучи уже слепым? 27. Кто сочинил слова к бродвейскому мюзиклу «Cats» Эндрю Веббера? 29. «Истинный учитель» для Леонардо да Винчи. 31. Какой европейский парламент в 1800 году разогнали было датчане, да после поскорее одумались? 33. «Матерь моя — земля, а отец — Прометей-огненосец. Две у меня руки над полым вскинутым чревом. Если же я упаду, моя мать меня делит

на части». 34. Наполеоновские пехотинцы носили синие брюки. А что у них было чёрным? 35. Разбившийся самолёт из романа «Убить ворона» Фридриха Незнанского. 37. Кто из американских президентов целовался с Леонидом Брежневым? 39. «Корми его 1000 дней, чтобы использовать 1 час» (герой поговорки). 40. Какой музыкальный инструмент попал в Шотландию благодаря войскам Цезаря? 41. «Первопричина мира» у китайцев. 42. Национальность отца голливудской звезды Чака Норриса.

По вертикали: 1. Морской налим. 2. Победителю недели Высокой моды в Москве вручают «Золотой...». 3. Какой камень в Аюрведе помогает контролировать эмоции? 5. Какая кошка способна схватывать взлетающих птиц в трёх метрах от земли? 6. Место работы героини Ирины Купченко в фильме «Одинокая женщина желает познакомиться». 7. «На ... ехать, с собой цены не возить». 8. «Венец классицизма». 13. Универсальный закон мерфологии гласит: «... сложной задачи поручайте ленивому сотруднику — он найдёт более лёгкий путь». 14. Враг, о котором приходится заботиться. 15. Как дразнят солдата Чонкина односельчане в произведениях Владимира Войновича? 16. Кто подсказал Эльдару Рязанову тему «Иронии судьбы»? 17. Величайшая грузинская актриса, перед талантом которой склонялась великая Фаина Раневская. 18. Химическое соединение для вскрытия сейфов. 20. Обмен пулями. 22. Кто из советских политиков единолично принимал решение о развитии хоккея в России? 28. Кто из культовых психологов считал встречу с самим собой — одной из самых неприятных в своей жизни? 30. Какой цветок древние греки посвящали богине ужасов Гекате? 32. Какой наркотик в годы Первой мировой войны использовали для улучшения настроения солдат и подавления чувства страха? 36. Первый шахматный учитель Анатолия Карпова. 38. Каждый кошачий ... имеет уникальный отпечаток. И в природе нет двух одинаковых!

Ответы на эрудит, напечатанный в №6

По горизонтали: 3. Булавка. 7. Марк. 10. Вальс. 12. Благодарумие. 13. Метис. 15. Калипсо. 16. Запрет. 19. Тар. 20. Клинок. 24. Илья. 25. Пастернак. 27. Леня. 28. Рубенс. 29. Бухарин. 30. Фосфор. 31. Пассив. 33. Бес. 36. Рояль. 37. Детство. 40. Браун. 42. Икота. 43. Авокадо. 44. Гелий. 45. «Интел». 46. Кретьен.

По вертикали: 1. Валет. 2. «Бьюик». 4. Уиллис. 5. Август. 6. Кэри. 8. Адмиралтейство. 9. Крестьянство. 11. Взвар. 14. Салоп. 16. Загар. 17. Акалифа. 18. «Гиннесс». 21. Капур. 22. Атлас. 23. Архимед. 26. Кутаиси. 29. Бозон. 32. Клевер. 34. Сердце. 35. Эрпен. 36. Рубик. 38. Ткань. 39. Ответ. 41. Скит.

Уважаемые читатели!**Подписаться на журнал «Смена» также можно через редакцию.**

Оформить подписку на журнал «Смена» вы можете в редакции с получением по почте.

Заполните купон и оплатите квитанцию в любом отделении Сбербанка, вышлите копию купона и оплаченной квитанции по адресу:

127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д. 14 стр. 1,

или по факсу: (499) 257-13-78, либо на эл. почту: sales@smena-online.ru

Подписка с учетом доставки на 1 месяц стоит 66 руб., на 3 месяца – 198 руб., на 6 месяцев – 396 руб.

КУПОН

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

Копия квитанции об оплате от _____ с отметкой банка прилагается.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810600000000119
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044583119 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
	Подписка на журнал «Смена»		
	Подпись плательщика		
	Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>	
Расчетный счет		40702810410150414401	
ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>			
Корреспондентский счет		30101810600000000119	
ИНН 7714026110		КПП 771401001	
БИК 044583119 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)	
<small>другие банковские реквизиты</small>			
Адрес:			
Ф.И.О.			
Вид платежа		Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на журнал «Смена» с любого месяца второго полугодия 2011 года во всех отделениях почтовой связи по следующим каталогам:

<p>КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»</p>		<p>Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов</p> <p>Индекс 70820 — для остальных подписчиков</p>
<p>КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ «ПОЧТА РОССИИ»</p>		<p>Индекс 99406 — для всех подписчиков</p>
<p>ОБЪЕДИНЁННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»</p>		<p>Индекс 88998 — для всех подписчиков</p>

« - Помнишь, Пётр Игнатьевич предчувствовал свою смерть? – со значением произнёс Бурцев. – Нутром её чуял. А почему? Потому что уж больно близко она ходила и людей выбирала по чёткому принципу! В последние дни в посёлке погибли все, кто, так или иначе, был связан с мемуарами Ванникова. И способ убийства вполне работал. Бывшего следователя генпрокуратуры больше нет, нет заказчика Марата Хрипунова, и Вера Ардашкина, всего-навсего, замёрзла по пьяни в загодя приготовленной кем-то могиле! И у всех этих убийств один режиссёр, и он явно наслаждается своей работой...»
Александр Аннин «Коттедж с видом на убийство»

« Принцесса, великая княгиня, императрица... Кто знает, в какой из этих ипостасей была счастлива маленькая девочка из Дармштадта, которой жизнь, казалось бы, дала всё, о чём можно только мечтать, и которая умерла такой несчастной...
Спустя месяц после смерти жены Александр Второй обвенчался с княжной Екатериной Долгорукой, а ещё через восемь месяцев он погиб от бомбы террориста народолюбца...»
Светлана Бестужева-Лада «Принцесса из Дармштадта»

« Блока принято описывать, как холодного, надменного петербуржца, «певца туманов», сдержанного и желчного человека. Но на самом деле было два Блока – канонический петербургский и неизвестный – московский. Да, их было двое: утренний и вечерний, светлый и тёмный, трезвый и пьяный, добрый и злой. Мрачный мистик, подверженный приступам депрессии, и неизвестный нам доселе Блок – светлый и счастливый...»
Светлана Марлинская «Трагический тенор эпохи!»